

С. В. МАЗОВ

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА В "СЕРДЦЕ АФРИКИ"

СССР и Конголезский кризис
1960 – 1964

Университет Дмитрия Пожарского

Холодная война

Сергей Мазов

**Холодная война в
«сердце Африки». СССР и
конголезский кризис, 1960–1964**

«Русский фонд содействия образованию и науке»

2015

УДК 93
ББК 63.3

Мазов С. В.

Холодная война в «сердце Африки». СССР и конголезский кризис, 1960–1964 / С. В. Мазов — «Русский фонд содействия образованию и науке», 2015 — (Холодная война)

ISBN 978-5-91244-121-9

Эта книга об участии нашей страны в событиях в Конго в 1960–1964 гг., вошедших в историю как конголезский кризис. Конго стало первой горячей точкой холодной войны в Африке южнее Сахары. Схватка за огромную территорию в «сердце Африки», богатую стратегическим минеральным сырьем, наполнена событиями, которые «потрясли мир». Беспорядки, охватившие страну через неделю после провозглашения независимости, отделение провинции Катанга и ввод войск ООН (июль 1960). Убийство премьер-министра Патриса Лумумбы, одного из символов независимой Африки (1961). Драматическая, полная неожиданных поворотов трехлетняя борьба за возвращение Катанги в состав Конго (1960–1963), стоившая жизни Генеральному секретарю ООН Дагу Хаммаршельду. Мощное восстание сторонников Лумумбы (1964), которое удалось подавить только при помощи внешней военной интервенции, что повлекло гибель десятков белых заложников. На основе документов из архивов России, Великобритании и США исследована роль Советского Союза в конголезском кризисе, его мотивы, намерения и действия в контексте политики других игроков, иностранных и конголезских. Автор проанализировал факторы, заставившие советское руководство воздержаться от шагов по эскалации кризиса. Для историков, преподавателей и студентов.

УДК 93

ББК 63.3

ISBN 978-5-91244-121-9

© Мазов С. В., 2015

© Русский фонд содействия
образованию и науке, 2015

Содержание

Введение	7
Холодная война приходит в Конго	13
Бельгийское Конго	14
СССР и Конго: первые контакты	20
Интересы США в Конго	26
Независимость: первые испытания	30
Отделение Катанги и интернационализация кризиса	35
Войска ООН в Конго	39
Лумумба – это «Кастро, если не хуже»	42
Визит Лумумбы в США: коней иллюзий	46
Ахиллесова пята Лумумбы	48
Советская помощь правительству Лумумбы	55
В поисках союзников	63
Касавубу смещает Лумумбу, Лумумба смещает Касавубу	64
Переворот Мобуту	71
Выдворение советского посольства	73
Хрущев против Хаммаршельда	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Сергей Мазов

Холодная война в «сердце Африки». СССР и конголезский кризис, 1960-1964

Посвящается жене Марине

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР АФРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО

Печатается по решению Ученого совета Университета Дмитрия Пожарского

Рецензенты:

д. и. н. Егорова Н. И.

д. и. н. Шубин В. Г.

Введение

Маркус вдруг понял, что, каким бы огромным ни был мир, Конго всегда будет больше этого мира.
Альберт Санчес Пиньоль. Пандора в Конго.

Эта книга об участии нашей страны в событиях в Конго в 1960–1964 гг., вошедших в историю как конголезский кризис.

В ходе деколонизации Африканского континента Конго превратилось в арену соперничества противников по холодной войне, стало ее первой горячей точкой в Африке южнее Сахары. Конго привлекало многим. Завидным географическим положением – огромная территория в центре континента («сердце Африки»), граничащая с 9 колониями и государствами. Сказочно богатыми стратегическим сырьем недрами – одни из крупнейших в мире месторождения меди, кобальта, урана, промышленных алмазов, значительные залежи тантала, олова, цинка.

США и их союзники по НАТО опасались, что в случае установления в Конго «коммунистического влияния», по принципу домино та же участь постигнет и сопредельные территории.

Опасения были не лишены оснований. Премьер-министром Конго стал Патрис Лумумба, левый националист, почитатель президента Ганы Кваме Нкрумы и президента Гвинеи Секу Туре, установивших отношения с Советским Союзом. Советский лидер Н. С. Хрущев был не прочь пополнить список африканских друзей, с помощью которых он рассчитывал на нараставшей антиколониальной волне ворваться в «мягкое подбрюшье империализма»¹. Удастся ли СССР действовать в Конго столь же успешно как в Гвинее, Гане, Мали? Этот вопрос для Африки 1960 года был судьбоносным.

После провозглашения независимости Конго 30 июня 1960 г. бывшая метрополия Бельгия использовала антибельгийские настроения конголезцев для дестабилизации положения в своей бывшей колонии. Последовал ввод в Конго бельгийских войск и отделение богатейшей провинции Катанги. Лумумба и президент Конго Жозеф Касавубу потребовали срочно направить войска ООН для «защиты государственной территории Конго от имеющей место внешней агрессии, которая угрожает международному миру»².

СССР и США согласились с необходимостью операции ООН в Конго. Конголезский кризис приобрел международный характер. Президент США Дуайт Эйзенхауэр, Хрущев и Лумумба рассчитывали обернуть интернационализацию кризиса в свою пользу. Целью Эйзенхауэра было превратить войска ООН в «щит» против коммунистического проникновения, не допустить прямого советского вмешательства в Конго, защитить интересы Запада руками ООН, сэкономив собственные средства и ресурсы. Хрущев считал, что операция ООН расширит возможности СССР влиять на события в Конго и поддерживать правительство Лумумбы. А конголезский премьер надеялся с помощью войск ООН восстановить территориальную целостность страны. Советский и конголезский лидеры быстро убедились, что через операцию ООН в Конго реализуется американский сценарий. Лумумба обратился к СССР за помощью в обход ООН для проведения военной акции против отколовшейся Катанги. И получил транспортные средства (грузовики и гражданские самолеты) для переброски войск федерального правительства к границам мятежной провинции.

¹ Мирский Г. И. Полвека в мире востоковедения // Восток. 1996. № 6. С. 130.

² S/4382. 13 июля 1960 г. Совет Безопасности. Телеграмма Президента Республики Конго, Верховного командующего национальной армией, и премьер-министра и министра национальной обороны от 12 июля на имя Генерального секретаря.

Начало боевых действий против катангских сепаратистов в конце августа 1960 г. привело к обострению кризиса. С помощью войск ООН и прозападных сил внутри Конго Лумумба был отстранен от власти, советское посольство было выслано из Конго. Хрущев дал задний ход. Его конголезская политика стала определяться необходимостью выхода из кризиса, сохранив державное «лицо» СССР и собственную международную репутацию как последовательного борца против колониализма и империализма. В дальнейшем советское руководство избегало шагов, которые могли вызвать эскалацию конфронтации с западными державами в Конго.

Схватка за Конго богата событиями, которые «потрясли мир». Беспорядки, охватившие страну через неделю после провозглашения независимости, отделение Катанги и ввод войск ООН (июль 1960 г.). Убийство Патриса Лумумбы (17 января 1961 г.), одного из символов независимой Африки. Драматическая, полная неожиданных поворотов борьба за возвращение Катанги в состав Конго (1960–1963 гг.), стоившая жизни Генеральному секретарю ООН Дагу Хаммаршельду. Мощное восстание лумумбистов (1964 г.), которое удалось подавить только при помощи внешней военной интервенции, что повлекло гибель десятков белых заложников.

Для поиска путей выхода из кризиса были задействованы все институты и механизмы ООН – Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности, специально созданный Консультативный комитет по делам Конго, ситуация в Конго была предметом многочисленных переговоров и бесед. Операция ООН по поддержанию мира в Конго стала одной из наиболее масштабных и сложных для «голубых касок».

Документальную основу книги составили архивные материалы. Наиболее ценные документы автор обнаружил в Архиве внешней политики России (АВП РФ). Это информационные сообщения, аналитические справки и записки, записи бесед, другая «продукция» советского посольства в Конго и Африканских отделов МИД СССР, переписка Хрущева с зарубежными политиками о ситуации в Конго. Этот массив документов неравномерно освещает различные этапы и эпизоды конголезского кризиса. Порой в силу объективных причин: сотрудникам советского посольства в Конго дважды, в сентябре 1960 г. и в ноябре 1963 г., приходилось уничтожать документы, когда гражданам СССР было предписано в течение 48 часов покинуть страну. В основном же из-за того, что много информации не рассекречено. Автору не удалось получить ни одного документа советской дипломатической миссии, работавшей в Стэнливиле в 1961 г., когда восточную часть Конго контролировало правительство во главе с преемником Лумумбы Антуаном Гизенгой. Недоступными оказались и материалы о восстании 1964 г.

В Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ) есть материалы об основных направлениях политики СССР в Африке. Рассекреченных документов по Конго – единицы. Остальные хранятся в закрытом для исследователей фонде Международного отдела ЦК КПСС.

В Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) оказались полезными документы о пребывании в СССР конголезских политиков, приезжавших по линии общественных организаций.

За несколько дней работы в Национальных архивах Соединенного Королевства автор нашел важные документы о ситуации в Конго. Особую ценность представляют материалы о конголезской политике президента Ганы Кваме Нкрумы.

У автора не было возможности работать по конголезской тематике в архивах США. Хорошим подспорьем для исследования конголезского кризиса стали программные документы о политике США в Африке и аналитические материалы Госдепартамента и ЦРУ об активности на континенте стран восточного блока, обнаруженные в Национальных архивах при изучении другой темы.

Некоторой «компенсацией» скудности документов из американских архивов стал сборник, подготовленный к конференции, проведенной сотрудниками Проекта по изучению истории холодной войны Центра Вудро Вильсона в Вашингтоне 23–24 сентября 2004 г.³ В сборник вошла, в частности, «Аналитическая хронология» событий в Конго, подготовленная ЦРУ. Интересны как «взгляд противника» на действия СССР в Конго многие документы, опубликованные в серии «Международные связи Соединенных Штатов», подготовленной Госдепартаментом⁴.

Советские документы из сборников, опубликованных Министерством иностранных дел, позволяют проследить официальную позицию СССР по ключевым событиям конголезского кризиса⁵.

Много полезной информации о положении в Конго и советской позиции на разных этапах кризиса содержат материалы ООН – документы Совета Безопасности, Генеральной Ассамблеи, доклады представителей Генерального секретаря в Конго.

Ценным источником являются устные свидетельства непосредственных участников событий, тех, кто буквально «творил историю»⁶.

Мемуарный жанр представлен воспоминаниями дипломатов⁷, разведчиков, работавших в Конго под дипломатическим прикрытием⁸, политиков⁹, сотрудников ООН¹⁰, иностранных наемников, воевавших в Конго¹¹.

Конголезский кризис – лакомое блюдо для исследователей. Американская журналистка и историк Мадлен Калб считает, что битва за Конго «достойна первоклассного приключенческого романа – экзотическое место действия, полный драматизма сюжет, колоритные и влиятельные действующие лица в знаменательный момент своей жизни на фоне рушащейся империи, соперничества великих держав и неожиданного всплеска национализма на всем континенте»¹². Историография конголезского «триллера» обширна: сотни монографий, тысячи статей.

³ CWHIP Conference Reader Compiled for the International Conference “The Congo Crisis, 1960–1961” Washington, D.C., 23–24 September 2004. Organized by The Woodrow Wilson Centers Cold War International History Project and the Africa Program / Edited by Lise Namikas and Sergey Mazov for The Cold War International History Project.

⁴ *FRUS*. 1958–1960. Vol. XIV: Africa. Washington (D.C.). 1992; *FRUS*, 1961–1963. Vol. XX: Congo Crisis. Washington (D.C.), 1994.

⁵ СССР и страны Африки, 1946–1962 гг. Документы и материалы: в 2 т. М., 1963; СССР и страны Африки, 1963–1970 гг. Документы и материалы: в 2 ч. М., 1982.

⁶ The Congo Crisis, 1960–1961: A Critical Oral History Conference. Organized by The Woodrow Wilson International Center for Scholars’ Cold War International History Project and Africa Program. September 23–24, 2004. URL: www.wilsoncenter.org/sites/default/files/The%20Congo%20Crisis%2C%201960-1961.pdf; United Nations Oral History Project. URL: www.unmultimedia.org; The Association for Diplomatic Studies and Training. Foreign Affairs Oral History Project. URL: www.adst.org/oral-history/oral-history-interviews/.

⁷ Гринецкий О. Тысяча и один день Никиты Сергеевича. М., 1998; Виктор Ю. П. Мои африканские эпизоды // Африка в воспоминаниях ветеранов дипломатической службы. 5(12). М., 2004; Hoyt M. Captive in the Congo. A Consul’s Return to the Heart of Darkness. Annapolis (Md), 2000; Scott I. Tumbled House: The Congo at Independence. L., 1969.

⁸ Нажесткин О. И. Годы конголезского кризиса (1960–1963 гг.). Записки разведчика // Новая и новейшая история. 2003; Devlin L. Chief of Station, Congo. A Memoir of 1960–67. New York, 2007.

⁹ Gizenga A. Ma vie et mes luttes. [n.p., n.d.]; Guevara Ernesto ‘Che’. The African Dream. The Diaries of the Revolutionary War in the Congo. Translated from the Spanish by Patrick Camiller. L., 2000; Kama T. The Rise and Fall of Patrice Lumumba. Conflict in the Congo. L., 1978; Macmillan H. Pointing the Way, 1959–1961. New York, 1972; Tshombe M. My Fifteen Months in Government. Translated by Lewis Bernays. Plano (TX), 1967.

¹⁰ О’Брайен К. В Катангу и обратно. М., 1963; Dayal R. Mission for Hammarskjöld. The Congo Crisis. Princeton, 1976; Urquhart B. A Life at Peace and War. New York, 1991.

¹¹ Hoare M. Congo Mercenary. L., 1967.

¹² Kalb M. The Congo Cables: The Cold War in Africa from Eisenhower to Kennedy. New York, 1982. P. XIV.

Работы советских историков составляют ее малую часть. Они содержат полезный фактический материал, но написаны не с целью объективного анализа конголезской политики СССР, а для ее оправдания¹³.

Открытие, хотя и весьма ограниченное, отечественных архивных документов позволило пересмотреть стереотипы, сложившиеся в годы холодной войны. Появились работы, где объективно исследованы реальные советские мотивы и действия на различных этапах конголезского кризиса¹⁴. Однако целостная картина участия Советского Союза в сражении за «сердце Африки» до сих пор не была воссоздана.

Роль СССР в конголезских событиях 1960–1964 гг. не была предметом специального исследования зарубежных авторов. В 1960-е годы большинство западных историков описывали поведение Советского Союза как составную часть изощренного «плана Кремля» по захвату Африки и распространению там коммунистической идеологии¹⁵. Нередко «красная угроза» преувеличивалась, чтобы логичной и оправданной выглядела политика западных держав, прежде всего США¹⁶. Объективистский подход был редкостью¹⁷.

В 1970-80-е годы вышли работы, где действия Советского Союза в Конго анализировались не для иллюстрации его экспансионистских устремлений, а как одного из основных участников холодной войны в «сердце Африки», где он противостоял Западу, защищая свои национальные интересы¹⁸. Хрестоматийную оценку советской политики находим у М. Калб. Решение Хрущева «направить самолеты, оружие и военных советников для помощи Лумумбе в подавлении катангского сепаратизма» было «типичным проявлением авантюризма» советского лидера. Авантюра обернулась отстранением от власти Лумумбы, высылкой из Конго советского посольства, убийством Лумумбы и «личным поражением» Хрущева. Он был вынужден «пересмотреть свои оптимистические выкладки и серьезно взглянуть на африканские реалии». К 1962 г. «после ряда разочарований и поражений в Конго и других странах Африканского континента Хрущев был готов оставить авантюрные мечты и проводить более осторожную, реалистичную политику». И тут его ждало новое разочарование: «Он напрасно искал эффективного радикального политика, который мог бы заменить Лумумбу, и в конце концов решил установить полноценные дипломатические отношения с умеренным правительством во главе с откровенно проамериканским премьер-министром»¹⁹.

Некоторые исследователи расценивают «реализм» Хрущева отнюдь не как здоровую прагматику. Бельгийский журналист и социолог Люде де Витте считает, что СССР имитировал конфронтацию с Западом в Конго, «дрался одной рукой», был безразличен к судьбе левых конголезских националистов и руководствовался исключительно собственными интересами: «У Кремля отсутствовали политическая воля, средства и ресурсы для создания реальной угрозы гегемонии Запада в Конго <...> Очевидно, что Кремль не хотел поддер-

¹³ Винокуров Ю. А., Орлова А. С., Субботин В. А. История Заира в новое и новейшее время. М., 1982; Мартынов В. Заговор против Конго. М., 1960; Юрьев Н. Экспансия США в Конго. М., 1966.

¹⁴ Давидсон А., Мазов С., Цыпкин Г. СССР и Африка 1918–1960. Документированная история взаимоотношений. М., 2002. С. 251–304; Мазов С. В. Советская помощь правительству Антуана Гизенги в бывшем бельгийском Конго, 1960–61 гг. По материалам российских архивов // Архивы – ключ к истории Африки XX века. Материалы международной конференции к 75-летию проф. А. Б. Давидсона / Отв. ред. А. С. Балезин. М., 2005; Masow S. Die Sowjetunion und die Kongokrise 1960 bis 1964 // Krisen im Kalten Krieg. Studien zum Kalten Krieg. Band 2 / Greiner B., Muller C., Walter D. (Hg.) Hamburg, 2008; Mazov S. A Distant Front in the Cold War. The USSR in West Africa and the Congo, 1956–1964. Washington (D.C.), Stanford (Calif.), 2010.

¹⁵ Africa and the Communist World / Ed. by Z. Brezezinski. Stanford, 1963.

¹⁶ Bartlett R. Communist Penetration and Subversion in the Congo. Berkeley (Calif.), 1962; Lefever E. Crisis in the Congo: A UN Force in Action. Washington (D.C.), 1965; Legum C. Congo Disaster. Baltimore (Md), 1961.

¹⁷ Hoskyns C. The Congo since Independence: January 1960 – December 1961. L., 1965.

¹⁸ Weissman S. American Foreign Policy in the Congo, 1960–1964. Ithaca, 1974; Kalb M. Op. cit.; Mahoney R. JFK: Ordeal in Africa. New York, 1983.

¹⁹ Kalb M. Op. cit. P. XIII–XIV.

живать Лумумбу безоговорочно во время конголезского кризиса. Его больше интересовала победа в пропагандистской войне, и Хрущев осудил вмешательство Запада, чтобы укрепить дипломатические позиции Советского Союза в афроазиатском мире. Поражение конголезского национально-освободительного движения было сокрушительным ударом для всех борцов за свободу Африки, но не для лишенных видения исторической перспективы, консервативных бюрократов из Кремля, которые относились к Лумумбе и африканскому национализму как к бросовым вещам». В Конго, делает вывод автор, не было холодной войны: «Конголезский кризис в действительности не был войной между Востоком и Западом за гегемонию в Центральной Африке»²⁰.

Помощник госсекретаря по политическим вопросам Джордж МакГи, курировавший конголезскую политику США с июля 1962 г. по май 1963 г., считает Конго очень опасным фронтом холодной войны. В интервью, данном в 1990 г., он заявил, что у президента Кеннеди «были все основания рассматривать Советов как “врага” в Конго»²¹. Конголезский кризис, полагает американский политик, вполне мог привести к войне между СССР и Соединенными Штатами²².

Новаторскими стали исследования по конголезскому кризису американского историка Лизы Намикас²³. Автору удалось воссоздать действительно международную историю кризиса, представив ее как результат сложного взаимодействия пяти основных игроков: США – СССР – Бельгия – ООН – Конго. Это стало возможным благодаря обширной архивной базе – документов из архивов США, Бельгии, России, ГДР. В ГДР Намикас нашла материалы, проливающие свет на советскую позицию по восстанию 1964 г. Документы по этому сюжету в отечественных архивах не рассекречены. Она считает, что советская политика в Конго была результатом ситуативного сочетания прагматических и идеологических императивов. Хрущев, утверждает Намикас, «шел на взвешенный, разумный риск» для «установления советского влияния в Конго». Советский лидер не был «неуклюжим бегемотом, каким его изображали в исторических работах времен холодной войны, он был существом куда более тонко организованным и прекрасно знал свои слабости». Логично, что он «не прикладывал сверхусилий для завоевания господства» в Центральной Африке, «третьестепенном для СССР регионе». Главной ошибкой Хрущева во время кризиса Намикас считает его отказ от массовой помощи Лумумбе и попыток спасти конголезского премьера, когда тот был отстранен от власти. И тут же признает, что это было невозможно для реально оценивавшего свои возможности политика: «Бездействие Хрущева можно объяснить тем, что СССР и так оказался чрезмерно вовлеченным в конфликт на расстоянии 12 тыс. миль от его территории». Такая осмотрительность обернулась тем, что у Советского Союза в Конго «не было последовательной и твердой политики», «отсутствовал лояльный сильный человек во власти или лидер, который хотя бы просто был внутренне готов вести холодную войну в Африке, как это было в Азии и Латинской Америке»²⁴.

Монография Л. Намикас ввела конголезский кризис в контекст споров в историографии холодной войны между неоортодоксами и постревизионистами. Первые возлагают ответственность за холодную войну на СССР со всеми вытекающими оценками ее генезиса,

²⁰ De Witte L. The Assassination of Lumumba. L., New York, 2001. P. XVI–XVII.

²¹ Ambassador George McGhee. James S. Satterlin, Interviewer. 9 May, 1990. New York // United Nations Oral History Project. P. 5. URL: http://s3.amazonaws.com/downloads2.unmultimedia.org/public/dhl_oral_history/transcripts/McGhee9May90TRANS.pdf.

²² Ibid. P. 10, 33.

²³ Namikas L. Battleground Africa: the Cold War and the Congo Crisis, 1960–1965. A Dissertation Presented to the Faculty of the Graduate School University of Southern California, 2002; *Idem*. Battleground Africa. Cold War in the Congo, 1960–1965. Washington (D.C.), Stanford, 2013.

²⁴ Namikas L. Battleground Africa. Cold War in the Congo, 1960–1965. P. 223–224.

сущности и эволюции. Доказывают, что советская внешняя политика определялась решающим образом идеологическими императивами, а США лишь реагировали на пропагандистское и политическое наступление восточного блока²⁵. Вторые считают, что холодная война стала порождением взаимного непонимания, признают наличие мощной идеологической составляющей и в американской политике²⁶.

Намикас твердо занимает сторону постревизионистов: «Новые данные однозначно свидетельствуют о том, что никто из противников по холодной войне адекватно не представлял цели другой стороны или пределы, до которых она будет (или не будет) защищать свои позиции в Конго. Отстаивание идеологических принципов, которые определяли цели более важные, чем материальные и приземленные, повышало значимость кризиса. Обе сверхдержавы хотели избежать прямого столкновения, но также стремились не выглядеть слабыми перед молодыми независимыми государствами»²⁷.

С постревизионистских позиций написана и работа Элизабет Шмидт, где событиям в Конго в 1960–1965 гг. посвящена отдельная глава²⁸.

Я ставил цель выяснить роль Советского Союза в конголезском кризисе, исследовать его мотивы, намерения и действия на основе архивных материалов и в контексте поведения других игроков, иностранных и конголезских.

Конголезский кризис для СССР – одно из проигранных сражений холодной войны. Н. С. Хрущев не написал о нем ни слова в своих воспоминаниях²⁹. Сегодня необходимо осмыслить причины поражения и сделать правильные выводы. На будущее. Российский историк А. И. Фурсов обосновал эту потребность точно и ясно: «Нам нужно беспощадно честное знание о самих себе, о причинах своего исторического поражения в конце XX века. Это необходимое, хотя и недостаточное условие не только побед, но и выживания в XXI веке в тех испытаниях, которые он несет и которые не за горами»³⁰.

Автор писал эту книгу с надеждой, что она может оказаться небесполезной для преодоления Россией вызовов наступившего века. Из Африки их идет немало.

Выражаю глубокую благодарность и признательность следующим людям и организациям: дирекции Института всеобщей истории РАН (директор академик РАН А. О. Чубарьян) за возможность осуществить этот проект; сотрудникам Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН (руководитель академик РАН А. Б. Давидсон) за ценные замечания, предложения и советы; американскому историку Лизе Намикас за плодотворное сотрудничество на ниве изучения конголезского кризиса и уникальную информацию о политике США в Конго; рецензентам, доктору исторических наук Н. И. Егоровой и доктору исторических наук В. Г. Шубину, за внимательное прочтение рукописи и конструктивные замечания; А. В. Дмитриеву за работу над картами; сотрудникам Архива внешней политики Российской Федерации, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива новейшей истории, Российского государственного архива кинофотодокументов, Национальных архивов Соединенного Королевства, Национальных архивов США за профессиональную помощь и благожелательное отношение к автору.

²⁵ Gaddis J. The Cold War: A New History. New York, 2005; Zubok V. A Failed Empire: The Soviet Union and the Cold War from Stalin to Gorbachev. Chapel Hill, 2007.

²⁶ Westad A. The Global Cold War. Third World Interventions and the Making of Our Times. New York, 2005; Layne C. American Empire: A Debate. New York, 2006.

²⁷ Namikas L. Battleground Africa. Cold War in the Congo, 1960–1965. P. 11.

²⁸ Schmidt E. Foreign Intervention in Africa. From the Cold War to the War on Terror. New York, 2013.

²⁹ Хрущев Н. С. Время. Люди. Власть. (Воспоминания: В 4 кн.). М., 1999.

³⁰ Фурсов А. Виновны в непонимании. Размышления о холодной войне // Литературная газета. 2006. 15–21 марта. № 10 (6061). С. 4.

Холодная война приходит в Конго

В течение двух недель после обретения Конго независимости 30 июня 1960 г. в стране воцарился хаос, и она оказалась на грани распада. По просьбе конголезских лидеров в страну вошли войска ООН. Почему это не «купировало» нарастание кризиса и не предотвратило превращение «сердца Африки» в арену холодной войны? Был ли ее приход туда неизбежным? С каким «африканским багажом» подошли к началу конголезского кризиса СССР и США? Какими были их конголезские «ставки» и планы? Как они коррелировались с местными реалиями и намерениями конголезских политиков?

Бельгийское Конго

Бельгийское Конго появилось на карте позже других африканских колоний. Маленькая Бельгия не могла захватывать заморские территории, соперничать с великими державами в разделе мира. Это не убавило аппетита у бельгийского короля Леопольда II (правил в 1865–1909 гг.), который мечтал завладеть «частью этого великолепного африканского пирога». Король виртуозно провел сложную дипломатическую игру, умело использовал интерес общественности к географическим открытиям, тонко сыграл на благородных чувствах, прикрывая свои планы филантропическими, гуманитарными инициативами вроде борьбы с работорговлей и «распространения цивилизации». Колониальные грезы Леопольда стали явью в 1885 г., когда на Берлинской конференции по колониальному разделу Африки было принято решение о создании в бассейне реки Конго государства под его личной властью размером в 80 Бельгий или почти всю Западную Европу.

К началу XX в. детище Леопольда, Независимое государство Конго (НГК), приобрело дурную славу места, где африканцам приходилось платить непомерно высокую цену за то хорошее, что они получали от колонизации: прекращение работорговли и междоусобных войн, распространение христианства и грамотности, железные дороги. Хищничество и алчность концессионных компаний, на откуп которым было отдано НГК, не знали границ. Произвол, доходившая до зверств жесткость, стали обыденностью. Против невыполнивших норму по добыче каучука деревень посылались карательные экспедиции. Солдаты, дабы отчитаться за патроны, должны были представить командиру отрубленные у застреленных «бунтовщиков» кисти правых рук. Патроны тратили и не по прямому назначению, например, на охоту, а кисти отрубали у живых людей. Число убитых и погибших от непосильного труда, пыток, болезней конголезцев во время правления Леопольда оценивается от 5 до 8 миллионов³¹.

Деяния Леопольда и его подручных в НГК стали предметом острой критики общественности и публицистов, среди которых были и золотые перья – Марк Твен,³² Артур Конан Дойль³³. Полугодовая работа на пароходе, ходившем по реке Конго, перепахала жизнь подданного Российской империи Теодора Коженёвского. Польский моряк стал английским писателем Джозефом Конрадом, автором «Сердца тьмы», создателем хрестоматийного образа леопольдовского Конго³⁴.

Когда правда о положении в африканских владениях короля вышла наружу, бельгийский парламент потребовал их передачи под управление Бельгии. Выговорив себе ряд привилегий и значительную денежную компенсацию, Леопольд в 1908 подписал «Колониальную хартию» – указ о преобразовании НГК в колонию Бельгии³⁵.

Бельгийское колониальное наследие пошло и на пользу, и во вред конголезцам. Благодаря бельгийцам была построена сеть железных и шоссейных дорог, создана современная горнодобывающая промышленность, товарное сельскохозяйственное производство. Миллионы конголезцев получили основы европейского образования и приобщились к христианским ценностям в миссионерских школах. Для многих стала доступной качественная медицинская помощь. Однако и причин для недовольства было предостаточно: принудительный

³¹ Винокуров Ю. А., Орлова А. С., Субботин В. А. История Заира в новое и новейшее время. М., 1982. С. 71–108; Hochschild A. King Leopolds Ghost: A Story of Greed, Terrorism, and Heroism in Colonial Africa. Boston, 1998; Anstey R. King Leopolds Legacy: The Congo under Belgian Rule, 1908–1960. L., 1966.

³² Твен Марк. Монолог короля Леопольда в защиту его владычества в Конго // Собр. соч.: В 12-ти т. Т. II. М., 1961.

³³ Conan Doyle Arthur. The Crime of the Congo. L., 1909.

³⁴ Конрад Джозеф. Сердце тьмы // Избранное в 2-х т. Т. II. М., 1959.

³⁵ Hochschild A. Op. cit. R 259.

труд, непосильные налоги, нищета в деревне, вынуждавшая многих крестьян-мужчин заниматься отходничеством, тяжелая и опасная низкооплачиваемая работа на шахтах, скверные жилищные условия в городах, унижительный цветной барьер в повседневной жизни.

Бельгийская колониальная идеология основывалась на теории опеки или патернализма. Ее авторы утверждали, что «примитивные» конголезцы, эти «взрослые дети», которые «смотрят, слушают, чувствуют и подражают»³⁶, нуждаются в постоянной «отеческой» опеке. И их «опекали». Европейские компании – на работе, католическая церковь – в сфере морали и духовного развития, колониальная администрация – в общественной жизни.

Бельгийцы были требовательными опекунами. Одной из особенностей колониального общества Конго была ничтожно малая численность тех, кого во французских колониях называли *эволюэ* (в переводе с франц. – развитый, приобщившийся к цивилизации). Только в 1952 г. для конголезцев был введен особый статус, теоретически уравнивавший их с европейцами. Для получения соответствующей регистрационной карточки, «матрикулы», требовался не только высокий образовательный и имущественный ценз. Процедура была унижительным испытанием на способность «жить цивилизованной жизнью». Надо было сдать массу документов, ответить на вопросы специальной комиссии. Ее члены приходили к претенденту домой, выясняли, спит ли он и его домочадцы на кроватях, ест семья ножами и вилками или пальцами, не бьет ли он жену и т. п. За пять лет «цивилизованными» признали всего 1,557 конголезцев³⁷. Но и для многих из них заветный статус не становился пропуском на вершину социальной лестницы. Возможность получить высшее образование была у редких счастливиц. Потолком же карьеры африканского выпускника средней школы было место мелкого клерка или учителя. Накануне независимости среди 12 миллионов конголезцев было только 16 человек с высшим образованием, все по специальности политические науки, и ни одного врача, инженера, крупного менеджера или агронома. В 25-тысячной армии «Форс публик» не было ни одного конголезского офицера³⁸.

По логике патернализма «расти» до независимости конголезцам нужно было долго. В 1956 г. бельгийский профессор А. Ван Билсен опубликовал «30-летний план политического освобождения Бельгийской Африки» через создание бельгийско-конголезского сообщества³⁹. Ответом конголезцев стали два манифеста, обнародованных в том же году. Кружок «Африканское сознание» выдвинул требование полной деколонизации страны в течение 30 лет⁴⁰. В манифесте культурно-просветительской организации Альянс народа баконго (АБАКО) ставился вопрос о независимости в ближайшее время⁴¹.

Подувшие над Африкой «ветры перемен», т. е. деколонизации, пробились и к ее «сердцу» – Конго. В 1957-58 гг. там появились первые политические партии конголезцев, оживилась общественная жизнь. 4 января 1959 г. в Леопольдвиле полиция разогнала участников запрещенного в последний момент митинга, организованного АБАКО, где его лидеры заявили о намерении добиться независимости, «построить собственный дом» в 1960 г. В ответ начались массовые антибельгийские выступления. Полиция и армия подавили их силой оружия. По официальным, явно заниженным, данным 42 конголезца были убиты, 209 ранены, руководители АБАКО арестованы⁴².

³⁶ Жуа П., Левэн R. Тресты в Конго. / Пер. с франц. И. В. Кузнецова и Ю. Н. Панкова. М., 1962. С. 160.

³⁷ Young C. Politics in the Congo. Decolonization and Independence. Princeton, 1965. P. 78.

³⁸ Miller R. Dag Hammarskjöld and Crisis Diplomacy. New York, 1962. P. 266.

³⁹ van Bilsen A. Vers Findependence du Congo et du Ruanda-Urundi. Brussels, 1956.

⁴⁰ CRISP. A.B.A.K.O. 1950–1960. Documents. Bruxelles, 1962. P. 39–42.

⁴¹ CRISP. Congo 1959. Documents beiges et africaines. Bruxelles, 1960. P. 14–15.

⁴² Covington-Ward Y. Joseph Kasa-Vubu, Abako, and Performances of Kongo Nationalism in the Independence of Congo // Journal of Black Studies. 2012. № 43. P. 81–84.

После кровавых событий метрополия стала терять контроль над ситуацией в Конго. 13 января 1959 г. король Бодуэн заявил в радиообращении к «согражданам в Бельгии и Конго»: «Мы твердо решили вести население Конго без пагубного промедления, но и без опрометчивой поспешности, к независимости в состоянии процветания и спокойствия. В цивилизованном мире независимость — это такое состояние, которое подразумевает и гарантирует свободу, порядок и прогресс»⁴³.

В январе 1960 г. на Конференции круглого стола в Брюсселе между бельгийским руководством и конголезскими политиками было достигнуто соглашение о предоставлении независимости Конго 30 июня того же года. Бельгийцы рассчитывали передать власть «надежным» конголезцам, которые будут конструктивно сотрудничать с бывшей метрополией.

По-другому оценивали перспективы Конго деловые и политические элиты других западных стран, прежде всего США. У них сложилось мнение, что удержаться Бельгии в Конго после независимости не удастся, и «ключ» от Африки может оказаться бесхозным, а то и попасть в руки коммунистов. Совет национальной безопасности США выразил опасение, что «несмотря на невероятные усилия Брюсселя помочь Конго подготовиться к независимости», страну ждет хаос, который «может создать благоприятные условия для коммунистического проникновения»⁴⁴.

Ожидания, что независимое Конго ждут беспокойные времена, были обоснованными. Конго традиционно считалось неприветливым, неудобным и опасным для белых людей местом. Американский журналист и путешественник Генри Стэнли, добывший для бельгийского короля Леопольда II этот «лакомый кусок» в 1880-х, называл Конго громадной «страной ужасов», совершенно неизвестной «цивилизованному человеку», где «мы всем чужие и лишь ощупью пробираемся в этих дебрях»⁴⁵.

В 1920-х в Конго появился «пророк» и «спаситель» Симон Кимбангу, провозгласивший лозунг «Конго для конголезцев». Он учил, что Христос был черным и предсказывал наступление золотого века, когда с помощью воскресших предков конголезцы изгонят европейцев, а тех, кто не захочет уходить, уничтожат. В 1956 г., спустя пять лет после смерти пророка кимбангисты «направили в ООН меморандум с требованием дать согласие на формирование национального африканского правительства во главе с... Симоном Кимбангу»⁴⁶.

По мере приближения независимости напряженность в отношениях между африканцами и европейцами нарастала. Американский этнограф Алан Мерриам, проводивший полевые исследования в Конго с августа 1959 по июнь 1960 г., так описывал связанные с независимостью ожидания африканских жителей Стэнливилля: «Стэнливилльцы считали, что независимость освободит их от господства белых, что можно будет работать меньше или совсем не работать, что будет больше денег, не надо будет платить налоги, можно будет свободно пользоваться домами, машинами и женщинами белых»⁴⁷.

Все это очень напоминало «золотой век», наступление которого предрекал Кимбангу. Мешали только европейцы, которые еще оставались в Конго. Накопившаяся к ним ненависть все чаще прорывалась наружу. Обычным делом стали избиения европейцев, ограбления их домов, публичные оскорбления. В Леопольдвиле на бюст Леопольда II вешали веревку, окра-

⁴³ Congo 1959. P. 10.

⁴⁴ NSC Briefing, 4 May 1960 // CWHIP Conference Reader Compiled for the International Conference “The Congo Crisis, 1960–1961”. Washington, D.C. 23–24 September 2004. Organized by The Woodrow Wilson Center’s Cold War International History Project and the Africa Program / Edited by L. Namikas and S. Mazov for The Cold War International History Project. (В сборнике нет сплошной пагинации, поэтому номера страниц указаны, только когда цитируются объемные, многостраничные документы.)

⁴⁵ Стэнли Г. В дебрях Африки. М., 1958. С. 44, 51.

⁴⁶ Хохлов Н. П. Патрис Лумумба. М., 1971. С. 65.

⁴⁷ Merriam A. Congo: Background to Conflict. Evanston, 1961. P. 196.

шенную в черный цвет, а на деревья – чучела белых, совершались ночные налеты на фешенебельные клубы. Предприимчивые конголезцы «продавали» за 10 шиллингов европейских женщин, «гарантируя» покупателям, что те станут их собственностью после независимости. Бельгийской общиной в Конго овладело чувство неуверенности и страха. В одиночку бельгийцы опасались появляться в африканских кварталах больших городов, оставлять детей с конголезской прислугой, вывозили все движимое имущество в Бельгию, переводили в банки метрополии сбережения. Многие уезжали из Конго, те, кто оставался, вооружались⁴⁸. Отъезд бельгийских специалистов грозил обернуться катастрофой, коллапсом экономики и административной системы.

Реальной становилась перспектива распада Конго. В его колониальных границах оказались говорившие на разных языках сотни племен и народностей с разным уровнем развития и нередко разделенные огромными расстояниями и непроходимыми джунглями. Перед независимостью у конголезцев не сложилось чувство принадлежности к единой общности: большинство населения знало реку Конго, а не страну под тем же названием. Типичными для обитателей конголезской глубинки представлениями о мире, о «своих» и «чужих», были взгляды жителей деревни Лупупы на востоке провинции Касаи, где проводил полевые исследования А. Мерриам. Они знали, что кроме Конго существуют Америка, Бельгия и Португалия. Их представления о Конго «тоже не отличались широтой»: «Упрощенно говоря, мир для них – это то, что им известно: Лупупа, соседние деревни, где живут люди из их клана, деревни вокруг этих “родственных” деревень, басонге (народность, к которой принадлежат жители Лупупы – С. М.) – это уже что-то гораздо менее знакомое и определенное. Еще меньше они знают о других племенах (некоторые конкретные факты, идеи, опыт контактов) и уж почти совсем ничего о Конго в целом. Для лупуповцев важно только то, что непосредственно касается Лупупы»⁴⁹.

У горожан, конечно, представления о мире были более широкими, но и для них этническая принадлежность была определяющим фактором мировоззрения и поведенческой модели. Единое Конго – искусственная, разнородная, громоздкая и неустойчивая конструкция – имела все шансы рухнуть после исчезновения стягивавших ее обручей бельгийского колониализма.

Политическая ситуация в Конго была прямым отражением пестроты этнического состава. К началу избирательной кампании, завершившейся первыми всеобщими выборами в мае 1960 г., было создано более 40 партий. Внешнее богатство политической палитры было обманчивым. Партии назывались социалистическими, прогрессивными, народными, демократическими, национальными, африканскими, но, по сути, были этнорегиональными. Единственным фундаментальным различием помимо защиты интересов «своих» этнических групп были взгляды на будущее государственное устройство независимого Конго. Одни партии (меньшая часть) выступали за унитарное государство с сильной центральной властью, другие – за аморфную, рыхлую федерацию, субъекты которой пользовались бы почти неограниченными правами, а порой открыто проповедовали сепаратизм.

Итоги выборов показали, что действительно общенациональной партии в Конго не появилось. Называвшее себя таковой Национальное движение Конго (НДК) опередило другие партии, получив 19 (из 84) мест в Сенате и 41 (из 137) в Национальном собрании – нижней палате парламента. Однако сильные позиции у НДК были только в двух из шести провинций – Восточной и Касаи, – а в Катанге оно не провело ни одного своего представителя⁵⁰. В первое конголезское правительство вошли представители основных этнических групп, у

⁴⁸ Merriam A. Op. cit. P. 196–201; Scott I. Tumbled House: The Congo at Independence. L., 1969. P. 10, 17–18, 22–23.

⁴⁹ Merriam A. Op. cit. P. 176, 177.

⁵⁰ Hoskyns C. The Congo Independence. January 1960 – December 1961. L., etc., 1965. P. 72–73.

которых были зачастую полярные взгляды на ключевые вопросы государственного устройства Конго, внутреннюю и внешнюю политику.

Противоречия в конголезском обществе олицетворяли три политика. Премьер-министром Конго стал 35-летний лидер НДК Патрис Лумумба. Сын крестьянина из народности батетела, живущей на востоке Конго, окончил среднюю католическую школу, работал служащим железнодорожной компании, аппарата правительства Восточной провинции, начальником почтового отделения. Лумумба заслужил репутацию эрудита, был постоянным автором нескольких конголезских газет, где публиковал и стихи. Созданная им в октябре 1958 г. НДК стала первой конголезской межэтнической политической организацией. Она выступала за единое унитарное государство, осуждала трайбализм, была открыта для всех конголезцев. В программе партии ставилась задача освобождения Конго от «империалистического колониализма»⁵¹. Наиболее близкими себе по взглядам африканскими политиками Лумумба считал президента Ганы Кваме Нкруму и президента Гвинеи Секу Туре, видел в них пример для подражания. Лумумба был националистом левого толка, популистом.

Карта № 1. Конго (Леопольдвиль). Июнь 1960 г.

Его речи были наполнены антиколониальной и антизападной риторикой, критикой этнического партикуляризма. Он планировал создать сильное унитарное государство, организовать крупный государственный сектор в экономике, проводить внешнюю политику, основанную на нейтралитете и panaфриканизме. Блестящий оратор с харизмой вождя, Лумумба был импульсивным человеком, склонным к политическому романтизму.

Президентом Конго был назначен 50-летний лидер АБАКО Жозеф Касавубу. Баконго – народ в западной части Центральной Африки, говорящий на языке киконго. Касавубу получил добротное католическое образование в школе и духовной семинарии, работал учителем и служащим колониальной администрации и частных фирм, слыл образцовым эволюэ. Его политическим кредо были консерватизм и баконговский национализм. АБАКО был создан в 1950 г. как культурно-просветительская организация для «унификации, сохранения и раз-

⁵¹ Congo 1959. P. 132–134.

вития языка киконго»⁵², защиты духовных ценностей и традиций баконго от влияния европейцев и «пришлых» африканцев. Касавубу возглавил АБАКО в 1954 г. и превратил его в политическую партию, сохранив этнические приоритеты. Касавубу ратовал за федеративное устройство Конго, создание рыхлой федерации образованных по этническому принципу автономных провинций. В 1959 г., когда АБАКО выдвинул лозунг преобразования провинции Леопольдвиль в «Республику Центрального Конго», он заявил о желательности корреляции ее границ с пределами средневекового государства Конго, занимавшего обширную территорию в среднем и нижнем течении одноименной реки, во Французском Конго и Анголе⁵³. Коммунизм, как и panaфриканизм, вызывали у Касавубу стойкую аллергию. Лозунги создания общеконголезской партии, равно как и единого Конго, он считал утопическими, годными разве что для митингов. Проигрывая премьер-министру как публичный политик, в «имидже» (грузный, низкорослый, флегматичный, будто всегда сонный человек, не умеющий ярко говорить на публике), президент превосходил Лумумбу в искусстве интриг и закулисной борьбы, обладал острым умом, умел скрывать свои эмоции и истинные намерения, за что получил прозвище Улитка.

Сильной фигурой был и «парень из Катанги» Моиз Чомбе. Он вырос в одной из наиболее состоятельных конголезских семей и был прямым потомком Мвата-Ямво, правителя государства Лунда, существовавшего в XVI–XIX веках на западе современной Народной Республики Конго и северо-востоке современной Анголы. Окончил миссионерскую школу с дипломом учителя, но по специальности не работал и дня. Унаследовал состояние отца и стал преуспевающим предпринимателем, владельцем плантаций масличной пальмы и сети магазинов. Улыбчивого богача с подвижным хитроватым лицом, носившего дорогие костюмы, называли «черным европейцем». Проживавшие в Катанге бельгийцы⁵⁴ справедливо считали Чомбе своим надежным сторонником. Многие «катабельгийцы» были «склонны хвастаться, что они “не бельгийцы, а катангийцы”», а некоторые из них «относились к Бельгии так же, как алжирские французы к Франции»⁵⁵. Конфедерация ассоциаций Катанги (КОНАКАТ), политическая организация лунда, которую Чомбе возглавил в 1959 г., разделяла и поддерживала сепаратистские настроения. Двумя главными пунктами предвыборной программы партии были «автономия Катанги и союз с Бельгией» и «монополия коренных катангийцев (включая бельгийцев – С. М.) на государственные должности»⁵⁶. Основную финансовую подпитку КОНАКАТ получала от «Юнион Миньер дю Катанга», горнодобывающей компании, действовавшей в Катанге еще со времен Леопольда II.

Этот гигант давал 60 % мировой добычи кобальта, 10 % меди и платил по меньшей мере 20 % всех собираемых в Конго налогов⁵⁷. На Конференции круглого стола в Брюсселе в январе 1960 г. Чомбе заявил, что бельгийский король «может стать символом ассоциации наших двух стран». По мнению советского посольства в Бельгии, лидер КОНАКАТ «занимал самые реакционные позиции, отражающие интересы монополии “Юнион Миньер” и колонистов Катанги»⁵⁸. Чомбе считал, что предоставив Конго независимость, Бельгия «предала» конголезцев. Складывается впечатление, заявил он британскому генеральному консулу, что «король Бодуэн выполняет заветы Ленина, так ретиво он сдает Катангу Хрущеву»⁵⁹.

⁵² А.В.А.К.О. 1950–1960. P. 10.

⁵³ *Covington-Ward Y.* Op. cit. P. 86–88.

⁵⁴ В начале 1960 г. их насчитывалось около 32 тыс. (*Girard-Libois / . Katanga Secession. L., 1966. P. 3).*

⁵⁵ *О'Брайен К.* В Катангу и обратно. М., 1963. С. 128.

⁵⁶ *Girard-Libois.* Op. cit. P. 296.

⁵⁷ *Namikas L.* Battleground Africa. Cold War in the Congo, 1960–1965. Washington (D.C.), Stanford, 2013. P. 36.

⁵⁸ АВП РФ. Ф. 590. Оп. 3. П. 3. Д. 22. Л. 27. Переводчик посольства СССР в Бельгии А. Устинов. Характеристика на Моиза Чомбе, генерального председателя партии КОНАКАТ, 31 мая 1960 г.

⁵⁹ UKNA. FO 371/146633. British Consul-General in Leopoldville Ian Scott – Foreign Secretary Selwyn Llyod, April 29, 1960.

СССР и Конго: первые контакты

Подъем антиколониальной борьбы в богатом полезными ископаемыми африканском гиганте, расположенном в «сердце» Африки, не мог не вызвать интереса у советского руководства.

Главным фактором, определявшим политику СССР в Африке, была глобальная конфронтация с Западом, когда усиление собственных позиций в любой части света рассматривалось как ослабление противника. Бандунгская конференция (апрель 1955 г.), в которой участвовали представители Африки, выработала принципы политики неприсоединения. В марте 1957 г. была провозглашена независимость Ганы, в октябре 1958 – Гвинеи. 1960 год, когда независимыми стали 17 стран континента, ООН провозгласила «Годом Африки». Крушение колониальной системы и становление освободившихся государств как субъектов международных отношений превратило Африку из прочного тыла Запада в его уязвимое место. Быстрая деколонизация произвела большое впечатление на советских руководителей, и они решили, что СССР может победоносно войти в Африку на плечах стремительно наступающего национально-освободительного движения.

Потребовалась разработка политических, военно-стратегических, экономических и других аспектов советской политики в Африке. Была создана концепция советского проникновения в Африку, сформулированы долгосрочные цели, разработаны меры для создания в СССР инфраструктуры изучения Африки и пропаганды на континенте коммунистической идеологии⁶⁰.

Период конца 1950 – начала 1960-х был временем «африканского бума» в Советском Союзе, невиданного роста интереса и внимания к «Черному континенту». Африкой вплотную стали заниматься государственные организации и учреждения. В ЦК КПСС сектор Ближнего Востока был преобразован в сектор Ближнего Востока и Африки, а затем появился сектор Африки. В 1958 г. в Министерстве иностранных дел был создан Африканский отдел, в 1960-е годы африканских отделов стало уже три. Рос удельный вес африканского направления в деятельности общественных организаций – Советского комитета защиты мира, Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, Комитета советских женщин, Комитета молодежных организаций. Бурную деятельность развил созданный в 1958 г. Советский комитет солидарности стран Азии и Африки (СКССАА), являвшийся членом Организации стран Азии и Африки со штаб-квартирой в Каире. Комитет приглашал африканских политиков и общественных деятелей в СССР, проводил массовые акции солидарности с народами Африки, международные конференции, предоставлял стипендии студентам-африканцам советских вузов.

На изучение Африки были брошены солидные средства и ресурсы. В 1959 г. в Академии наук СССР был создан Институт Африки, которому предписывалось заниматься комплексным изучением континента, а в дальнейшем отделы Африки в институтах всеобщей истории, мировой литературы и языкознания. В Ленинградском университете стали готовить больше африканистов, кафедра африканистики была организована в Институте восточных языков в Московском университете.

⁶⁰ Постановление Секретариата ЦК КПСС «О мероприятиях по расширению культурных и общественных связей со странами Азии и Африки», 24 марта 1958 г. // Россия и Африка. Документы и материалы. XVIII в. – 1960 г. Т. II. 1918–1960. Под редакцией А. Б. Давидсона и С. В. Мазова. М., 1999. С. 158–160; Постановление ЦК КПСС «О расширении культурных и общественных связей с негритянскими народами Африки и усилении влияния Советского Союза на эти народы», 20 января 1960 г. // Там же. С. 165–168. Подробно см.: Мазов С. В. Политика СССР в Западной Африке, 1956–1964. Незвестные страницы истории холодной войны. М., 2008. С. 12–16.

Африканская тематика быстро завоевывала страницы печати и планы издательств. В 1957 г. в системе Академии наук было создано Издательство восточной литературы. Издательство иностранной литературы (с 1963 г. – издательство «Прогресс») выпускало все больше книг писателей и поэтов Африки, а затем и переводов литературы народов СССР на африканские языки. Пресса стала уделять больше внимания африканским проблемам и событиям. В 1958 г. открылся корпункт «Правды» в Гане, в 1959 г. – отделение ТАСС в Гвинее. В 1958 г. началось радиовещание из СССР на Африку – сначала на европейских языках, затем на суахили, амхарском, хауса, малагасийском, зулу, бамбара, сомали, лингала и еще нескольких африканских языках.

Начался прием африканцев в советские учебные заведения. По личной инициативе Н. С. Хрущева 5 февраля 1960 г. был учрежден Университет дружбы народов (УДН). Он задумывался как образцовое по мировым стандартам высшее учебное заведение, «для успешного формирования специалистов, способных по уровню знаний и по своему общекультурному кругозору превзойти выпускников высших учебных заведений передовых капиталистических стран»⁶¹.

Январские события 1959 г. в Конго привлекли внимание в Советском Союзе. «Правда» сообщила о волнениях в Леопольдвиле, демонстрации «участников национально-освободительного движения», к которой «присоединились 50 тыс. безработных негров»⁶², о вводе регулярных войск и бронетехники в конголезскую столицу, о жертвах среди мирного населения⁶³. Потом последовало еще 6 публикаций о положении в Конго⁶⁴. 18 января газета опубликовала заявление СКССАА, где процессы в Конго рассматривались в контексте набравшей силу деколонизации: «Из далекой Африки пришла весть, вызвавшая глубочайшее негодование всех советских людей. Бельгийские колонизаторы проливают кровь ни в чем не повинных черных жителей Конго, поднявшихся на борьбу за осуществление законного права на свободу и независимость. В течение долгого времени колонизаторы неоднократно лицемерно заявляли, что Конго является “образцовой” колонией. Но события, развернувшиеся в этой многострадальной стране, со всей очевидностью показали, что нет теперь ни одного уголка на земле, где бы народы не поднимались на борьбу против ненавистного им колониального рабства. Жизнь показывает, что ненавистная народам колониальная система империализма окончательно изжила себя и доживает последние дни»⁶⁵.

Посольство СССР в Бельгии подготовило пространную справку об обстановке в Конго. Этот и другие отечественные архивные документы опровергают расхожие во времена холодной войны утверждения западной прессы и исследователей о том, что Патрис Лумумба был «коммунистом» и советским ставленником. Посольство аттестовало АБАКО как «наиболее влиятельную и организованную конголезскую организацию», представлявшую «левое крыло национально-освободительного движения», его «признанного лидера». НДК Лумумбы таких лестных эпитетов не удостоилась, поскольку считалась «более умеренной» по сравнению с АБАКО. Более того, автор справки утверждал, что Лумумба поспособствовал бельгийской игре с целью «разложить изнутри национальное движение, изолировать левые элементы и привлечь к сотрудничеству правые, соглашательские элементы»⁶⁶.

Лумумба не был первым конголезским политиком, который обратился за помощью к СССР. 10 января 1959 г., вскоре после разгона митинга в Леопольдвиле, «члены АБАКО

⁶¹ Россия и Африка. Т. II. С. 312.

⁶² На самом деле их численность не превышала 20 тыс., и это были в основном футбольные болельщики.

⁶³ Правда. 07.01.1959.

⁶⁴ Правда. 12–17.01.1959.

⁶⁵ Прекратить произвол колонизаторов в Конго! // Правда. 18.01.1959.

⁶⁶ АВП РФ. Ф. 590. Оп. 2. П. 1. Д. 5. Л. 1, 2, 13–14. Посольство СССР в Бельгии – МИД. Справка об январских событиях в Бельгийском Конго, 25 января 1959 г.

и сочувствовавшие» направили бельгийскому министру по делам Конго и Руанды-Урунди письмо с требованием «немедленно предоставить Бельгийскому Конго независимость». 20 января в МИД СССР поступила копия этого письма с печатью АБАКО и следующей припиской: «Копия передается для сведения Его Превосходительства ХРУЩЕВА с просьбой оказать нам военную помощь до 19/1-59 <...> в надежде на это просим сообразоваться принять нашу самую глубокую благодарность»⁶⁷.

Отдел стран Африки МИД четыре недели собирал информацию о положении в Конго, конголезских партиях и движениях. 19 февраля Отдел рекомендовал «не реагировать» на письмо АБАКО и «оставить его без ответа», что и было сделано⁶⁸.

Не имея возможности действовать на территории Конго, советские представители искали контакты с конголезцами, когда те выезжали за границу. 15–17 апреля 1959 г. Лумумба, тогда еще малоизвестный конголезский политик, принимал участие в работе постоянного комитета Конференции народов Африки в Конакри. 18 апреля его принял посол СССР в Гвинее П. И. Герасимов. Накануне их познакомил в ресторане «один из руководящих деятелей» Демократической партии Гвинеи. Лумумба заявил, что НДК требует предоставления независимости Конго к январю 1960 г. и готово «сформировать будущее национальное правительство». Он пообещал, что если его партия придет к власти, «мы сразу обменяемся дипломатическими отношениями с СССР». Лумумба выразил желание посетить Советский Союз и «намекнул о желательности оказания финансовой помощи его партии для ведения пропаганды внутри страны, в том числе и против антисоветских измышлений». Посол ничего не обещал, ограничившись стандартной и общей фразой: «Советский народ с большой симпатией следит за национально-освободительной борьбой в Африке, и в его лице африканские народы имеют верного друга»⁶⁹.

Из Конакри Лумумба направился в Брюссель, где встретился с секретарем Коммунистической партии Бельгии Альбером Де Конинком⁷⁰. Встреча произошла по инициативе Лумумбы, носила «нелегальный характер и продолжалась около пяти часов». 27 апреля в беседе с первым секретарем посольства СССР в Бельгии Б. А. Савиновым Де Конинк комплиментарно отозвался о Лумумбе и его партии. «Де Конинк сказал, – сообщал в Москву Савинов, – что НКД (НДК, Национальное движение Конго – С. М.) в настоящее время является самой крупной политической организацией в Конго, которая фактически стоит во главе национально-освободительного движения. Лумумба стоит на прогрессивных позициях. Он находится под большим влиянием президента Гвинейской Республики Секу Туре. Перед приездом в Бельгию он был в Конакри и несколько раз встречался с Секу Туре. В своих рассуждениях о будущей организации Конго он всегда ссылается на опыт Гвинейской Республики и на советы Секу Туре»⁷¹. Весной 1959 г. для положительной аттестации советским руководством африканских политиков не было более весомого аргумента, нежели их идентификация с президентом Гвинеи, где открылось первое в Африке южнее Сахары посольство СССР.

30 апреля Комиссия ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных партийных связей удовлетворила просьбу Патриса Лумумбы, «общественного деятеля Конго, о приглашении его в СССР для ознакомления с жизнью советских трудящихся и дея-

⁶⁷ АВП РФ. Ф. 590. Оп. 2. П.1. Д. 5. Л. 63.

⁶⁸ АВП РФ. Ф. 590. Оп. 2. П.1. Д. 5. Л. 60.

⁶⁹ Россия и Африка. Т. II. С. 232–233.

⁷⁰ Ветеран гражданской войны в Испании, сражался на стороне республиканцев. Послужил прототипом Роберта Джордана, главного героя романа Эрнеста Хемингуэя «По ком звонит колокол». (In Memoriam Albert De Coninck. 13.12.2006. URL: <http://www.archivesolidaire.org/scripts/article.phtml?section=A1AAAB&obid=33305>).

⁷¹ Россия и Африка. Т. II. С. 234, 235.

тельностью профсоюзов»⁷². МИД дал указание послу в Конакри сообщить Лумумбе, что все его просьбы «будут обсуждены после его приезда в Москву»⁷³.

Лумумба в Москву приехать не смог, и Кремль не принял окончательного решения относительно помощи НДК. В октябре 1959 г., когда Лумумба находился в Аккре, он вручил советскому послу письмо «с официальной просьбой о помощи в организации пропагандистской работы и подготовке кадров». Советская сторона и на этот раз повела себя уклончиво, ответа Лумумба не получил⁷⁴.

Следующий контакт Лумумбы с советским представителем состоялся в Брюсселе, где он принимал участие в Конференции круглого стола. 19 февраля 1960 г. в квартире бельгийского коммуниста адвоката Яна Терфа состоялась беседа между Савиновым и Лумумбой. Нуждавшийся в средствах на предвыборную кампанию Лумумба сказал, что ожидает «ясного ответа на свою просьбу о поддержке», спросил, «может ли он рассчитывать на получение какой-либо помощи из Советского Союза». Савинов пообещал передать его просьбу в Москву. В отчете, направленном в МИД, дипломат признал, что Лумумба как лидер НДК, «крупнейшего политического движения в Конго», пользуется «огромной популярностью», и предсказал, что он может стать «одним из основных претендентов на пост премьера или президента». Однако Савинов полагал, что это не будет хорошим результатом для Советского Союза, поскольку «идеологические и политические взгляды» Лумумбы «еще окончательно не сформировались»⁷⁵. Такое двойственное отношение к Лумумбе, считает Л. Намикас, показывает «всю иллюзорность страхов США по поводу того, что он был коммунистом, переодетым в националистические одежды»⁷⁶.

В доступных для автора архивных документах нет свидетельств о том, что СССР выделял деньги на предвыборную кампанию НДК. Источники ее финансирования изучали различные американские ведомства. 25 марта работники посольства США в Брюсселе Роберт МакКинон и Лоуренс Девлин (кадровый сотрудник ЦРУ) провели длительную беседу с Виктором Нендакой. Он вышел из партии Лумумбы, заявив, что тот принимает помощь от Компартии Бельгии и Советского Союза. Нендака не смог привести конкретных фактов и представить документы, подтверждающие эти обвинения. Собеседников это не смутило, и они «продолжали засыпать» Нендаку вопросами о возможных связях Лумумбы с коммунистами. Он давал «туманные и часто противоречащие друг другу ответы». Ничего существенного, компрометирующего Лумумбу в глазах американцев, Нендака предъявить не смог. У него не оказалось документов о денежных переводах Лумумбе от бельгийских коммунистов через подставные фирмы. Брошюры об экономическом развитии СССР, якобы поступившие в штаб-квартиру НДК, на компромат не тянули. Оставалось страшить собеседников явными домыслами: Лумумба – «прекрасный», «обученный оратор», а «советский блок обучает африканцев пропагандировать идеалы революции», значит, он «находится под влиянием Советов»⁷⁷.

Сам Лумумба в беседах с западными официальными лицами старался произвести впечатление политика с антикоммунистическими взглядами. В беседе с американским послом

⁷² РГАНИ. Ф. 4. Оп. 11. Д. 427. Л. 47–48.

⁷³ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 11. Д. 372. Л. 30.

⁷⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 257. Л. 22–25. Советник посольства СССР в Бельгии Б. Ф. Савинов. Запись беседы с лидером Национального движения Конго Патрисом Лумумбой, 19 февраля 1960 г. Для автора документ оказался доступным только в английском переводе, который с оригинала сделала Лиза Намикас // CWHIP Conference Reader...

⁷⁵ Ibid.

⁷⁶ Namikas L. Battleground Africa: the Cold War and the Congo Crisis, 1960–1965. A Dissertation Presented to the Faculty of the Graduate School University of Southern California, 2002. P. 104. (Далее: Dissertation).

⁷⁷ Memorandum of conversation (Victor Nendaka, ex-Vice President of MNC [Lumumba Wing]; Robert A. McKinnon, Second Secretary; Lawrence R. Devlin, Attache). March 25, 1960 // CWHIP Conference Reader...

в Бельгии Уильямом Верденом 25 февраля 1960 г. он заявил, что получил приглашение посетить Советский Союз, но отказался, поскольку коммунисты, предлагая помощь Конго, «хотят установить там диктатуру и заменить одну форму империализма другой». Посол посчитал это «игрой» и сообщил в Госдепартамент, что Лумумба получает «финансовую помощь из Аккры и возможно из Конакри, причем у части этих средств может быть советское происхождение»⁷⁸. Тщательные поиски, в том числе и по линии спецслужб, «русских денег» в финансировании партии Лумумбы результатов не дали. По данным Совета национальной безопасности США он пользовался «поддержкой бельгийских коммунистов, ОАР, Ганы и определенных заинтересованных финансовых кругов»⁷⁹.

Советский Союз проявлял разборчивость и осторожность при выборе конголезских партнеров, которым следовало оказывать помощь. Показательны в этом отношении итоги встречи 28 декабря 1959 г. временного поверенного в делах СССР в Гвинее И. И. Марчука с Антуаном Кинготоло, генеральным секретарем АБАКО, а также с Пьером Мулеле и Рафаэлем Кинки, членами руководства Партии африканской солидарности (ПСА). В отличие от Лумумбы, они никаких авансов относительно будущих отношений с Советским Союзом не давали, а сразу попросили «денежную помощь на организацию деятельности своих партий в Конго, а также материальную помощь на случай, если конголезцы будут вынуждены подняться, ввиду неуступчивости Бельгии, на открытую вооруженную борьбу». Кроме того конголезцы хотели бы получить «ряд советов относительно наиболее эффективной организации» национально-освободительного движения в Конго и выяснить, «имеется ли возможность использовать московское радио для передачи соответствующих указаний борцам за независимость Конго». Марчук ответил, что «советское правительство не оказывает никому и ни при каких обстоятельствах» подобной помощи, а его страна «не вмешивается в вопросы внутренней организации борьбы колониальных народов». После его разъяснений руководители АБАКО и ПСА извинились за «нескромную просьбу» и сказали, что хотели бы «выехать в Москву для установления контактов с советскими общественными организациями»⁸⁰.

Международный отдел ЦК КПСС счел целесообразным пригласить в Москву не представителя АБАКО, а лидера ПСА Антуана Гизенгу. 11 января 1960 г. было принято соответствующее постановление, Гизенга приглашался сроком на две недели, прием и обслуживание возлагалось на Советский комитет солидарности стран Азии и Африки⁸¹.

Уже 15 января он прибыл из Берлина в Москву, где пробыл до 3 февраля. В мемуарах Гизенга пишет, что имел «дружескую и сердечную беседу» с председателем СКССАА. Обратился через Московское радио с посланием к конголезцам-участникам Конференции круглого стола в Брюсселе. Съездил в Тбилиси и Ленинград⁸².

Гизенга не раскрыл, что он обсуждал в СКССАА. В архиве СКССАА автору не удалось найти запись этой беседы. О ее содержании дают представление два письма, направленных Гизенгой из Конакри в СКССАА. В первом письме от 16 февраля 1960 г. он проинформировал, что еще находясь в Париже, т. е. сразу по возвращении из Москвы, он направил своим друзьям, участвовавшим в Конференции круглого стола в Брюсселе, «весьма срочные директивы, вытекающие из согласованных [в Москве] принципов»⁸³. Во втором письме от 29 февраля он сообщил, что выезжает из Конакри в Конго, «чтобы вести там подготовительную работу в соответствии с предложениями, выработанными вами и мной». Он пообещал

⁷⁸ *FRUS*, 1958–1960. Vol. XIV: Africa. Washington (D.C.), 1992. P. 263, 264.

⁷⁹ NSC Briefing. 13 April 1960 // CWHIP Conference Reader...

⁸⁰ Россия и Африка. Т. II. С. 237.

⁸¹ РГАНИ. Ф. 11. Он. 1. Д. 474. Л. 3.

⁸² *Gizenga A. Ma vie et mes luttes*. [n.p., n.d.]. P. 141–144.

⁸³ ГА РФ. Ф. 9540. Он. 1. Д. 72. Л. 61.

выполнить «обещания относительно переходного [к независимости] периода и прислать к вам несколько молодых людей для стажировки на административной работе». Гизенга готов был выполнить в сентябре договоренность об отправке в Москву конголезских студентов для учебы «в университете»⁸⁴.

ПСА вступила в альянс с НДК Лумумбы и на майских выборах нанесла поражение АБАКО в его вотчине, провинции Леопольдвиль. Лумумба назначил Гизенгу заместителем премьер-министра и включил в состав своего кабинета еще двух членов ПСА, в том числе П. Мулеле, который стал министром образования.

29 июня 1960 г. Н. С. Хрущев направил П. Лумумбе поздравительную телеграмму, в которой сообщил, что правительство СССР «торжественно заявляет о своем признании Конго как независимого и суверенного государства и выражает готовность установить с ним дипломатические отношения и обменяться дипломатическими представительствами»⁸⁵. На торжества в Леопольдвиль отправилась советская правительственная делегация в составе 12 человек во главе с заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР, Председателем Президиума Верховного Совета Таджикской ССР М. Р. Рахматовым.

Когда Конго подошло к независимости, у СССР там не было ни капиталовложений, ни учреждений, ни специалистов. Однако советское руководство было знакомо с конголезским политическим ландшафтом и нашло там лидеров, которые заслуживали поддержки.

⁸⁴ ГА РФ. Ф. 9540. Оп. 1. Д. 72. Л. 83.

⁸⁵ СССР и страны Африки, 1946–1962 гг. Документы и материалы. Том I (1946 г. – сентябрь 1960 г.). М., 1963. С. 549–550.

Интересы США в Конго

По точному замечанию Л. Намикас, президент США Дуайт Эйзенхауэр «всегда считал наиболее удобным вариантом оставить решение африканских проблем европейцам»⁸⁶. Двинуться в Африку его заставили опасения, что «призрак коммунизма» может материализоваться и там.

Характерное видение советских устремлений излагалось, в частности, в аналитической записке «Вызовы советского блока в Африке южнее Сахары и их влияние на политику США», подготовленной Госдепартаментом в марте 1960 г. Авторы документа были уверены, что СССР и его союзники не преминут воспользоваться историческим шансом утвердиться в Африке, который им дал распад колониальных империй. Восточный блок вынашивал замыслы не только ослабить Запад, «разжигая вражду между новой Африкой и ее старыми хозяевами», но и «превратить молодые государства в своих союзников в долгосрочной войне против Запада», которую коммунистическая пропаганда называет «мирным сосуществованием». Подлинного неприсоединения этих стран к противоборствующим блокам быть не могло, поскольку «советское видение поляризованного мира предполагает, что нейтралитет развивающихся государств является всего лишь промежуточной станцией на пути из западного в коммунистическое поле притяжения». Миролюбивые заявления Советского Союза скрывали его истинные цели: «(а) оказать поддержку “национально-освободительному движению” с тем, чтобы ущемить или элиминировать экономические и политические интересы Запада; (б) не допустить, чтобы США заменили метрополии в качестве силы, обеспечивающей стабильное западное влияние. Для достижения последней цели Москва пытается настроить против США и европейские метрополии, и африканские государства»⁸⁷.

Действия СССР в Африке оценивались как тотальный вызов Западу «во всех сферах жизни – политической, дипломатической, экономической, социальной и военной». Отсутствие «адекватного» ответа было чревато утратой стратегических позиций в холодной войне: «Проникновение в Африку позволит Восточному блоку окружить НАТО с Юга, получить доступ к новым рынкам сырья и подготовить условия для создания военных баз. В перспективе рост советского влияния в Африке за счет ослабления Запада усилит позиции Восточного блока на мировой арене, пагубно скажется на позициях Запада и будет способствовать опасному нарастанию чувства самонадеянности в Москве». Даже если бы «подрывные усилия СССР в Африке» оказались напрасными, у НАТО все равно появились бы там серьезные проблемы, поскольку африканские страны «ревностно относятся к недавно обретенной независимости» и «могут преуспеть в поощрении экстремистских, расистских и сепаратистских сил», что «существенно осложнит развитие отношений и связей с Западом»⁸⁸.

Сейчас такой сценарий выглядит намеренно алармистским, но на рубеже 1950-1960-х годов у западных политиков имелись веские основания опасаться за будущее Африки южнее Сахары, которая на глазах превращалась из заповедного владения европейских метрополий в «приз и поле битвы в глобальном политическом и стратегическом противостоянии»⁸⁹.

Соотношение сил на «поле битвы» быстро менялось не в пользу Запада. Антиколониальная и антиимпериалистическая пропаганда находила в Африке благодатную почву, что давало СССР и его союзникам серьезные преимущества не только перед колониальными

⁸⁶ Namikas L. Battleground Africa. P. 23.

⁸⁷ NA. Record Group (RG) 59. General Records of the Department of State (GRDS). Central Decimal File. File FW 770.5-MSP/3-3060. The Soviet Bloc Challengers in Sub-Saharan Africa and Certain Implications on U.S. Policy. March 22, 1960. P. 1, 4.

⁸⁸ Ibid., p. 2, 4.

⁸⁹ FRUS, 1958–1960. Vol. XIV. P. 48.

метрополиями, но и перед США. Авторы документа Госдепартамента «Коммунистическое проникновение в Африку», подготовленного в январе 1959 г., констатировали: «Не будучи связанными с колониальными державами, Советский Союз и его союзники могут открыто и последовательно отстаивать интересы борцов против колониализма на международной арене, особенно в ООН и через Организацию солидарности народов Азии и Африки со штаб-квартирой в Каире. <...> В глазах африканцев, стремящихся к независимости, Советский Союз все больше приобретает репутацию ведущей антиколониальной державы или, по крайней мере, наиболее сильного раздражителя для Запада, который вынудит его поддерживать Африку политически и экономически»⁹⁰.

СССР шел в Африку с «антиимпериалистическим евангелием», а тесные отношения США с колониальными метрополиями многие африканцы рассматривали как пособничество колонизаторам. Администрация США столкнулась с фундаментальной и сложной дилеммой: «пройти между Сциллой НАТО и Харибдой свободной, некоммунистической Африки»⁹¹. Ее хорошо сформулировал американский африканист Джордж Шепард: «С одной стороны естественная симпатия к законному стремлению националистов к самоуправлению, равенству и социальному прогрессу, а с другой – понимание того, что достижение этих целей часто угрожает жизненно важным стратегическим базам и экономическим интересам Соединенных Штатов и западного мира»⁹². Для США способствовать «подрыву власти метрополий» было нельзя по двум причинам. Во-первых, это означало «игнорирование их созидательной деятельности» в колониях. Во-вторых, могло вызвать резкое недовольство союзников по НАТО, что «резко ослабило бы наши позиции в целом». Но невозможно было игнорировать и «чаяния африканцев, поскольку наше молчание будет расценено как оппозиция»⁹³.

До 1960 г., когда колониальная система на Африканском континенте начала рушиться, эта коллизия на уровне американской практической политики однозначно разрешалась в пользу метрополий. В администрации Эйзенхауэра тон задавали те, кто относился к антиколониальному движению с подозрением, видел в нем мощную и опасную силу, которую коммунистические страны могут использовать в борьбе против Запада. Африканский отдел Госдепартамента считал, что независимо от масштаба «роста африканского сознания» – локального, регионального или континентального, – ему будут присущи характерные черты «молодого национализма»: «эмоциональность, безответственность, максимализм и ксенофобия»⁹⁴. Госсекретарь Джон Фостер Даллес рассматривал африканский национализм не как естественную, логичную реакцию на колониализм, а как результат происков мирового коммунизма. «Рыцарь холодной войны» был убежден, что политика нейтралитета «аморальна», а страны, которые ее проводят, являются потенциальными врагами Соединенных Штатов⁹⁵.

Необходимость противодействия коммунистической угрозе была одним из главных факторов активизации США в Африке, разработки ими собственной африканской стратегии.

⁹⁰ NA. RG. 59. GRDS. Central Decimal File. File 770.001/1-859. United States Draft Paper on Africa. CA-57-21, January 8, 1959. P. 4–5.

⁹¹ Namikas L. Battleground Africa. P. 26.

⁹² NA. RG. 59. GRDS. Central Decimal File. File 611.70/10-158. George W. Shephard Jr. Ass. Prof. Political Science Dept. St. Olaf College. The Conflict of Interests in American Policy on Africa. Paper presented to The African Studies Ass. 1st Annual Meeting Sept. 8-10, [1958], Northwestern University. P. 1.

⁹³ The United States in Africa South of the Sahara. Memorandum Prepared in the Office of African Affairs. Washington, August 4, 1955 // *FRUS*, 1955–1957. Vol. XVIII: Africa. Washington (D.C.), 1989. P. 14.

⁹⁴ Ibid. P. 18.

⁹⁵ Schlesinger A. M., Jr. A Thousand Days: John F. Kennedy in the White House. Cambridge (Mass.), 1965. P. 507.

В феврале-марте 1957 г. вице-президент Ричард Никсон совершил трехнедельное африканское турне, посетил Гану, Марокко, Эфиопию, Судан, Ливию, Тунис, Либерию и Уганду. В отчете президенту о поездке Никсон подчеркнул, что Африка «является сегодня наиболее быстро меняющимся районом мира» и может стать «решающим фактором в конфликте между силами свободы и международным коммунизмом»⁹⁶. Вице-президент рекомендовал перенести политику сдерживания коммунизма на Африку для противодействия советскому экспансионизму. Госдепартаменту следовало принять «немедленные меры для усиления американского присутствия в Африке в количественном и качественном отношении»⁹⁷.

20 августа 1958 г. в Госдепартаменте был создан Африканский отдел и введена должность Заместителя госсекретаря по африканским делам. В заявлении Госдепартамента для печати отмечалось, что этот шаг означает «признание растущей важности Африканского континента, где с 1 января 1956 г. появились четыре независимых государства», и «жизненно необходим для эффективного развития наших отношений с Африкой»⁹⁸. Существовала еще одна важная причина учреждения Африканского отдела. В июле 1958 г. Джозеф Саттерзвейт, его будущий первый руководитель и заместитель Госсекретаря по африканским делам, заявил в Конгрессе о «необходимости иметь позитивную и агрессивную программу <...> противодействия в Африке странам, чья идеология недружественна Соединенным Штатам»⁹⁹. Африканский отдел и стал мозговым центром, где анализировалась африканская политика СССР и его союзников, разрабатывались методы противодействия коммунистическому проникновению для «сохранения ориентации Африки на свободный западный мир»¹⁰⁰.

США загодя и основательно стали укреплять свои позиции в «сердце Африки», чтобы после ухода бельгийцев не допустить вакуума, который заполнят противники по холодной войне. Америке было что защищать в Конго. У сброшенных на Хиросиму и Нагасаки атомных бомб была «начинка» конголезского происхождения – с урановых рудников в Шинколобве. В 1950-х Конго оставалось важнейшим поставщиком стратегического сырья для западных стран, хотя США прекратили закупать конголезский уран: его месторождения были открыты в Канаде и Южной Африке. В 1959 г. Конго давало 9 % мирового производства меди, 49 % кобальта, 69 % промышленных алмазов, 6,5 % олова¹⁰¹. Соединенные Штаты получали оттуда три четверти импортируемого тантала и половину кобальта¹⁰². Оба минерала широко применялись в атомной и авиационно-космической промышленности.

18 февраля 1960 г. высокопоставленные чиновники Госдепартамента, включая заместителя госсекретаря Дугласа Диллона¹⁰³, обсудили «меры, которые могли бы предпринять Соединенные Штаты в связи с приближающейся независимостью Конго». У Верден призвал «не допустить повторения гвинейского опыта, когда советский блок заполнил вакуум, образовавшийся после ухода Франции». Он предложил увеличить штат генерального кон-

⁹⁶ Цит. по: *Marte F.* Political Cycles in International Relations. The Cold War and Africa 1945–1990. Amsterdam, 1994. P. 79.

⁹⁷ Report to the President on the Vice Presidents Visit to Africa (February 28 – March 21, 1957) // FRUS, 1955–1957. Vol. XVIII. P. 65.

⁹⁸ NA. RG. 59. GRDS. Central Decimal File. Bureau of African Affairs. Department of State for the Press. August 20, 1958. № 478. Department of State Establishes New Bureau of African Affairs. P. 1.

⁹⁹ Remarks for use in Presenting S 1832. July 9, 1958. Ibid. P. 5.

¹⁰⁰ NA. RG. 59. GRDS. Central Decimal File. File 770.001/4-258. Office Memorandum. United States Government. Mr. Mallory Browne to AF – Mr. Dolgin. Suggestions to help counteract Communist penetration in Africa. April 2, 1958. P. 1.

¹⁰¹ *Hoskyns C.* The Congo Independence. January 1960 – December 1961. L., 1965. P. 14.

¹⁰² *Weissman S.* American Foreign Policy in the Congo, 1960–1964. Ithaca, 1974. P. 29.

¹⁰³ Диллона называли «господином Конго», он был председателем совета банковского дома «Диллон Рид энд Ко», одного из крупных инвесторов конголезской горнорудной промышленности.

сульства в Леопольдвиле и оказать существенную экономическую помощь третьей по численности населения африканской территории, где сложилась «потенциально взрывная политическая ситуация»¹⁰⁴.

Призыв посла был услышан. После поездки в Конго группы предпринимателей во главе с президентом банка «Чейз Манхэттен» Дэвидом Рокфеллером был создан консорциум банков, которые предоставили Конго заем в размере 325 млн. долларов. К 1960 г. капиталовложения американских компаний в Бельгийском Конго превысили 600 млн. долларов¹⁰⁵. Численность сотрудников консульства в Леопольдвиле была увеличена, чтобы после независимости оно могло функционировать как полноценное посольство. Послом стал опытный карьерный дипломат Клэр Тимберлейк. Он «смотрел на мир сквозь линзы холодной войны»¹⁰⁶. Лоуренс Девлин, резидент ЦРУ в Конго (1960–1967), работавший под дипломатическим прикрытием, высоко оценивал профессиональные качества Тимберлейка: «Он был прирожденным лидером, способным быстро принимать продуманные решения, нужный человек, оказавшийся в нужном месте в нужное время»¹⁰⁷.

Консульство резко активизировало пропагандистскую работу, наладило выпуск двух еженедельников, бюллетеней с обзором американской прессы. Редактор газеты «Конго» Тома Канза сообщил переводчику советского посольства в Брюсселе, что «американцы имеют в настоящее время 5 печатных изданий только в Леопольдвиле, ежедневно устраивают для конголезцев коктейли, просмотры фильмов и всякого рода экскурсии и прогулки»¹⁰⁸. Американские представительства торговых фирм, культурные центры, корреспондентские пункты были созданы во всех конголезских провинциальных центрах и крупных городах, в сельской местности активно действовали миссионеры. По приглашению властей в США побывали многие видные конголезские политики¹⁰⁹.

Администрация США предвидела, что в случае обострения ситуации в Конго важную, если не ключевую роль, может сыграть ООН, и предприняло меры, чтобы руководство организации заняло «правильную» позицию. На генерального секретаря ООН Дага Хаммаршельда давить не пришлось. Он был убежден, что ООН должна сыграть стабилизирующую роль в ходе деколонизации Африки и сохранить ее в орбите влияния Запада. Побывав в Конго во время блиц-турне по Африке в январе 1960 г., Хаммаршельд сделал вывод, что «неготовность» колонии к независимости неминуемо создаст ряд «проблем чрезвычайного характера»¹¹⁰. Вернувшись из турне, он провел закрытое совещание со своими помощниками, которые пользовались его абсолютным доверием. Все трое были американцами – заместитель генерального секретаря Эндрю Кордье, сотрудник Секретариата Ральф Банч, секретарь Первого (политического) комитета Генеральной Ассамблеи, антрополог-африканист Гейнц Вишгоф. Они разработали конкретные меры по созданию механизма и инфраструктуры для присутствия ООН в Конго, в том числе и военного. Генсек направил в Конго своим специальным представителем Банча. У первого афро-американца, удостоенного Нобелевской премии мира (1950 г.), не должно было возникнуть проблем в налаживании контактов с конголезцами¹¹¹.

¹⁰⁴ *FRUS*, 1958–1960. Vol. XIV. P. 262.

¹⁰⁵ Лесиовский В. М. Тайна гибели Хаммаршельда. М., 1985. С. 91.

¹⁰⁶ *Kalb M. The Congo Cables: The Cold War in Africa from Eisenhower to Kennedy*. New York, 1982. P. 4.

¹⁰⁷ *Devlin L. Chief of Station, Congo. A Memoir of 1960-67*. New York, 2007. P. 9.

¹⁰⁸ АВП РФ. Ф. 590. Оп. 3. П. 1. Д. 6. Л. 6. Переводчик посольства СССР в Бельгии А. Устинов. Запись беседы с главным редактором газеты «Конго» Тома Канза, 20 апреля 1960 г.

¹⁰⁹ АВП РФ. Ф. 590. Оп. 3. П. 3. Д. 23. Л. 13–15. Переводчик посольства СССР в Бельгии Г. В. Уранов. Об американском проникновении в Конго, 4 июля 1960 г.

¹¹⁰ *Urquhart B. A Life in Peace and War*. New York, 1987. P. 389.

¹¹¹ Лесиовский В. М. Указ. соч. С. 83–87.

Независимость: первые испытания

Конго погрузилось в хаос раньше, чем предполагали даже самые безнадежные пессимисты. Проблемы возникли уже в день провозглашения независимости, 30 июня 1960 г.

Первоначально на торжественном заседании конголезского парламента в присутствии многочисленных иностранных гостей и журналистов с речами должны были выступить король Бельгии Бодуэн и президент Касавубу. Бельгийские колониальные власти не собирались давать слова Лумумбе и сознательно держали его в неведении относительно содержания речей короля и президента. Зная импульсивность и эмоциональность Лумумбы, бельгийцы рассчитывали, что он не сможет промолчать и сделает неуместные заявления. Обстоятельства подготовки и произнесения речи Лумумбы подробно описаны в мемуарах Томы Канзы, его друга и соратника, который находился рядом с премьер-министром и в гуще событий в первые три недели после провозглашения независимости, пока не был назначен представителем Конго в ООН.

Лумумба был уязвлен и рассержен. «Бельгийцы хотят унизить конголезский народ, унизив меня», – сказал он Канзе. Лумумба решил выступить вопреки протоколу. Осуществить это было несложно, т. к. заседание должен был вести его личный друг Жозеф Касонго, которого он провел на пост председателя нижней палаты парламента. Речь премьер-министру подготовил «молодой, бородатый бельгийский социалист», который пользовался его доверием, но как скоро понял Канза, «находился в Конго не для того, чтобы защищать интересы конголезцев». Лумумба показал написанный новоявленным спичрайтером текст Канзе в своем доме утром 30 июня за пару часов до начала торжеств. Бегло ознакомившись с ним, Канза решил, что «по соображениям элементарной политической тактичности и дипломатичности Лумумбе не стоит говорить такие вещи в столь грубой и откровенной форме в этот исторический день перед такой представительной аудиторией». Когда Канза прямо сказал об этом Лумумбе, тот попросил его сделать текст более приемлемым. Все оставшееся время, даже в машине по дороге во Дворец наций, Канза и два секретаря премьер-министра лихорадочно правили текст, смягчая слова и выражения. Лумумба обещал учесть их замечания, но оговорился, что будет импровизировать в зависимости от обстановки¹¹².

Атмосфера заседания не способствовала снижению конфронтационного настроения премьера. Речь короля была патерналистской. Он отдал должное «гению» и «несгибаемой храбрости» своего двоюродного деда Леопольда II, отметил вклад в развитие Конго «бельгийских первопроходцев». Независимость монарх представил как добрую волю Бельгии, выразил надежду, что конголезцы оправдают оказанное доверие и предостерег их от «поспешных реформ, дабы не подвергать опасности свое будущее»¹¹³.

Речь, которую зачитал Касавубу, носила примирительный характер, была полна похвал в адрес бывшей метрополии за ее успешную цивилизаторскую миссию. «Бельгия вырастила черное дитя по имени Конго, воспитала его и теперь дает ему независимость. Конго с благодарностью принимает этот дар», – заявил президент¹¹⁴. Лумумба тем временем с гневным выражением лица снова правил текст своего выступления, возвращая ему изначальную жесткость¹¹⁵.

Премьер выступил третьим и последним. О примирении речь не шла, он бросил вызов властям Бельгии. Уделом конголезцев при колониализме был «рабский труд, за который нам

¹¹² Kama T. The Rise and Fall of Patrice Lumumba. Conflict in the Congo. L., 1978. P. 145, 153–154.

¹¹³ CRISP. Congo 1960. T. I. Bruxelles, 1961. P. 318–320.

¹¹⁴ Ibid. P. 320.

¹¹⁵ Scott I. Op. cit. P. 45.

платили гроши. Их не хватало, чтобы утолить голод, одеться, жить в достойном жилище, растить детей в условиях, каких заслуживают родные существа». Лумумба призвал соотечественников не забывать, что «независимость завоевана нами в повседневной, упорной, трудной борьбе, когда нас не останавливали ни огромные жертвы, ни кровь, пролитая нашими народами. <...> Наши раны еще слишком свежи, чтобы мы могли забыть о них». Он пообещал покончить со старой системой, показать миру, «на что способен черный человек, когда он трудится в свободной стране», и превратить «Конго в центр всей Африки»¹¹⁶.

Конголезская часть аудитории встретила речь бурными аплодисментами. Бельгийцы были потрясены и посчитали свою страну и ее короля оскорбленными. Монарху предлагали немедленно вернуться в Бельгию. Лумумбу убедили выступить еще раз в узком кругу на званом обеде, и он с похвалой отозвался о том, что Бельгия и Бодуэн сделали для Конго. Однако инцидент не был исчерпан, тем более что по распоряжению Лумумбы текст его речи в парламенте был разослан по всей стране.

В репортаже о церемонии провозглашения независимости специальный корреспондент «Правды» О. Л. Орестов сообщил, что на ней выступили Бодуэн и Касавубу. О речи Лумумбы Орестов не упомянул, он привел небольшой отрывок из радиообращения премьера 29 июня¹¹⁷. Это выглядело странно, тот же автор неделю назад комплиментарно отзывался о Лумумбе и основных пунктах программы его партии – полная независимость, сохранение единства страны и немедленный вывод из Конго бельгийских войск¹¹⁸. 2 июля газета опубликовала основные положения нашедшей речи Лумумбы. Его слова, писал анонимный специальный корреспондент ТАСС, прерывались «аплодисментами большинства присутствовавших в зале» и «вызывали растерянность и смущение короля, премьер-министра и министров Бельгии»¹¹⁹.

Демарш премьера был воспринят администрацией США как свидетельство его «неуравновешенности», «иррациональности» и «неопытности – качеств, из-за которых Конго может стать более уязвимым для дестабилизации и советского проникновения»¹²⁰.

Бельгийцы не задержались с ответом, запустили заранее подготовленный сценарий дестабилизации. Идеальным «детонатором» взрывоопасной ситуации в Конго была армия. После провозглашения независимости колониальная армия «Форс публик» была переименована в Конголезскую народную армию (КНА). Этим перемены и ограничились. Весь офицерский состав по-прежнему состоял из бельгийцев, максимум, на что могли рассчитывать конголезцы, был чин адъютанта, который присваивался после звания старшего сержанта. Многие служили по 10–15 лет, оставаясь рядовыми. Нараставшие в обществе настроения реванша и мести белым проникли и в казармы. В гарнизонах появились листовки, где выдвигались требования повышения жалования и африканизации командного состава, дисциплина резко упала, были случаи неподчинения офицерам.

5 июля Лумумба собрал специальное заседание кабинета министров, где заявил, что армию надо не реформировать, а «революционизировать». Было принято решение создать комитет по военной реформе, который в первую очередь будет руководствоваться принципом ликвидации расовой дискриминации в армии¹²¹.

Командующий КНА бельгийский генерал-лейтенант Эмиль Янсене выразил несогласие с премьером провокационным способом. Он публично разжаловал сержанта-конго-

¹¹⁶ Congo 1960. T. I. P. 323–324.

¹¹⁷ Орестов О. Африка сбрасывает цепи рабства // Правда. 01.07.1960.

¹¹⁸ Правда. 25.06.1960.

¹¹⁹ Избавление от рабства // Правда. 02.07.1960.

¹²⁰ Weissman S. Op. cit. P. 55.

¹²¹ Kama T. Op. cit. P. 186.

лезца, который говорил солдатам, что после наступления независимости не надо подчиняться бельгийцам. Затем Янсене собрал в учебном классе столичного военного лагеря свободных от караульной службы конголезцев и заявил, что не потерпит нарушений дисциплины. Для пущей убедительности он письменно проиллюстрировал свой тезис, написав на доске: «до независимости = после независимости». Возмущенные конголезские военнослужащие собрались на митинг протеста, который закончился беспорядками. Янсене приказал подавить бунт силами гарнизона в Тисвиле. Попытка бельгийских офицеров этого гарнизона поднять личный состав по тревоге закончилась их арестом и захватом солдатами оружейного арсенала¹²².

Волнения быстро перекинулись на гарнизоны в других провинциях. Основными требованиями были повышение жалования, африканизация офицерского корпуса, отставка Янсенса. На несколько дней ситуация вышла из-под контроля. Никому не подчинявшиеся вооруженные солдаты, к которым присоединились люмпены, хозяйничали в городах, занимались мародерством и грабежами. Белых женщин насиловали¹²³, а мужчин подвергали публичным издевательствам и унижениям.

Показательный инцидент случился с Лоуренсом Девлиным. Он только что был назначен резидентом ЦРУ в Леопольдвиле и проводил отпуск в Париже. Узнав о беспорядках, поспешил к месту службы. В Леопольдвиле его остановили на улице и доставили в военный лагерь. Там обкуренные марихуаной солдаты предложили встать на колени и поцеловать их ботинки. Девлин отказался, прибавив пару крепких слов. Конголезцам это не понравилось, и они сыграли с ним в русскую рулетку. Долговязый солдат достал из кобуры револьвер, приставил его к голове Девлина, крутанул барабан и спустил курок. Пять раз боек щелкал по пустой камере, а в барабане на шесть патронов должен был быть хотя бы один. После каждого раунда его спрашивали, не передумал ли он лизать ботинки. Девлин приготовился к смерти, но вновь раздался щелчок без выстрела и вслед за ним оглушительный хохот конголезцев. Револьвер был не заряжен... Эту «конголезскую рулетку» разведчик запомнил на всю жизнь¹²⁴. Его отпустили, и он сумел добраться до посольства США. Оно было окружено взбунтовавшимися солдатами и заполнено белыми беженцами. В посольстве была объявлена третья степень тревоги, персонал жег документы¹²⁵.

Во время волнений в Леопольдвиле находилась советская правительственная делегация. 1 июля ее принял Лумумба, которому Рахматов вручил приветственное послание Хрущева¹²⁶. Вечером 7 июля делегация встретила с премьер-министром и президентом. В ходе переговоров «было достигнуто соглашение об установлении между Советским Союзом и Конго дипломатических отношений и об обмене послами»¹²⁷.

Судя по воспоминаниям Мирзо Рахматова, члены делегации не испытали на себе неприязни конголезцев. Конголезские солдаты, «искавшие бельгийских парашютистов», проверили документы у постояльцев отеля «Стэнли», где остановилась делегация. Они отнеслись к советским гостям «исключительно дружелюбно». Вечером 8 июля делегаты даже отважились проехать по улицам Леопольдвиле. Вскоре их остановил военный патруль. «Солдаты, – пишет Рахматов, – приняли нас за представителей какой-то иностранной акционерной компании и поэтому сначала отнеслись к нам подозрительно. Я разъяснил, что мы приехали в Конго из СССР на праздники. Тогда один из солдат сказал: “Хрущев! Спутник!”».

¹²² Hoskyns C. Op. cit. P. 88–89.

¹²³ S/PV.877. Совет Безопасности. Официальные отчеты. 877-е заседание 20–21 июля 1960 года. П. 75–82.

¹²⁴ Devlin L. Op. cit. P. ix–xi.

¹²⁵ Devlin L. Op. cit. P. 10; *FRUS*, 1958–1960. Vol. XIV. P. 275–276.

¹²⁶ Правда. 03.07.1960.

¹²⁷ СССР и страны Африки. Т. I. С. 552.

Военные вежливо извинились и отпустили задержанных. «На следующий день в городе был восстановлен порядок, и мы получили возможность вылететь домой. Перед отправлением советского самолета в аэропорту собралось много конголезцев, пришедших проводить нас, приехали также два министра и ряд других официальных лиц»¹²⁸.

По свидетельству другого очевидца, Т. Канзы, советской делегации пришлось пережить несколько неприятных инцидентов, а ее отъезд стал опасным приключением со счастливым концом. Среди «несведущих в политике» конголезских военнослужащих распространился слух, что «Лумумба вызвал русские войска, чтобы разоружить конголезцев». «В номера, которые занимала советская делегация в отеле “Стэнли”, ворвались конголезские солдаты. Они дали волю рукам, но не нанесли русским телесных повреждений». Шокированный нападением Лумумба поручил министру иностранных дел Жюстену Бомбоко «обеспечить беспрепятственный выезд делегации из Конго». Бомбоко направил Канзу в отель, чтобы забрать делегацию и доставить ее под охраной в аэропорт Нджили. Рахматов сохранял спокойствие, но выразил Канзе «энергичный протест против недружественных действий». До аэропорта добрались благополучно, но там возникли проблемы. Советский самолет окружили конголезские военные, которые хотели войти в него, чтобы проверить багаж и убедиться, что на борту нет десантников. Советские гости согласились сесть в самолет, оставив снаружи свой багаж для досмотра. Все завершилось благополучно. Канза и прибывший вскоре Бомбоко убедили солдат, что в самолете нет военных грузов. Багаж занесли на борт, после чего Рахматов пригласил туда Бомбоко и Канзу и предложил на прощание выпить водки. Тост Бомбоко за советско-конголезскую дружбу был встречен одобрителем¹²⁹.

Пришлось понервничать и другим гражданам СССР, оказавшимся в Леопольдвиле. В отель, где жили Орестов и «молодой дипломат Ю.» тоже ворвались военные. «Дверь номера распахнулась, – вспоминает журналист, – и два солдата направили автоматы на нас, потребовав, чтобы мы спускались вниз, в фойе. Там уже было человек двадцать, в основном иностранных журналистов. Солдаты проверяли паспорта и на вопрос какого-то французского корреспондента ответили, что ищут русских, чтобы расправиться с ними». К счастью до Орестова и Ю. очередь не дошла. Появившийся на пороге фойе конголезский офицер приказал солдатам прекратить проверку документов и следовать в соседний квартал, где происходили беспорядки. Орестов даже сумел передать информацию о событиях в редакцию «Правды». Он добрался до телеграфа, лежа на заднем сиденье такси. В телетайпном зале находился только «перепуганный конголезец-техник», который не умел передавать сообщения. «Орудую одним пальцем», корреспондент набрал текст¹³⁰. Послание дошло до адресата и было опубликовано¹³¹.

Конголезское руководство пыталось прекратить беспорядки и овладеть положением в армии. 8 июля в столичном военном лагере, где начались волнения, состоялось чрезвычайное заседание правительства. Антураж, по описанию Канзы, был откровенно угрожающим. «Мы были почти как пленные, поскольку охранявшие нас солдаты не позволили бы нам покинуть лагерь до принятия решения, которое немедленно начнут выполнять. Время от времени дверь зала, где проходило заседание, открывалась, и двое или трое конголезских солдат вводили бельгийских офицеров, босых, с обувью в руках. Их ставили в угол на колени с поднятыми руками»¹³².

¹²⁸ Рахматов М. Африка идет к свободе. М., 1961. С. 69, 72, 73.

¹²⁹ Ката Т. *Op. cit.* P. 189–190.

¹³⁰ Орестов О. Дорога длиною в полвека. Записки журналиста. М., 1987. С. 123–125.

¹³¹ Орестов О. Народ Конго не запугать! // Правда. 12.07.1960.

¹³² Ката Т. *Op. cit.* P. 191.

Генерал Янсене был уволен, а вслед за ним и все бельгийские офицеры. Полноценной замены им не нашлось: среди конголезцев не было ни одного даже младшего офицера. Командующим КНА назначили родственника Лумумбы, Виктора Лундулу, сержанта в отставке, бывшего санитаря «Форс публик», которому было присвоено звание генерала. Жозеф Дезире Мобуту, имевший чин старшего сержанта, стал начальником штаба, его произвели в полковники. Мобуту семь лет прослужил писарем-стенографистом в «Форс публик». После увольнения из армии работал журналистом в одной из католических газет Конго. Проявил себя с самой лучшей стороны, представляя конголезскую прессу на Всемирной выставке в Брюсселе 1958 г., за что получил поощрение – стажировку в Брюсселе. Там вступил в НДК и представлял партию в столице метрополии. Отличался исполнительностью, подчеркивал свою преданность лидеру НДК. Лумумба назначил Мобуту секретарем своего правительства (в ранге министра). Новоиспеченный полковник, метивший в командующие, счел себя обойденным. И даже подал заявление об отставке, но Лумумба его отклонил.

После 8 июля ситуация начала стабилизироваться, убийства, грабежи и беспорядки прекратились. Однако механизм интернационализации конфликта был запущен. Западная пресса смаковала эпизоды расправ над белыми, утверждала, что правительство Лумумбы не в состоянии навести порядок. Белые в массовом порядке покидали Конго, в Бельгии раздавались требования военного вмешательства для защиты жизни и имущества иностранцев. Консулы США, Великобритании и Франции в Элизабетвиле призвали Бельгию ввести войска в Конго¹³³. 10 июля бельгийские десантники установили контроль над тридцатью главными городами страны.

Реакция советского руководства была ожидаемой. «Эти меры против Республики Конго, – заявил на пресс-конференции в Кремле 12 июля Хрущев, – еще раз подтверждают агрессивную сущность военных блоков империалистов, их стремление сохранить колониаторские порядки. Военные блоки империалистов созданы для проведения разбойничьей политики. Поэтому в Конго посылает войска не только Бельгия. Это НАТО посылает войска, чтобы силой подавить народ Конго. Это – разбойная политика. <...> Народ Конго хочет навести действительный порядок, выгнать колонизаторов. Солдаты армии Конго не хотят подчиняться бельгийским офицерам. И они поступают совершенно правильно, потому что бельгийские офицеры – это же колонизаторы»¹³⁴. Пропагандистская война вокруг Конго началась.

Покуда бельгийские войска занимались охраной и эвакуацией белого населения, обстановка оставалась спокойной. Лумумба даже подписал с бельгийским консулом в Лулуабурге, центре провинции Касаи, соглашение о двухмесячном пребывании там бельгийского гарнизона¹³⁵.

¹³³ Weissman S. Op. cit. P. 56–57.

¹³⁴ СССР и страны Африки. Т. I. С. 553.

¹³⁵ Hoskyns C. Op. cit. P. 98.

Отделение Катанги и интернационализация кризиса

Все изменилось 11 июля, когда произошло два события, сделавших международное вмешательство в конголезский кризис неизбежным. В порту Матади, откуда уже эвакуировались все пожелавшие уехать европейцы, неожиданно был высажен десант бельгийской морской пехоты. Завязался бой, 12 конголезцев были убиты, 13 ранены. Конголезские военные по специальной связи сообщили о случившемся во все гарнизоны и попросили подкреплений. По всей стране прокатилась вторая волна еще более жестоких европейских погромов¹³⁶.

В тот же день от Конго откололась провинция Катанга. Председатель провинциального правительства Моиз Чомбе зачитал по радио декларацию о независимости. Он обвинил центральное правительство в «коммунистических поползновениях», намерении установить «диктаторский режим, который изгонит наших бельгийских коллег», попытках вмешаться в вопросы управления провинциями, которые находятся в компетенции провинциальных правительств. Чомбе подчеркнул, что независимость Катанги является полной, «тотальной», что не помешало ему обратиться к Бельгии с просьбой о «технической, финансовой и военной помощи». Последовал призыв ко «всеми свободному миру» признать право Катанги на самоопределение¹³⁷.

Ни одно государство не признало независимость Катанги. Советское руководство охарактеризовало ввод бельгийских войск как «акт агрессии», назвало Чомбе «ставленником иностранных монополий», а отделение Катанги – «незаконным и преступным действием, продиктованным корыстными интересами горстки финансовых и промышленных магнатов колониальных держав»¹³⁸.

Ответ Чомбе был остроумным. Вечером 14 июля он отправил в Москву «господину министру иностранных дел» телеграмму: «Народ Катанги, учитывая, что Устав Организации Объединенных Наций торжественно провозглашает право народов на самоопределение, <...> обращается через своих избранных представителей ко всем странам свободного мира с торжественным призывом незамедлительно признать независимость его территории. Он обязуется уважать все положения декларации о правах человека и содействовать поддержанию мира в этой части света»¹³⁹. Послание осталась без ответа.

Потеря Катанги ставила федеральное правительство в трудное положение. Почти равную по площади Франции провинцию с населением 1,65 млн. человек называли «геологическим чудом», поскольку ее недра были баснословно богаты полезными ископаемыми, в том числе ураном, платиной, цинком, редкоземельными элементами. Катанга занимала третье место в капиталистическом мире по производству меди и первое по добыче кобальта и давала в конголезскую казну почти половину валютных поступлений¹⁴⁰.

Весть об отделении Катанги застала Лумумбу и Касавубу в Лулуабурге, где они успокаивали местный гарнизон. Было решено немедленно лететь в Элизабетвиль. Когда их самолет уже приближался к аэродрому, министр внутренних дел правительства Катанги Годфруа Мунонго из контрольной башни запретил посадку. Обращаясь к Касавубу, Мунонго заявил, что «был бы счастлив принять его с распростертыми объятьями, но не в компа-

¹³⁶ Ibid. P. 98, 122–124.

¹³⁷ G0rard-Libois /. Op. cit. P. 328–329.

¹³⁸ Заявление Советского правительства в связи с империалистической интервенцией в отношении независимой Республики Конго, 12 июля 1960 г. // СССР и страны Африки. Т. I. С. 557.

¹³⁹ АВП РФ. Ф. 590. Он. 3. П. 2. Д. 9. Л. 34.

¹⁴⁰ G0rard-Libois /. Op. cit. P. 3–5.

нии Лумумбы». Тем временем отряд катангских жандармов перекрыл взлетно-посадочную полосу бочками с горючим¹⁴¹.

Федеральным властям оставалось только искать внешнюю силу, которая могла бы восстановить порядок в стране и сохранить ее целостность. 12 июля Лумумба составил телеграмму генсеку ООН, которую подписал и Касавубу. Премьер и президент объяснили отделение Катанги заговором, подготовленным «бельгийскими империалистами и небольшой группой руководителей Катанги». Они потребовали срочно направить войска ООН для «защиты государственной территории Конго от имеющей место внешней агрессии, которая угрожает международному миру»¹⁴². Утром 13 июля в новой телеграмме Хаммаршельду Лумумба и Касавубу сделали разъяснения относительно будущей операции: «Целью запрашиваемой помощи является не восстановление внутреннего положения в Конго, а защита национальной территории против акта агрессии, совершенной войсками бельгийской метрополии». Такая формулировка не давала оснований для вмешательства ООН во внутренние дела страны. Конголезские лидеры предупредили: «Если запрошенная помощь не будет безотлагательно получена, Республика Конго будет вынуждена обратиться к государствам Бандунгского договора»¹⁴³.

В тот же день Хрущев на пресс-конференции в Кремле назвал обращение правительства Конго за помощью в ООН «правильным», но выразил сомнение, что Совет Безопасности должным образом на него отреагирует: «Трудно, конечно, ждать, что справедливое требование народа Конго найдет сочувствие в Совете Безопасности. Следует разоблачать этот орган, с тем, чтобы народы видели, что Совет Безопасности превращен сейчас Соединенными Штатами Америки в инструмент для подавления свободлюбивых народов, на удержание народов в колониальном рабстве»¹⁴⁴.

СССР и США поддерживали ввод войск ООН в Конго с разными целями. По замыслу американской администрации они должны были стать инструментом защиты интересов Запада и щитом от коммунистического проникновения в Конго. Хрущев пытался использовать кризис для упрочения позиций СССР в Африке и третьем мире как главного борца против колониализма и империализма. Операцию ООН он признал «правильной» по двум причинам. Во-первых, войска ООН должны были заменить войска Бельгии, члена НАТО. Во-вторых, Хрущев считал, что конголезский кризис стал шансом изменить неблагоприятное для СССР и его союзников соотношение сил внутри ООН.

Противники СССР в холодной войне доминировали не только в Совете Безопасности (четыре из пяти мест постоянных членов и в среднем три из шести мест выборных членов). В Генеральной Ассамблее западные и латиноамериканские страны могли заблокировать неуютную резолюцию. Им нужно было всего 12 голосов афро-азиатских стран, чтобы добиться большинства в две трети голосов, необходимого для принятия решения. В Секретариате по состоянию на август 1960 г. должности распределялись следующим образом: 23 занимали американцы, 16 – британцы, 10 – французы, 8 – представители Советского Союза и 5 – индийцы¹⁴⁵.

Ирландский дипломат Конор О'Брайен, работавший в Секретариате на конголезском направлении, а затем представителем генсека ООН в Конго, на основе собственных наблюдений сделал вывод, что операцией в Конго командовал не «почти бессильный» Совет Без-

¹⁴¹ Colvin I. The Rise and Fall of Moise Tshombe. L., 1968. R 28.

¹⁴² S/4382. 13 июля 1960 г. Совет Безопасности. Телеграмма Президента Республики Конго, Верховного командующего национальной армией, и премьер-министра и министра национальной обороны от 12 июля на имя Генерального секретаря.

¹⁴³ СССР и страны Африки. Т. I. С. 559.

¹⁴⁴ Там же. С. 553–554.

¹⁴⁵ Hoskyns C. Op. cit. P. 112–113.

опасности и тем более «аморфная» Генеральная Ассамблея, а «совершенно неофициальный и несколько странный по своему составу» «конголезский клуб» внутри Секретариата. Это был штаб при генсеке ООН, который «старался играть, не показывая своих карт». Клуб располагал всей полнотой информации, туда поступали секретные телеграммы сотрудников ООН из Конго. Эти донесения «резко отличались от той приглаженной картины, которая давалась в официальных сообщениях, распространявшихся среди делегатов Генеральной Ассамблеи». Членами клуба были сэр Александер МакФаркуэр (Великобритания), Чакраватхи Нарамсикхан, генерал Индар Рикхи (Индия), Конор О'Брайен, Фрэнсис Нвокеди (Нигерия) и три американца: Ральф Банч, Эндрю Кордые и Гейнц Вишгоф. Последнего О'Брайен называл «серым кардиналом», и он был единственным членом клуба, кто в присутствии генсека продолжал «излучать собственную волну». Все важные решения принимали Хаммаршельд, Банч, Вишгоф и Кордые, – неформальная «конголезская четверка», сложившаяся в обстановке секретности еще в январе 1960 г. Группа «нейтралов, главным образом афроазиатов», играла малозначительную, скорее, декоративную роль¹⁴⁶.

По-другому оценивал роль конголезского клуба Брайен Уркварт, высокопоставленный сотрудник ООН, друг Хаммаршельда и впоследствии его биограф. Клуб составляла небольшая группа, занимавшаяся конголезским кризисом, которая собиралась в кабинете Хаммаршельда только «для удобства». Он называл «пропагандистской чепухой» утверждения о том, что конголезский клуб был создан «в результате заговора США, чтобы установить контроль над операцией ООН в Конго». Хаммаршельд и Банч, по наблюдениям Уркварта, «часто не соглашались с позицией США и резко отрицательно реагировали на попытки *любого* правительства диктовать, что им следует делать»¹⁴⁷.

По впечатлениям еще одного человека, который участвовал в заседании конголезского клуба, его члены собирались у Хаммаршельда не только «для удобства». На заседания приглашались представители генсека ООН в Конго. Индиец Раджешвар Дайял, занимавший эту должность с начала сентября 1960 по конец мая 1961, называет клуб «закрытой группой доверенных лиц Хаммаршельда», с которыми он «периодически проводил неформальные совещания». Они проходили в кабинете генерального секретаря на тридцать восьмом этаже здания ООН в обеденное время и вечером, после формального окончания рабочего дня. «На совещаниях, – вспоминает Дайял, – обсуждались приходившие из Леопольдвилья телеграммы, анализировались слушания и дебаты в Совете Безопасности, участники обменивались информацией, полученной от дипломатов или гостей». Обстановка была непринужденной, «разговор мог зайти о литературе или искусстве, а иногда и вовсе напоминал обсуждение сплетен»¹⁴⁸.

Социалистическим странам в этом клубе места не нашлось. Член Секретариата от СССР Георгий Аркадьев не только не допускался к процессу принятия решений, но и к секретным донесениям сотрудников ООН из Конго. Переписка по Конго хранилась у Вишгофа, а его формальный начальник, заместитель генсека по политическим проблемам и делам Экономического и Социального Совета ООН Г. П. Аркадьев, доступа к ней не имел¹⁴⁹.

СССР мог добиться выгодных для себя решений ООН по Конго только при поддержке азиатских и африканских государств. В 1960 г. 17 африканских колоний стали независимыми государствами и членами ООН. Предпосылки для альянса с освободившимися странами существовали. Их лидеры стремились использовать противоречия между сверхдержавами для укрепления своих позиций в регионе или как минимум в собственной стране. Наиболее

¹⁴⁶ О'Брайен К. Ук. соч. С. 89–95.

¹⁴⁷ Urquhart B. A Life in Peace and War. New York, 1987. P. 174.

¹⁴⁸ Dayal R. Mission for Hammarskjöld. The Congo Crisis. Princeton, 1976. P. 12–13.

¹⁴⁹ О'Брайен К. Ук. соч. С. 90, 91, 99.

амбициозные планы вынашивал президент Ганы Кваме Нкрума, пытавшийся стать субъектным игроком в сложной международной игре, развернувшейся вокруг конголезского кризиса. Теоретик panaфриканизма, Нкрума рассматривал борьбу Конго за независимость не только как эпизод «глобальной идеологической борьбы», но и как часть «общеафриканского движения за освобождение Африки от колониального угнетения»¹⁵⁰.

Идеи Нкрумы оказали большое влияние на становление взглядов Лумумбы. Они познакомились в Аккре в декабре 1958 г. на первой конференции народов Африки, и с тех пор они постоянно переписывались, Нкрума давал Лумумбе советы, которые становились руководством к действию. В Лумумбе, ставшем премьер-министром независимого Конго, Нкрума увидел союзника, готового словом и делом поддержать его план создания Соединенных Штатов Африки, который вызывал неприятие у многих африканских лидеров.

¹⁵⁰ *Nkrumah K. Challenge of the Congo. A Case Study of Foreign Pressures in an Independent State. L., 1967. P. 14.*

Войска ООН в Конго

13-14 июля состоялось заседание Совета Безопасности ООН, на котором была рассмотрена просьба конголезского руководства. В центре дискуссий оказался проект резолюции, который внес представитель Туниса Монжи Слим от имени группы афро-азиатских государств. Ее первый параграф призывал «правительство Бельгии вывести свои войска с территории Республики Конго». Второй наделял Генерального секретаря полномочиями «принять необходимые меры в консультации с правительством Республики Конго для предоставления ему такой военной помощи, какая может оказаться необходимой»¹⁵¹.

Советский представитель А. А. Соболев зачитал «Заявление Советского правительства в связи с империалистической интервенцией в отношении независимой Республики Конго». Ответственность за обострение ситуации в Конго СССР возложил на Бельгию, которая «при прямом соучастии дипломатических представителей западных держав» предприняла «в нарушение международного права и Устава ООН действия, направленные на подрыв суверенитета и ликвидацию независимости молодого конголезского государства»¹⁵². Соболев внес три поправки, предлагавшие «1) включить пункт об осуждении вооруженной агрессии Бельгии против Конго, 2) указать на необходимость немедленного вывода войск Бельгии из Конго и 3) добавить в пункт 2 проекта резолюции после слов “военной помощи” слова “предоставленной африканскими государствами-членами ООН”»¹⁵³.

Хрущев считал «африканизацию» сил ООН в Конго шансом превратить их в инструмент защиты правительства Лумумбы и обеспечения советских интересов в Конго. Идея проведения операции ООН силами африканцев была популярна в афро-азиатских странах. 13 июля президент Нкрума заявил: «Нынешние осложнения в Конго должны быть урегулированы главным образом усилиями независимых африканских государств в рамках аппарата ООН. Вмешательство неафриканских государств, по мнению правительства Ганы, скорее всего, усилит, а не ослабит напряженность»¹⁵⁴. Тунис и Цейлон, выборные члены Совета Безопасности, проголосовали против осуждения агрессии Бельгии, но поддержали третью советскую поправку. Их голосов оказалось недостаточно, и все советские поправки были отклонены. 8 голосами (СССР и США голосовали «за») при 3 воздержавшихся была принята резолюция, внесенная представителем Туниса¹⁵⁵.

Голосовать против тунисской резолюции у Советского Союза не было резонов. Ее поддерживали афро-азиатские страны. В случае неприятия резолюции у Хаммаршельда в запасе была другая, короткая, которая просто санкционировала ввод войск ООН в Конго. Если бы не удалось провести и такую резолюцию, он был готов созвать чрезвычайную сессию ГА ООН, где у западных стран и их союзников было гарантированное большинство¹⁵⁶.

Принятая Совбезом резолюция давала западным странам важные преимущества. Бельгия не была признана агрессором, против нее не предусматривалось никаких мер, сроки вывода бельгийских войск из Конго не были установлены. Цель военной помощи ООН Конго не конкретизировалась, но из контекста было ясно, что она состоит не в изгнании бельгийцев, а в восстановлении порядка в стране, который не может навести правительство

¹⁵¹ S/4387.

¹⁵² СССР и страны Африки. Т. I. С. 554.

¹⁵³ АВП РФ. Ф. 590. Оп. 4. П. 6. Д. 16. Л. 10. Первый секретарь Отдела международных организаций МИД СССР В. Поляков. Обсуждение вопроса о положении в Конго Организацией Объединенных Наций с июля 1960 г. по апрель 1961 г., 25 апреля 1961 г.

¹⁵⁴ *Nkrumah K.* Op. cit. P. 20–21.

¹⁵⁵ S/PV.873. Совет Безопасности. Официальные отчеты. 873-е заседание 13–14 июля 1960 года.

¹⁵⁶ *Urquhart B.* Op. cit. P. 398.

Лумумбы. Не был определен национальный состав сил ООН и их командования, что развязывало руки в этом вопросе Хаммаршельду. Катанга в резолюции даже не упоминалась, ничего не говорилось о необходимости сохранять территориальную целостность Конго.

У Лумумбы были веские основания считать, что войска ООН могут превратиться в могильщика его правительства. Он и Касаубу 14 июля направили телеграмму Хрущеву с призывом «ежечасно следить за развитием обстановки в Конго» и не исключили возможности просьбы о «вмешательстве Советского Союза», «если западный лагерь не прекратит агрессию против суверенитета Республики Конго»¹⁵⁷.

После обращения конголезских руководителей к советскому лидеру американские аналитики просчитали все сценарии советских действий в отношении Конго вплоть до вооруженной интервенции. В специальном меморандуме комитета начальников штабов ее вероятность оценивалась как очень низкая из-за «огромных практических трудностей, связанных с доставкой войск по морю или воздуху» при отсутствии у СССР авианосцев и возможностей наладить воздушный мост¹⁵⁸.

Понимал ограниченность советских возможностей и Хрущев. В ответной телеграмме 15 июля он ясно дал понять, что в данной ситуации СССР не прибегнет к односторонним мерам и готов поддержать действия ООН в Конго: «В обстановке растущего негодования народов, возмущенных империалистической агрессией в Конго, Совет Безопасности ООН сделал полезное дело, приняв решение, призывающее правительство Бельгии к выводу бельгийских войск с территории Конго»¹⁵⁹.

18 июля Лумумба повторил свой ультиматум. В тот же день первый заместитель министра иностранных дел СССР В. В. Кузнецов и заведующий Отделом стран Америки МИДа А. Ф. Добрынин во время беседы с Хаммаршельдом потребовали установить конкретные сроки вывода бельгийских войск. Генсек ответил, что не может взять на себя ответственность за такое решение, пока войска ООН в достаточной степени не контролируют положение¹⁶⁰.

Наличных сил для контроля над ситуацией в Конго у ООН было действительно мало. 15 июля, спустя 48 часов после соответствующего решения Совета Безопасности, 3,5 тыс. военнослужащих из Ганы, Туниса, Марокко и Эфиопии высадились в Конго. Хаммаршельд считал необходимым «разбавить» африканские войска контингентами из европейских нейтральных стран – Швеции и Ирландии. Возражения Соболева, который настаивал, чтобы в Конго использовались только войска из африканских государств, остались без последствий¹⁶¹. Через неделю туда было переброшено 11,5 тыс. военнослужащих, которые создали опорные пункты во всех пяти провинциях кроме Катанги¹⁶².

Операция была спланирована таким образом, что давала солидную фору США, хотя в ней участвовали контингенты только из нейтральных государств. Переброска войск в Конго осуществлялась американскими военно-транспортными самолетами, а внутри страны – на самолетах и бронетранспортерах с американскими экипажами. Связь между частями войск ООН в Конго и на линиях коммуникаций с внешним миром обеспечивала армия США. Помимо воинских контингентов ООН направила в Конго сотни гражданских специалистов, которые заняли ключевые посты в ведомствах бывшей колониальной администрации. Американцев среди них было подавляющее большинство.

¹⁵⁷ СССР и страны Африки. Т. I. С. 562–563.

¹⁵⁸ *FRUS*, 1958–1960. Vol. XIV. P. 347–348.

¹⁵⁹ СССР и страны Африки. Т. I. С. 562.

¹⁶⁰ *Urquhart B.* Op. cit. P. 404.

¹⁶¹ *Ibid.* P. 402.

¹⁶² *Hoskyns C.* Op. cit. P. 133–134.

Москва пыталась использовать «зонтик» ООН для укрепления своего влияния в «сердце Африки». В ответ на призыв Хаммаршельда предоставить в качестве дара для Конго продовольствие, а также транспорт для войск ООН¹⁶³, советское правительство приняло решение направить туда 10 тыс. т продовольствия, 100 грузовиков и «группу инструкторов» для «оказания технической помощи в эксплуатации автомашин»¹⁶⁴.

СССР оказал помощь в переброске войск Ганы в Конго для участия в операции ООН. 16–18 июля туда по воздуху были доставлены два ганских батальона, 19 июля Хаммаршельд попросил ещё один, но перевозить войска было нечем. Немногочисленные ганские самолёты работали с максимальной нагрузкой, были отменены полёты единственной национальной авиакомпании. США и Великобритания обещали помочь, но выжидали, ссылаясь на необходимость получить формальную санкцию Совета Безопасности. Тогда посол СССР в Гане М. Д. Сытенко выразил готовность предоставить два советских ИЛ-18 с экипажами. Нкрума согласился, не поставив в известность Секретариат ООН, что вызвало резкое неудовольствие Хаммаршельда¹⁶⁵. 21 июля в конголезской столице приземлились первые три советских самолета с грузом продовольствия. Они сразу же были задействованы для «доставки в Конго ганских войск и снаряжения»¹⁶⁶. Вскоре воздушный мост Аккра – Леопольдвиль стали обслуживать еще два ИЛ-18¹⁶⁷. К 25 июля численность ганских военнослужащих в Конго составила 2340. Это был самый крупный национальный контингент в составе войск ООН. Кроме того в Конго работали 370 офицеров ганской полиции¹⁶⁸.

Трудности, с которыми сталкивались советские летчики на маршруте Аккра – Леопольдвиль, описал корреспондент «Правды» в Гане К. Е. Непомнящий. Летать приходилось не «вдоль берегов Африки, где трасса хорошо изучена и есть достаточное количество аэродромов», а «через пески Сахары, Атласские горы и над Атлантикой, где нет никаких ориентиров». Не раз «приходилось сталкиваться с непредвиденными обстоятельствами». При посадке на аэродром, радиостанцию которого «захватили» американцы, поступила команда: «Заходите на 1.500 метров», – но разрешения на посадку не последовало, «в самый ответственный момент» радиостанция замолчала. «Илы» кружили над аэродромом, находившийся в Леопольдвиле советский летчик пришел на радиостанцию и взял микрофон, но тут выключилось питание радиостанции. Самолеты все же благополучно сели, но риск аварии был велик¹⁶⁹.

¹⁶³ АВП РФ. Ф. 0590. Оп. 2. П. 2. Д. 17. Л. 5.

¹⁶⁴ Известия. 22.07.1960.

¹⁶⁵ Thompson S. Ghana's Foreign Policy 1957–1966. Diplomacy, Ideology and the New State. Princeton, 1969. P. 131–132.

¹⁶⁶ Нкрума К. Я говорю о свободе. Изложение африканской идеологии. М., 1962. С. 267.

¹⁶⁷ АВП РФ. Ф. 590. Оп. 36. П. 4. Д. 1. Л. 23. МИД СССР. Отдел стран Африки. Империалистическая агрессия против Республики Конго и позиция Советского Союза. Подготовлено референтурой по Конго. М., 1960. (Далее: Основные документы.) Помощь СССР Республике Конго. Сообщение ТАСС.

¹⁶⁸ Nwaubani E. Eisenhower, Nkrumah and the Congo Crisis // Journal of Contemporary History. 2001. Vol. 36(4). P. 612.

¹⁶⁹ Непомнящий К. «Спасибо советским летчикам» // Правда. 31 июля 1960.

Лумумба – это «Кастро, если не хуже»

Лумумба обоснованно рассматривал бельгийское военное присутствие в Конго как основной дестабилизирующий фактор. Ральф Банч заверил его, что «в соответствии с решениями, принятыми Советом Безопасности, бельгийские войска должны будут покинуть Конго, как только придут силы ООН». «Голубые каски» обосновались в Конго, а бельгийские войска оставались в стране. 17 июля Лумумба направил представителю генсека ООН в Конго письмо с ультимативным требованием: «Если в течение 24 часов с 19 июля 1960 года ООН окажется не в состоянии обеспечить выполнение задачи, которую мы от нее потребовали, мы, к сожалению, будем вынуждены просить вмешательства Советского Союза. Мы надеемся, что вы окажетесь в состоянии принять все меры, чтобы избежать этого»¹⁷⁰.

Ультиматум возымел действие. 19 июля Бельгия и ООН договорились о выводе бельгийских войск из Леопольдвилья в течение четырех дней начиная с 20 июля. Комментируя это соглашение, Лумумба заявил, что ультиматум снят, но добавил, что «если ООН не знает, как удовлетворить наши требования, мы будем вынуждены обратиться к другим нациям, чтобы сражаться с агрессорами»¹⁷¹.

Лумумба добился тактического успеха, но в долгосрочном плане ультиматум обернулся против него. Как внутри страны, так и на международной арене. Конголезский сенат 18 июля «единодушно и решительно» отверг «всякое вмешательство» Советского Союза во внутренние дела Конго¹⁷². Касавубу молчал, но поскольку послание Банчу он не подписал, можно было предположить, что президент разделял позицию сената. На состоявшейся в тот же день встрече представителей африканских стран в ООН они сошлись в том, что угрозы призвать в Конго советские войска недопустимы. Действия Лумумбы были названы поведением человека, «потерявшего голову»¹⁷³. Мнение участников совещания было доведено до сведения В. В. Кузнецова.

Пригрозив «вмешательством Советского Союза», Лумумба «вышел из доверия» американского руководства. 19 июля посольство США в Брюсселе направило в Госдепартамент телеграмму, где рекомендовало отстранить премьера от власти: «Лумумба занял позицию конфронтации с Западом и противодействия ООН, он все больше зависит от Советского Союза и конголезских сторонников (Кашамура, Гизенга), которые работают на достижение советских целей. Поэтому мы должны исходить из того, что правительство Лумумбы угрожает нашим жизненным интересам в Конго и во всей Африке. Главной целью наших политиков и дипломатов должно быть свержение правительства Лумумбы в его нынешнем виде. Мы должны найти или создать новую фигуру, на которую можно будет сделать ставку, и которая будет приемлема для остальной Африки и сможет противостоять советскому политическому наступлению»¹⁷⁴.

На заседании Совета национальной безопасности 21 июля директор ЦРУ Аллен Даллес дал Лумумбе убийственную характеристику. Он сказал, что «в лице Лумумбы мы столкнулись с фигурой, похожей на Кастро, если не хуже». Даллес назвал биографию Лумумбы «ужасной», припомнив все его «грехи»: «В 1956 г. Лумумба был обвинен в растрате 100.000 франков и приговорен к двухлетнему тюремному заключению. Он находился под сильным

¹⁷⁰ АВП РФ. Ф. 590. Оп. 36. П. 4. Д. 1. Л. 145. Основные документы. Из письма г-на Лумумбы д-ру Банчу от 17.VII.1960 г.

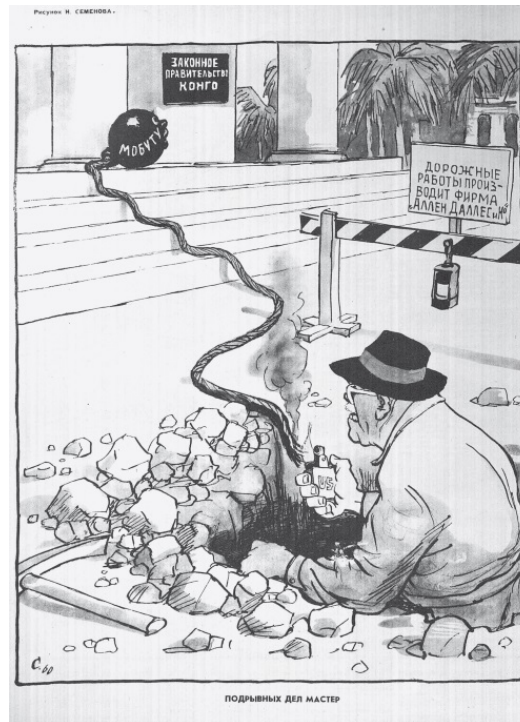
¹⁷¹ Цит. по: *Merriam A. Op. cit.* P. 220.

¹⁷² АВП РФ. Ф. 0590. Оп. 36. П. 4. Д. 1. Л. 145. Основные документы. Телеграмма из Леопольдвилья, 18 июля 1960 г., ООН, Нью-Йорк. Весьма срочно, Генеральному секретарю от Банча.

¹⁷³ *Merriam A. Op. cit.* P. 309.

¹⁷⁴ *FRUS*, 1958–1960. Vol. XIV. P. 330.

влиянием левых и коммунистов. Он участвовал в коммунистическом молодежном митинге в 1959 г. Доподлинно известно, что Коммунистическая партия Бельгии обещала оказать ему помощь. Нам неизвестно, какой была эта помощь, но ясно, что бельгийская компартия использовалась как канал для финансирования. Все это дает основания предположить, что Лумумба куплен коммунистами, что вполне соответствует его убеждениям»¹⁷⁵.

Карикатура из журнала «Крокодил»

Вечером 20 июля по требованию СССР было созвано экстренное заседание СБ ООН для рассмотрения отчета генерального секретаря по выполнению резолюции по Конго от 14 июля. Представитель Конго Тома Канза заявил о необходимости «положить конец агрессивным действиям бельгийских войск в Конго» и потребовал их эвакуации «с нашей национальной территории как можно скорее». Он сообщил, что правительству Конго известно о «закулисных маневрах, имеющих целью добиться отделения Катанги», оно готово «защитить целостность государства» и просит «не допустить какого-либо признания независимости Катанги»¹⁷⁶.

Представитель Бельгии Пьер Виньи привел документальные свидетельства о насилии и произволе конголезцев в отношении бельгийских граждан в ходе беспорядков. Он заявил, что «военное вмешательство Бельгии в Конго преследовало исключительно гуманитарные цели», было осуществлено во имя «защиты бельгийских граждан» и является «временной мерой». Ни о каком выводе войск в пожарном порядке не могло быть и речи: «Бельгия эвакуирует введенные ею войска, как только и в той мере, в какой Организация Объединенных Наций эффективно обеспечит поддержание порядка и безопасность граждан»¹⁷⁷.

Представитель СССР В.В. Кузнецов подчеркнул, что необходимо «как можно скорее» претворить в жизнь решение Совета Безопасности о выводе бельгийских войск с территории Конго. В резких выражениях он поддержал позицию правительства Лумумбы по Катанге:

¹⁷⁵ Ibid. P. 338, 339.

¹⁷⁶ S/PV.877. Совет Безопасности. Официальные отчеты. 877-е заседание 20–21 июля 1960 года. П. 51, 57, 59.

¹⁷⁷ Там же. П. 142.

«Мы теперь знаем, что расширение военной интервенции в Конго сопровождается попытками расчленив это молодое государство. Как это неоднократно было в прошлом, колонизаторы и здесь пытаются действовать по принципу «разделяй и властвуй». Им удалось найти для этой цели некоего холуя Чомбе, который спустя всего несколько дней после провозглашения независимости Республики выступил с идеей отделения от молодого африканского государства одной из его основных провинций – Катанги. Не случайно деятельность Чомбе вызывает ликование среди финансовых и промышленных воротил. Нетрудно видеть, что за этими попытками расчленения Конго скрывается стремление западных держав удержать за собой богатые в экономическом отношении районы бывших бельгийских колоний, являющихся главными источниками обогащения капиталистических монополий». Кузнецов внес проект резолюции, который предусматривал, чтобы СБ настаивал «на немедленном прекращении вооруженной интервенции против

Республики Конго и выводе в трехдневный срок с ее территории всех войск агрессора» и призывал «уважать территориальную целостность Республики Конго и не предпринимать никаких действий, которые могли бы нарушить эту целостность»¹⁷⁸.

Представитель США Кэбот Лодж выступил против принятия конкретных сроков вывода бельгийских войск, обусловив его «успешным выполнением всей резолюции Организации Объединенных Наций», т. е. наведением порядка. Он обвинил СССР в стремлении «распространить холодную войну в глубь Африки» и высказал предположение, что «Советский Союз может непосредственно осуществить интервенцию в Конго»¹⁷⁹.

Британский представитель Гарольд Били изложил позицию своего правительства по Катанге: «Мы считаем, что отношения между провинцией Катанга и другими провинциями Конго является вопросом, который должен быть решен самими конголезцами. Это внутренняя проблема, которая не может быть удовлетворительно разрешена ни путем вмешательства других государств, ни самой Организацией»¹⁸⁰. Он выразил согласие с заявлением Хаммаршельда, что войска ООН «не имеют права принимать участие в любом внутреннем конфликте [в Конго] или вмешиваться в такой конфликт»¹⁸¹. Били считал, что советское предложение о выводе бельгийских войск в трехдневный срок «никак не увязывается с изложенными Совету фактами. Против Конго не было совершено агрессии, и Бельгия не пыталась уничтожить или ограничить независимость, которую она так недавно предоставила». Вывод войск и операция ООН – два «взаимосвязанных процесса». Их надо осуществлять «спокойно и быстро», отказавшись от требований, «подобных тем, которые выдвинуты в проекте резолюции СССР и которые предусматривают завершение вывода войск в нереальный срок и независимо от использования вооруженных сил Организации Объединенных Наций»¹⁸².

Представитель Франции Арман Берар назвал обвинение Бельгии в агрессии «смехотворным» и задал риторический вопрос: «Правительство Советского Союза всегда готово вмешаться, даже когда его интересы непосредственно не затрагиваются. Но допустило бы оно, чтобы десятки тысяч его соотечественников подвергались угрозам и дурному обращению?» По вопросу о выводе войск Берар занял солидарную с союзниками по НАТО позицию: «Организация Объединенных Наций приступила к действиям. Это должно позволить постепенно заменить бельгийские войска, которые были вынуждены вмешаться»¹⁸³.

¹⁷⁸ Там же. П. 145, 151–152, 156.

¹⁷⁹ Там же. П. 188, 191, 193.

¹⁸⁰ S/PV.879. Совет Безопасности. Официальные отчеты. 879-е заседание 21/22 июля 1960 года. П. 25.

¹⁸¹ S/PV.877. П. 17.

¹⁸² S/PV.879. П. 27.

¹⁸³ Там же. П. 55, 58, 69.

22 июля единогласно была принята резолюция, проект которой был подготовлен Тунисом и Цейлоном. В ней в смягченной форме нашли отражение основные положения советского проекта, она призывала «правительство Бельгии незамедлительно выполнить постановление резолюции Совета Безопасности относительно вывода бельгийских войск и уполномочивала Генерального секретаря принять с этой целью все необходимые меры»¹⁸⁴. После этого Кузнецов не настаивал на голосовании своего проекта. Он уточнил, что голосовал за проект Цейлона и Туниса, хотя и считает его «недостаточным в отношении сроков вывода бельгийских войск из Конго»¹⁸⁵.

¹⁸⁴ S/4405.

¹⁸⁵ S/PV.879. П. 114.

Визит Лумумбы в США: коней иллюзий

Лумумба приветствовал резолюцию и заявил, что «в помощи России больше нет необходимости»¹⁸⁶. 22 июля он в сопровождении ключевых министров вылетел в Нью-Йорк. Он рассчитывал замирился с руководством ООН и США, добиться американской экономической помощи, убедить Хаммаршельда и Эйзенхауэра ввести войска ООН в Катангу, чтобы восстановить контроль федерального правительства над мятежной провинцией.

Словами и делами Лумумба давал понять Западу, что он готов к конструктивному диалогу. Отказался от советского предложения лететь на одном из трех «Илов», находившихся в Конго, отдав предпочтение «Боингу» компании «Пан-Американ»¹⁸⁷. Оставив дома антиимпериалистическую риторику, по прибытии в США 24 июля выразил «благодарность и дружеские чувства президенту Эйзенхауэру и всему американскому народу, который столько сделал для освобождения африканцев»¹⁸⁸. Поспешно заключил соглашение с «американским бизнесменом» Эдгаром Детуайлером об оказании Конго экономической и иной помощи в разработке природных ресурсов в течение 50 лет на сумму 2 млрд. долларов¹⁸⁹.

Уладить разногласия с генсеком ООН не удалось. На переговорах 24, 25 и 26 июля Лумумба настаивал на немедленном выводе бельгийских войск из Конго, требовал, чтобы части ООН вошли в Катангу и разгромили сепаратистов. Хаммаршельд называл такую позицию «далекими от реальности надеждами», доказывал, что при нынешнем положении дел военное решение катангской проблемы невозможно¹⁹⁰. Лумумба не проявил готовности пойти на компромисс. Участвовавший в переговорах Канза отмечал его неуступчивость, считал выбранную им тактику напора неверной: «Два руководителя были полны решимости отстаивать свою точку зрения и постоянно недооценивали друг друга. Все члены конголезской делегации старались урезонить Лумумбу, советовали ему на языке лингала быть тактичнее, когда он делает свои предложения или отвечает на вопросы руководства ООН, в доброй воле которого мы так нуждались. Однако Лумумба продолжал вести себя очень требовательно и нетерпеливо, тогда как Хаммаршельд просто принимал к сведению предложения Лумумбы и повторял обещание оказывать помощь народу Конго и его правительству»¹⁹¹.

Переговоры закончились провалом. Их официальным итогом стало составленное в общих выражениях коммюнике, где фиксировалось достижение только одной договоренности – о направлении в Конго по линии ООН персонала для оказания технической помощи, что автоматически вытекало из решений Совета Безопасности. С тех пор Лумумба и Хаммаршельд стали относиться друг к другу с нескрываемой неприязнью. Лумумба считал генерального секретаря ставленником Запада, которому нельзя доверять, а тот видел в премьер-министре политического самоубийцу, лишённого здравого смысла. На прощанье Хаммаршельд сказал Канзе: «Пусть Лумумба играет с огнем, если хочет, но тогда сам он точно

¹⁸⁶ New York Times. 23.07.1960.

¹⁸⁷ Miller R. Op. cit. P. 276.

¹⁸⁸ Merriam A. Op. cit. P. 226.

¹⁸⁹ АВП РФ. Ф. 590. Он. 3. П. 1. Д. 5. Л. 2–3. Посол СССР в США М. А. Меньшиков. Запись беседы с послом Ганы Халом, 1 августа 1960 г. Детуайлер оказался мошенником, и Лумумба объявил соглашение недействительным. В Вашингтоне Лумумба встретился с президентом Международного банка реконструкции и развития Юджином Блэком. Сопровождавший Лумумбу посол Ганы в США Уильям Халм сообщил послу СССР в США М. А. Меньшикову следующее: «Лумумба думал, что Детуайлер действует от имени Международного банка. <...> В беседе с Блэком выяснилось, что Детуайлер не имеет никакого отношения к этому банку, более того, Лумумбе дали понять, что Детуайлер никого не представляет и даже является не совсем нормальным человеком». (Там же. Л. 5.)

¹⁹⁰ Urquhart B. Hammarskjöld. New York, 1972. P. 407.

¹⁹¹ Kama T. Op. cit. P. 238.

сгорит»¹⁹². Впоследствии генеральный секретарь неоднократно бывал в Конго, но ни разу с Лумумбой не встретился, ограничив общение с ним перепиской при крайней необходимости.

Не принесли позитивных для Лумумбы результатов и его переговоры с руководством США. Президент Эйзенхауэр передал через американского представителя в ООН, что не сможет принять конголезского премьера, т. к. во время его визита будет находиться вне Вашингтона. В беседе с госсекретарем Кристианом Гертером и его заместителем Дугласом Диллоном Лумумба добивался обещания оказать давление на Бельгию, чтобы заставить ее незамедлительно вывести войска из Конго, интересовался возможностью получения американской экономической помощи. Ему было заявлено, что о выводе войск имеется резолюция ООН, и в этом вопросе существует полное согласие между Госдепартаментом и Хаммаршельдом, а помощь США готовы предоставить, но только по линии ООН, не желая создавать прецедент для других стран¹⁹³.

Лумумба не нашел поддержки и у представителей в ООН многих африканских стран. Он подготовил письмо на имя Председателя Совета Безопасности. Оно, по словам представителя Гвинеи в ООН Сори Кабы, было составлено «в очень сильных выражениях» и содержало требование немедленно созвать заседание Совета для обсуждения положения в Конго. В беседе с В. В. Кузнецовым Каба рассказал, как проходило согласование письма с афро-азиатскими странами. Представители Туниса и Цейлона «резко выступили против того, чтобы Лумумба требовал немедленного созыва Совета Безопасности». Свою позицию они мотивировали отсутствием в Нью-Йорке генсека ООН. Лумумба пытался стоять на своем, но безуспешно: «Его всячески запугивали. Говорили, что нужно двигаться вперед медленно, но осторожно. Нельзя форсировать события, иначе дело может кончиться “второй Кореей”. Его также пугали возможным вводом в Конго советских войск». В результате из письма «были изъяты три существенных момента: «1. предложение о немедленном созыве Совета Безопасности, 2. предложение о направлении в Конго группы наблюдателей, 3. упоминание о том, что, если войска ООН не выполняют своей задачи, правительство Конго будет вынуждено отказаться от услуг ООН»¹⁹⁴.

Результаты визита Лумумбы оказались противоположными тем, на которые он рассчитывал. Он ехал наводить мосты с руководством ООН и США, а на деле их сжег. Для генсека ООН он стал врагом, а для деловой и политической элиты США – изгоем. По признанию Диллона, Лумумба «оставил очень плохое впечатление» как человек, с которым «невозможно иметь дело»¹⁹⁵.

Лумумба был тоже разочарован. Он окончательно убедился, что ни Запад, ни Объединенные Нации не готовы принять меры, которые он считал необходимыми для восстановления единства страны. Теперь он готов был действовать в обход ООН. Вместе с СССР. На что прозрачно намекнул в интервью вашингтонскому корреспонденту ТАСС Михаилу Сагателяну. Лумумба заявил, что Советский Союз «оказался единственной из великих держав, которая с самого начала поддержала народ Конго в его борьбе». Он передал «огромную благодарность» советскому народу и «лично премьеру Никите Хрущеву» за «своевременную и большую моральную поддержку» и помощь продовольствием¹⁹⁶.

¹⁹² Ibid. P. 243.

¹⁹³ *FRUS*, 1958–1960. Vol. XIV. P. 358–365.

¹⁹⁴ АВП РФ. Ф. 0590. Оп. 2. П. 1. Д. 3. Л. 4, 5. Заместитель министра иностранных дел В. Кузнецов. Запись беседы с постоянным представителем Гвинейской Республики Кабой 1 августа 1960 г.

¹⁹⁵ United States Senate. Alleged Assassination Plots Involving Foreign Leaders. An Interim Report of the Select Committee to Study Governmental Operations With Respect to Intelligence Activities. Together With Additional, Supplemental, and Separate Views. Washington, 1975. P. 53. Далее: Senate Intelligence Committee Report.

¹⁹⁶ Правда. 30.07.1961.

Ахиллесова пята Лумумбы

Советские должностные лица, в отличие от американских коллег, отнеслись к позиции конголезского премьера с пониманием. В Америке Лумумба встретился с первым заместителем министра иностранных дел В. В. Кузнецовым (24 и 30 июля) и с послом в Канаде А. О. Арутюняном (29 июля)¹⁹⁷. В меморандуме ЦРУ о помощи восточного блока Конго отмечалось, что на встречах с Кузнецовым обсуждался вопрос о поставках советского оружия в Конго¹⁹⁸. У автора не было возможности ознакомиться с записями их бесед, и подтвердить или опровергнуть эту информацию он не может. Опубликованные документы дают основания предполагать, что могли быть достигнуты договоренности о поставках транспортных средств правительству Лумумбы в обход ООН. В заявлении советского правительства от 31 июля подтверждалось намерение СССР «в ближайшее время» отправить в Конго паромом 100 грузовых машин, комплект запасных частей к ним и ремонтную мастерскую «в сопровождении инструкторов», послать туда группу врачей и медицинского персонала, а также медикаменты и необходимое медицинское оборудование. Если раньше грузовики предназначались для войск ООН, то теперь говорилось, что они, как и советские самолеты, будут использоваться для доставки грузов «в целях оказания помощи конголезскому народу и правительству в их справедливой борьбе против империалистической агрессии»¹⁹⁹.

Это создавало реальную угрозу всей конголезской стратегии администрации США, считавшей, что «опора на ООН в деле восстановления Конго является лучшей гарантией против советской помощи, за которой неминуемо последуют подрывные действия»²⁰⁰. 1 августа Госдепартамент ответил резким заявлением: «Советские лидеры должны отдавать себе отчет, что подобные публичные заявления могут только добавить проблем тем, кто на деле и всерьез пытается восстановить мир и порядок в Конго»²⁰¹. 6 августа Госдепартамент разослал циркуляр, обязавший американских дипломатов разъяснить дружественным правительствам американскую позицию о помощи Конго исключительно через ООН. Аргументация была следующей: «Если США окажут прямую помощь, то Советский Союз и другие коммунистические страны сделают то же самое. Восстановление Конго превратится в противостояние в духе холодной войны, что не пойдет на пользу ни Конго, ни Африке, ни всему свободному миру»²⁰².

Холодная война докатилась до «сердца Африки» и избежать ее там было невозможно, пока оставалась неразрешенной проблема Катанги, эта ахиллесова пята Лумумбы. Мятежная провинция быстро обзавелась атрибутами независимого государства. Провинциальное собрание стало именоваться национальным, депутаты конголезского парламента от Катанги и члены центрального правительства от партии КОНАКАТ были отозваны в Элизабетвиль. Вступила в силу разработанная бельгийцами конституция, которая наделяла всей исполнительной власти президента (им стал Чомбе) и назначенное им правительство. Появился свой флаг и гимн, началась чеканка катангских монет. В Элизабетвиле продавались отпечатанные в Брюсселе карты «Государства Катанга». Налоги, которыми облагались иностранные компании, стали целиком поступать в местную казну. Прибывший в Катангу

¹⁹⁷ АВП РФ. Ф. 0590. Оп. 2. П. 1. Д. 3. Л. 4, 5. Заместитель министра иностранных дел В. Кузнецов. Запись беседы с постоянным представителем Гвинейской Республики Кабой 1 августа 1960 г.; *Kata* T. Op. cit. P. 237.

¹⁹⁸ Intelligence Directorate. Sino-Soviet Bloc Aid to the Republic of Congo, 9 September 1960 // CWIHP Conference Reader...

¹⁹⁹ СССР и страны Африки. Т. I. С. 577.

²⁰⁰ Analytical Chronology. P. 18 // C WHIP Conference Reader...

²⁰¹ Цит. по: *Merriam A.* Op. cit. P. 233.

²⁰² Analytical Chronology. P. 30–31.

командующий КНА В. Лундула, назначенец Лумумбы, был задержан и выслан из провинции. Чомбе назначил руководителем силовых структур – частей «Форс публик», жандармерии и полиции – майора Гая Вебера, командира отряда бельгийских парашютистов, высадившегося в Катанге 10 июля. Он очистил их от «враждебных элементов», т. е. от лиц, замеченных в нелояльности Чомбе, оставил на командных должностях бельгийских офицеров. Жандармерия, полиция и лояльные вожди получили оружие и боеприпасы из армейских арсеналов²⁰³.

Катангское радио каждые 15 минут прерывало передачи и передавало на французском и английском языках: «Здесь Элизабетвиль – столица независимого государства Катанга. Здесь президент Чомбе. Всегда в борьбе против коммунизма»²⁰⁴.

Прибывший в Леопольдвиль 28 июля Хаммаршельд оказался между двух огней. Центральное правительство настаивало на скорейшем проведении военной операции против Чомбе силами ООН. Подчас это делалось довольно бесцеремонным образом. 31 июля на приеме, устроенном в честь генсека ООН, вице-премьер Антуан Гизенга (Лумумба находился за границей) неожиданно остановил игру оркестра и разразился пространной речью, в которой обвинил ООН в тайном сговоре с бельгийскими агрессорами и призвал очистить от них всю страну, включая Катангу. Сконфуженные гости с бокалами в руках вынуждены были слушать это²⁰⁵.

Противная сторона тоже действовала напористо. 31 июля король Бодуэн направил генсеку ООН послание, в котором объяснил вооруженное вмешательство Бельгии необходимостью защитить европейцев и выразил опасение, что вывод войск из Катанги дестабилизирует положение в «этом островке спокойствия и стабильности среди всеобщего хаоса»²⁰⁶. Моиз Чомбе был менее дипломатичен. Он заявил, что никогда не согласится со вводом войск ООН в Катангу: «Они нам не нужны, мы не хотим, чтобы они были здесь. Если они высадятся в Катанге, то получают вооруженный отпор»²⁰⁷.

²⁰³ *Gerard-Liboi* / . Op. cit. P. 97–106, 114. *Colvin I.* Op. cit. P. 21–22; *Hoskyns C.* Op. cit. P. 142–144; UKNA. FO 371/146639. British Embassy in Leopoldville – Foreign Office, August 13, 1960.

²⁰⁴ Колесниченко Г. Конго борется – колонизаторы маневрируют // Правда. 15.09.1961.

²⁰⁵ *Urquhart B.* *Hammar skjold*. P. 412.

²⁰⁶ *Ibid.* P. 414.

²⁰⁷ *Miller R.* Op. cit. P. 279.

Карикатура из газеты «Правда»

Прибывшему 5 августа в Элизабетвиль Ральфу Банчу Чомбе подготовил эффектную встречу. Едва он спустился с трапа самолета, новоиспеченный президент заявил, что в провинции объявлена мобилизация и возводятся укрепления, состоящие из «трех неприступных линий обороны». Позаботился Чомбе и о соответствующем зрительном ряде: «бульдозеры, джипы и емкости с авиационным топливом на взлетно-посадочной полосе», которые должны были помешать посадке самолетов с войсками ООН. Бельгийские офицеры в аэропорту, выкрикивавшие «Долой Хаммаршельда!», «Долой американцев!», воины, вооруженные луками и стрелами, колючая проволока вдоль дороги, по которой ехал глава администрации ООН в Конго²⁰⁸.

На фоне реального соотношения сил между войсками ООН и катангскими военными и полувоенными формированиями угрозы Чомбе были чистым блефом. В частных беседах офицеры подразделений ООН говорили, что покончить с отделением Катанги можно за сутки²⁰⁹. Такой исход был бы триумфом Лумумбы и значительно укрепил бы его позиции, что Запад и Хаммаршельда явно не устраивало. Банч рекомендовал генсеку не вводить войска ООН в Катангу, где они могут встретить «фанатичное сопротивление». Хаммаршельд не усомнился в обоснованности рекомендаций своего заместителя, отменил операцию и возвратился в Нью-Йорк²¹⁰.

Реакция СССР последовала на следующий день. В заявлении советского правительства от 6 августа впервые прозвучала резкая критика в адрес командования войск ООН: «Вместо того чтобы оказывать помощь законному правительству Республики Конго и по согласованию с ним принимать меры по пресечению агрессии, войска ООН используются сплошь и рядом не по своему назначению. Они направляются упомянутым командованием в те провинции и города, которые ведут борьбу против бельгийских агрессоров и находятся под контролем законного правительства Конго. Имеются сообщения о том, что вместо того, чтобы обеспечить скорейшее удаление войск бельгийских интервентов с территории Республики Конго, войска ООН, выполняя указания командования, разоружают конголезские национальные вооруженные силы и даже вступают в столкновения с ними». Советский Союз предлагал «заменить это командование и назначить новое, которое будет честно и неуклонно выполнять возложенные на него решением Совета Безопасности обязанности»²¹¹.

Позицию СССР поддержали лидеры Ганы и Гвинеи. Кваме Нкрума, ранее неоднократно выражавший готовность оказать правительству Лумумбы «любую помощь», заявил, что «ни Гана, ни какое-либо другое независимое государство, как я полагаю, не потерпит возникновения в центре Африки марионеточного государства, поддерживаемого бельгийскими войсками и предназначенного для удовлетворения нужд какой-то международной горнопромышленной компании». Секу Туре «предложил свои войска для обеспечения безоговорочного выполнения решений Совета Безопасности»²¹².

Гизенга в радиообращении к конголезскому народу 6 августа обвинил Хаммаршельда и Банча в пособничестве Чомбе и потребовал немедленной отправки войск ООН в Катангу²¹³.

6 августа Нкрума «сообщил временному поверенному в делах СССР в Аккре, что правительство Ганы намерено в вопросе о Конго действовать решительно вплоть до обра-

²⁰⁸ Analytical Chronology. P. 22; Hoskyns C. Op. cit. P. 162–163.

²⁰⁹ Маевский В. Вступительная статья // О'Брайен К. Ук. соч. С. 9.

²¹⁰ Kata T. Op. cit. P. 250–251.

²¹¹ СССР и страны Африки. Т. I. С. 590, 592.

²¹² S/PV.885. Совет Безопасности. Официальные отчеты. 885-е заседание 8 августа 1960 года. П.101.

²¹³ Urquhart B. Hammarskjold. P. 420.

зования совместного с конголезским правительством командования для ведения военных действий против бельгийцев в Конго». Президент прямо спросил, «в случае, если начнутся военные действия, может ли он рассчитывать на такую помощь СССР, которая бы не вовлекла СССР в открытый конфликт с великими державами»²¹⁴. Дипломат телеграммой проинформировал Москву о просьбе.

8 августа Лумумба прибыл с государственным визитом в Аккру. В опубликованном коммюнике главы правительств Конго и Ганы заявили о готовности создать Объединенное Африканское командование, если ООН не обеспечит полный и безоговорочный вывод бельгийских войск из Конго. Они подписали секретный договор о фактическом объединении Ганы и Конго. Предусматривалось, в частности, создание совместного федерального правительства, в ведении которого находилась внешняя политика, оборона, выпуск общей валюты, экономическое планирование²¹⁵.

В тот же день, выступая в парламенте, ганский президент заявил, что «если Объединенные Нации окажутся не в состоянии выполнить резолюцию Совета Безопасности, Гана будет сотрудничать с вооруженными силами других независимых африканских государств в выдворении бельгийских агрессоров с африканской земли»²¹⁶. Нкрума объявил всеобщую мобилизацию мужского населения Ганы и начал набор добровольцев для участия в боевых действиях против бельгийцев в Конго. 11 августа Хрущев проинформировал его, что СССР готов оказать «правительству Ганы возможную помощь, в частности, путём поставки <... > оружия»²¹⁷.

Когда Нкрума получил этот обнадеживающий ответ, он твердо знал, что никаких ганских добровольцев в Конго не будет. После визита в Аккру Лумумбы туда направился британский генерал Генри Александер, начальник штаба вооруженных сил Ганы, находившийся в Конго по указанию Нкрумы. Генерал быстро убедил президента ничего не предпринимать в Конго в обход ООН.

В мемуарах Александер довольно скуп и фрагментарно описывает свою миссию в Конго. Он называет себя «солдатом, которого впутали в конголезский кризис»²¹⁸. Судя по британским архивным документам, Александер поскромничал. Его роль была не только и не столько военной, сколько политической. В секретном докладе в Министерство обороны Великобритании и Форин Офис он так формулировал свою задачу: «добиться, чтобы президент Нкрума действовал в рамках ООН». Всякий раз, когда Нкрума заявлял о намерении проводить собственную линию или проявлял опасные, как считал Александер, инициативы вроде всеобщей мобилизации в Гане, он летел из Леопольдвилья в Аккру, где «старался вернуть президента на путь истинный»²¹⁹.

Или посылал Нкруме депеши. Копии шли в Лондон, и по ним можно судить, какие аргументы использовались. Генерал играл на тщеславии Нкрумы и пугал его коммунистической угрозой. «Линия Ганы в Конго, – писал Александер 17 августа 1960, – должна способствовать успеху Объединенных Наций даже ценой краткосрочных политических издержек. Если Объединенные Нации при поддержке Ганы преуспеют в Конго, лично Вы, господин президент, войдете в историю как государственный деятель. Если ООН достигнет своих

²¹⁴ Министр иностранных дел СССР А. А. Громыко – ЦК КПСС. О возможности советской помощи Гане в связи с событиями в Конго, 9 августа 1960 г. // Россия и Африка. Т. II. С. 196.

²¹⁵ *Nkrumah K.* Op. cit. P. 30–31; *Adamafio T.* By Nkrumah's Side. The Labor and the Wounds. Accra, 1982. P. 95–96.

²¹⁶ *Nkrumah K.* Op. cit. P. 29.

²¹⁷ МИД СССР – ЦК КПСС. Проект указаний временному поверенному в делах СССР в Гане, 9 августа 1960 г. // Россия и Африка. Т. II. С. 197.

²¹⁸ *Alexander H.* African Tightrope. My Two Years as Nkrumah's Chief of Staff. New York, 1966. P. 45, 42.

²¹⁹ UKNA. FO 371/146644. Report on Congo Dictated by General H. T. Alexander, DSO, OBE, to GSO II War Office (MO3), 13 September 1960. R 2.

целей в Конго без поддержки Ганы или потерпит неудачу, что откроет двери вмешательству России, Гана ничего не выиграет». И резюме о последствиях действий в обход ООН: «Ваша репутация пострадает, Ваша армия развалится, Ваша страна станет банкротом, и в долгосрочной перспективе Гана неминуемо станет коммунистической»²²⁰.

Это было ясным посланием от руководства Великобритании, чьим посредником в отношениях с Нкрумой фактически был Александер. Ганский президент всегда следовал советам генерала, в Конго у него было две дипломатии. Публичная – антизападная риторика и призывы к африканизации урегулирования кризиса. И тайная – поддержка действий ООН в Конго или молчаливое согласие с ними.

На проходившем 8–9 августа заседании Совета Безопасности Хаммаршельд заявил, что Чомбе и власти Катанги неожиданно оказали «организованное военное сопротивление» вводу войск ООН в провинцию и потребовал полномочий Совета на применение силы²²¹. Если принимать эти слова «всерьез», заметил В. В. Кузнецов, «то создается несколько странное положение, а именно: вопрос о вводе войск в Катангу решает, оказывается, не Центральное правительство Конго совместно с Генеральным Секретарем Организации Объединенных Наций, а бельгийский агрессор через свою марионетку. Однако никто не сомневается в том, что Чомбе – это подставная фигура, находящаяся на содержании иностранных оккупантов и не признаваемая правительством Республики Конго, и что эта фигура никак не может рассматриваться в качестве какой-то стороны при решении этого вопроса»²²². «Представитель Советского Союза, – парировал Хаммаршельд, – выразил искреннее желание помочь конголезскому народу. Такое желание разделяется, конечно, всеми, а меня оно вдохновляет в моей деятельности. Я лично не верю, что мы помогаем конголезскому народу действиями, в результате которых африканцы убивают африканцев, а конголезцы – конголезцев, и этим принципом я буду руководствоваться в будущем»²²³.

9 августа 9 голосами (советский представитель голосовал за) при 2 воздержавшихся была принята резолюция, внесенная Тунисом и Цейлоном. Совет подтвердил «полномочия, предоставленные генеральному секретарю на основании резолюций Совета Безопасности от 14 июля и 22 июля 1960 г.» и заявил, что «вступление вооруженных сил Организации Объединенных Наций в провинцию Катанга необходимо для полного осуществления настоящей резолюции». В четвертом пункте делалась принципиально важная оговорка о том, что войска ООН «не будут участвовать в каком бы то ни было внутреннем конфликте, конституционного или иного характера», и «не будут использованы для оказания влияния на его исход»²²⁴. Кузнецов не настаивал на голосовании советского проекта резолюции²²⁵.

Резолюция гарантировала режиму Чомбе неприкосновенность со стороны войск ООН, поскольку при желании отделение Катанги можно было интерпретировать как «внутренний конфликт». Чомбе без промедления воспользовался благоприятной для него ситуацией. 9 августа он заявил, что согласится на введение в Катангу войск ООН, если будут выполнены десять условий, которые фактически превращали войска ООН в гаранта сохранения власти сепаратистов²²⁶.

12 августа во время перелета из Нью-Йорка в Элизабетвиль Хаммаршельд подготовил меморандум, разъяснявший четвертый пункт резолюции Совбеза. Трактровка генсека не

²²⁰ UKNA. FO 371/146644. Major-General Chief of Defense Staff H. T. Alexander – Osagyefo Dr. Kwame Nkrumah. Situation in Congo Particularly from the Military Standpoint, 17 August 1960.

²²¹ S/PV.884. Совет Безопасности. Официальные отчеты. 884-е заседание 8 августа 1960 года. П. 12.

²²² S/PV.885. П. 97.

²²³ Там же. П. 129.

²²⁴ S/4426.

²²⁵ S/PV.886. Совет Безопасности. Официальные отчеты. 886-е заседание 8/9 августа 1960 года. П. 283.

²²⁶ Лесиовский В. М. Ук. соч. С. 141.

оставляла сомнений, что ввод войск ООН не приведет к установлению федерального контроля над провинцией. Силы ООН не могли использоваться, например, для «подчинения провинциального правительства или принуждения его силой к каким-либо действиям»²²⁷.

Прилетев в столицу Катанги в сопровождении двух шведских рот из контингента ООН, Хаммаршельд вручил Чомбе меморандум. Генеральный секретарь встретился с командующим бельгийскими войсками в Конго, договорился о графике их вывода из Катанги. Через неделю он начался, и части ООН стали занимать позиции в крупнейших населенных пунктах провинции²²⁸.

Хаммаршельд считал это дипломатической победой, своим личным триумфом. Лумумба негодовал. Генсек ООН заключил соглашение с лидером сепаратистов, проигнорировав главу центрального правительства. Лумумба опасался, что многочисленный аппарат ООН в Конго может стать аналогом бельгийской колониальной администрации, создаст угрозу национальному суверенитету. 13 августа он заявил, что «шведы – это замаскированные бельгийцы» и потребовал, чтобы все белые контингенты войск ООН покинули Конго²²⁹. Лумумба отверг предложение Хаммаршельда о встрече в Леопольдвиле и 15 августа направил ему несколько резких писем. В одном из них говорилось, что «правительство и народ Конго потеряли доверие к генеральному секретарю Организации Объединенных Наций»²³⁰.

Четвертый пункт резолюции Совета Безопасности вдохновил не только Чомбе. 9 августа была провозглашена независимость «Горнорудной Республики» Южное Касаи. Главой самопровозглашенного государства стал Альбер Калонжи. Агроном по образованию, он начал политическую карьеру в НДК Лумумбы. Летом 1959 Калонжи и несколько других членов национального комитета НДК опубликовали коммюнике, где обвинили Лумумбу в «диктаторских действиях» и заявили о создании собственной партии. Ее председателем был избран Калонжи. Партия получила название Национальное движение Конго-Калонжи (НДК-К)²³¹.

Появление еще одного очага сепаратизма существенно осложняло положение центрального правительства. Провинция Касаи с северо-запада примыкала к Катанге и являлась буфером-прикрытием для режима Чомбе. Доходы от экспорта промышленных алмазов из Касаи после отделения Катанги оставались последней существенной статьей пополнения федерального бюджета. Новое «суверенное государство» получило финансовую и военную помощь от Бельгии, горнорудной транснациональной компании «Форминьер» и Катанги. Калонжи и Чомбе заключили соглашение «о конфедерации, совместной обороне, создании единой таможенной службы и экономического союза»²³².

Совместная попытка советской и конголезской дипломатии использовать силы ООН для подавления катангского сепаратизма потерпела неудачу. На заседании Совбеза 21 августа А. Гизенга выступил с инициативой создать группу, представляющую нейтральные государства Азии и Африки, которая должна помогать генсеку «в исполнении его тяжелых и трудных обязанностей в Республике Конго». Советская делегация ее поддержала и внесла проект резолюции, где предлагалось «учредить группу в составе представителей государств», чьи войска находились в Конго. «Действуя вместе с генеральным секретарем ООН», она должна была гарантировать «безотлагательное проведение в жизнь решений Совета Безопасности, в том числе о выводе бельгийских войск с территории Конго и обеспе-

²²⁷ Miller R. Op. cit. P. 284.

²²⁸ Hoskyns C. Op. cit. P. 171; Simon C. Dag Hammarskjöld. New York, 1967. P. 146.

²²⁹ Urquhart B. Hammarskjöld. P. 429.

²³⁰ Kama T. Op. cit. P. 262–263; СССР и страны Африки. Т. I. С. 707.

²³¹ АВП РФ. Ф. 590. Оп. 3. П. 3. Д. 22. Л. 14. Посольство СССР в Бельгии. Характеристика на Аль-бера Калонжи, председателя партии НДК – крыло Калонжи, 4 мая 1960 г.

²³² Винокуров Ю. Н., Орлова А. С., Субботин В. А. Ук. соч. С. 207.

чении территориальной целостности и политической независимости Конго»²³³. Развернувшаяся дискуссия показала, что на принятие проекта надежд нет, и советская делегация не настаивала на его голосовании. Никакого решения на заседании Совета принято не было²³⁴.

Хаммаршельд согласился, правда, руководствуясь совсем другими целями, создать Консультативный комитет по делам Конго, куда вошли представители стран, чьи войска участвовали в операции ООН. Его заседания (первое состоялось 24 августа) проходили регулярно и в обстановке секретности. Для прессы предназначались только согласованные коммюнике. Обсуждавшиеся вопросы на голосование не ставились. В конце каждого заседания генсек ООН как председатель Комитета коротко подводил итоги, и несогласные имели право выразить особое мнение.

По мнению Брайана Уркварта, заседания Комитета давали прекрасную возможность «для консультаций, обмена мнениями и обеспечения поддержки операции ООН в Конго»²³⁵. В частных беседах часто высказывалось мнение, что Комитет – это говорильня, декоративный орган. Представитель генсека ООН в Конго (сентябрь 1960 г. – май 1961 г.) Раджешвар Дайял заявил советскому дипломату, что «Комитет большую часть времени проводит в бесполезных спорах и не оказывает никакого влияния на решения и деятельность Хаммаршельда». Само существование этого органа «доказывает неэффективность попыток решить что-либо в Конго путем коллективных действий самих афро-азиатских стран, причем, прежде всего, потому, что эти страны по многим вопросам не могут договориться между собой»²³⁶. Сам Хаммаршельд говорил представителю Великобритании в ООН Патрику Дину, что Комитет «долго обсуждает вопросы», и ему трудно принимать конкретные решения²³⁷.

Лумумба оказался в трудном положении, когда страна разваливалась, а войска ООН не трогали сепаратистов, но «продолжали оставаться в Конго, превратившись в мишень для нападков премьер-министра, который сам их пригласил»²³⁸. Теперь у него был только один выход – подавить сепаратизм и навести порядок в стране собственными силами при помощи стран Восточного блока.

²³³ S/4453. Подробно см.: S/PV.888. Совет Безопасности. Официальные отчеты. 888-е заседание 21 августа 1960 года.

²³⁴ S/PV.889. Совет Безопасности. Официальные отчеты. 889-е заседание 21/22 августа 1960 года.

²³⁵ *JJrquhart B. Hammarskjold*. P. 437.

²³⁶ АВП РФ. Ф. 590. Оп. 3. П. 1. Д. 6. Л. 144. Советник Представительства СССР при ООН А. Нестеренко. Запись беседы с Особым представителем Генерального секретаря ООН в Конго Дайялом от 10 ноября 1960 г.

²³⁷ UKNA. FO 371/146648. United Kingdom Mission to the United Nations – Foreign Office. Congo. October 22, 1960. P. 1

²³⁸ О'Брайен К. Ук. соч. С. 144.

Советская помощь правительству Лумумбы

Итоги визита Лумумбы в США удивили Хрущева. Не мог он постичь, почему Лумумба, «типичный представитель мелкой буржуазии, оказавшийся на гребне революционных событий», вернулся домой несолоно хлебавши. Почему высшие должностные лица не удостоили его аудиенции, а просьбы о предоставлении всесторонней помощи повисли в воздухе? Спичрайтер Хрущева О. А. Гриневский так описывает реакцию советских руководителей: «Почему? – кричал Хрущев. – Объясните мне почему? Что, американцы совсем сдурели? С жиру бесятся? – И стучал огромным кулаком по столу». Председатель КГБ А. Н. Шелепин «энергично рубил воздух рукой: “Непременно разберемся, Никита Сергеевич, дадим указание нашим резидентурам...”». Министр иностранных дел А. А. Громыко «глубокомысленно говорил о двойственном характере национально-освободительного движения, которое вызывает настороженность у Соединенных Штатов». Секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев «со своими партийными идеологами совсем запутались» и «объявили, что дряхлеющий американский империализм уже просто не способен ориентироваться в тонких политических процессах, загнивает». Просьбы Лумумбы о помощи нашли в Москве «горячую поддержку»²³⁹.

6 августа в Леопольдвиль прибыл первый посол СССР в Конго М. Д. Яковлев, занимавший до этого назначения посты Председателя Совета Министров и министра иностранных дел РСФСР. Помимо верительных грамот он вручил П. Лумумбе личное послание Н. С. Хрущева. Положение в Конго советский лидер сравнил с первыми годами «существования нашего государства, которое сразу же после взятия власти народом в свои руки подверглось иностранному нашествию со стороны империалистических держав». Он выразил уверенность, что «конголезский народ с честью выдержит выпавшие на его долю испытания и выйдет победителем в его справедливой борьбе за изгнание иностранных интервентов из своей страны, за сохранение территориальной целостности и политического единства Республики Конго, за свою свободу и независимое развитие». В послании подтверждалась готовность выполнить свои обязательства по оказанию экономической помощи Конго²⁴⁰.

10 августа в порту Матади пришвартовался советский пароход «Лениногорск», доставивший 10 тыс. т продовольственной помощи – «одну тыс. тонн сахара, 300 тыс. банок молочных консервов, остальное – пшеница». Сахар и консервы пришли к стати, в Конго начинался голод, а с пшеницей возникли проблемы. 16 августа Яковлев сообщил в Москву, что «конголезские власти приняли все продукты, включая пшеницу». Однако «ввиду невозможности организовать помол пшеницы в Конго» правительство обратилось с просьбой доставить пшеницу «для помола или для продажи в порт Дакар»²⁴¹. Посол умолчал о том, что пшеницу невозможно было выгрузить в Матади, поскольку она была загружена насыпью, а не в таре. В Конго не было оборудования для помола зерна: пшеничный хлеб не был там «народной едой», он входил в рацион европейцев и немногочисленных состоятельных конголезцев-горожан и выпекался из привозной муки.

Президиум ЦК КПСС 17 августа принял постановление о доставке пшеницы в Дакар на «Лениногорске» «за счет резервного фонда Совета Министров СССР». Через 10 дней, когда судно было на подходе к сенегальской столице, Яковлев сообщил, что из-за событий «в Федерации Мали»²⁴², советская пшеница может попасть в руки французской марионетки

²³⁹ Гриневский О. Тысяча и один день Никиты Сергеевича. М., 1998. С. 335.

²⁴⁰ Россия и Африка. Т. II. С. 243, 244.

²⁴¹ Там же. С. 251.

²⁴² Федерация Мали была образована в 1959 г. в составе Суданской Республики (бывшего Французского Судана, ныне

Сенгора, и неизвестно, получит ли что-нибудь за нее правительство Конго, т. к. контракт на продажу пшеницы не подписан». Министерство внешней торговли дало указание капитану не заходить в порт Дакар. Больше двух недель о судьбе злополучного груза велись переговоры с представителями Марокко, Туниса и Гвинеи. Наконец, его согласились принять марокканцы, и 16 сентября, разгрузившись в Касабланке, «Лениногорск» взял курс к родным берегам²⁴³.

Девлин расценил этот случай как одну из непреднамеренных ошибок, которые подрывали «образ Советского Союза как страны, которая оказывает бескорыстную помощь угнетенным народам Африки»²⁴⁴. Судя по разговорам с конголезцами корреспондента «Известий» Н. П. Хохлова, Девлин был неправ. «Пароходы всегда увозили наше богатство, – сказал журналисту моторист в порту Матади, – не оставляя нам за это ни одного франка. А ваши суда привезли в Матади бесплатный груз нашему народу. Никогда не случалось такое... Нас все грабили, но нам еще никто ничего не давал. Мы не знали, что такое дар другого государства»²⁴⁵.

Девлин с помощью своего агента в аэропорту Нджили вел учет всех советских граждан, прилетавших в Конго. «Советскими специалистами» считались все белые люди, сошедшие на конголезскую землю из советских самолетов. Таких, по подсчетам усердного агента, в июле – августе 1960 оказалось «несколько сотен». Девлин полагал, что многие из них, «если не большинство, были офицерами разведки»²⁴⁶. Судя по воспоминаниям одного из руководителей советской внешней разведки, штат КГБ в Конго был весьма немногочисленным: «С опасностью для жизни в охваченном пожаром войны Конго Леонид Гаврилович Подгорнов, Георгий Арсеньевич Федяшин и Олег Иванович Нажесткин собирали информацию, устанавливали нужные контакты»²⁴⁷. Нажесткин был резидентом, он и Подгорнов работали под дипломатическим прикрытием, Федяшин – под журналистским (корреспондент ТАСС). На инструктаже в Москве начальник Нажесткина так обозначил «первоочередные задачи нашей резидентуры»: «Правительство СССР нуждается в информации о планах и замыслах западных держав в отношении Конго. Нам также нужны сведения о конголезских политических партиях и лидерах, их позиции, внешнеполитической ориентации»²⁴⁸.

Разведчики отправились в Конго с первой группой сотрудников советского посольства. Отъезд готовился в спешке: торопили ЦК КПСС и МИД. «Наш самолет уже готовился к полету, – вспоминает Нажесткин, – а некоторые сотрудники еще не имели дипломатических паспортов. Наконец запыхавшийся курьер консульского отдела МИД вручил нам новенькие документы, и наша одиссея началась»²⁴⁹.

Первые недели посольство размещалось в отеле. Это было неудобно, да и радиостанция КГБ работать там не могла. Быстро найти здание для посольства не получилось из-за бюрократии аппарата МИД: «Москва поучала нас, что покупка дома выгоднее аренды, что нам следует внимательно изучить рынок недвижимости, вести длительные переговоры, добиваться снижения цены и т. д. Все это было по-чиновничьи верно, но никак не соответ-

Республики Мали) и Сенегала. 20 июня была провозглашена независимость Федерации от Франции, носившая во многом номинальный характер. 20 августа 1960 г. Федерация Мали распалась из-за разногласий между лидерами Мали и Сенегала по ключевым вопросам внутренней и внешней политики, прежде всего по отношению к бывшей метрополии. (См.: Мазов С. В. Ук. соч. С. 122–131.)

²⁴³ Россия и Африка. Т. II. С. 251–252.

²⁴⁴ Devlin L. Op. cit. P. 25.

²⁴⁵ Хохлов Н. Бурлящее Конго. М., 1961. С. 60–61.

²⁴⁶ Devlin L. Op. cit. P. 23–24.

²⁴⁷ Кирпиченко В. А. Из архива разведчика. М., 1993. С. 87.

²⁴⁸ Нажесткин О. И. Годы конголезского кризиса (1960–1963 гг.). Записки разведчика // Новая и новейшая история. 2003. № 6. С. 155.

²⁴⁹ Там же.

ствовало ситуации: наше посольство прибыло в страну, охваченную кризисом, где начиналась гражданская война, шла иностранная интервенция. Прочтя очередную “умную” депешу МИД, посол Яковлев сказал в сердцах несколько отнюдь не дипломатических фраз и решительно сел писать телеграмму, адресованную лично Первому Секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву. Ответ из Москвы пришел на следующее утро: нам разрешалось решить “квартирный вопрос” на месте по нашему усмотрению»²⁵⁰. Посольство разместилось в арендованной у итальянца двухэтажной вилле в центре Леопольдвилья.

22 августа в порту Матади пришвартовался советский теплоход «Архангельск», который доставил 100 грузовиков «ГАЗ-63» с механиками-инструкторами, запчастями и автомобильной мастерской²⁵¹. Был пополнен парк советских гражданских самолетов, находившихся в распоряжении Лумумбы. Один «ИЛ-14» был «передан 11 августа в качестве дара» премьер-министру. 28 августа из Москвы в Стэнливилль вылетели 10 «ИЛ-14», выделенные правительству Конго «на срок до одного года»²⁵². Находясь в США, Лумумба в принципе договорился с Кузнецовым об использовании советских транспортных средств в военной операции против сепаратистов, а позднее обсудил детали с послом СССР в Конго М. Д. Яковлевым²⁵³.

Теперь нужна была санкция Хрущева. Советский лидер оказался перед трудной дилеммой. В схватке за Конго наступил решающий момент. Военный разгром режимов Чомбе и Калонжи был для Лумумбы единственным шансом удержаться у власти и сохранить единство страны. Оказание военной помощи Лумумбе было чревато эскалацией кризиса, прямым вмешательством США и их союзников. Продолжение прежней линии (словесная поддержка правительства Лумумбы и оказание гуманитарной помощи) означало расписаться в неспособности СССР отвечать на вызовы холодной войны вдали от своей территории. Хрущев решил рискнуть, дав добро на использование советских грузовиков и самолетов для восстановления территориальной целостности Конго. Риск казался ему просчитанным и оправданным. Он только уравнивал шансы противоборствующих конголезских сторон и считал, что ограниченная советская помощь не вызовет прямого военного вмешательства Запада.

Действия СССР не стали неожиданностью для администрации США. В августе Госдепартамент и Комитет начальников штабов разработали три плана чрезвычайных действий. Первый предписывал, «что следует делать, если Лумумба останется у власти и попросит вывести войска ООН». Второй был «оперативным планом тайных операций, направленных на свержение Лумумбы и установление власти прозападного правительства». Третий был разработан «на случай возможного прибытия советских военных сил в Конго и также предусматривал меры по закрытию территории Конго для военных поставок без санкции ООН». Госдепартамент санкционировал отправку к западному побережью Африки военно-морской тактической группы в составе двух эсминцев, двух десантных судов с 500 морскими пехотинцами, вертолетами, оборудованием для десантирования. Планировался заход группы в «порты на всем побережье» с «дружескими визитами». Истинная цель «демонстрации флага» была вовсе не мирной – «показать Советам, по крайней мере, косвенным образом, что Соединенные Штаты готовы удалить их из Конго военными мерами»²⁵⁴.

Свои планы были у конголезского правительства. Разработанный В. Лундулой план военной операции предусматривал скрытную переброску войск на юг провинции Касаи,

²⁵⁰ Там же. С. 155–156.

²⁵¹ Правда. 23, 27.08.1960.

²⁵² Россия и Африка. Т. II. С. 246. (США использовали для поддержки войск ООН в Конго 90 самолетов и «некоторое число вертолетов» [Kalb M. Op. cit. P. 19].)

²⁵³ Kama T. Op. cit. P. 273.

²⁵⁴ Analytical Chronology P. 30, 32.

которые должны были быстро смять отряды Калонжи и выйти на границу Катанги. Там восстание против Чомбе должны были поднять балуба. Катанга, как и другие конголезские провинции, не была этнически однородной. У балуба, составлявших большинство населения северной Катанги, была собственная партия БАЛУБАКАТ (Ассоциация балуба Катанги). Она соперничала с чомбовской КОНАКАТ за политическое доминирование в Катанге. Много балуба жили в Касаи. Касайские балуба поддерживали Калонжи и его НДК-К и находились в оппозиции к правительству Лумумбы. Катангские же балуба, напротив, часто обращались за помощью в Леопольдвиль, а центральное правительство видело в них полезного союзника для борьбы с чомбовским сепаратизмом. Представители Лумумбы договорились о совместных действиях с лидером БАЛУБАКАТ Ясоном Сендве, который был против отделения Катанги, справедливо полагая, что в таком случае все руководящие посты достанутся балунда, интересы которых представлял Чомбе.

Из Матади советские грузовики были переправлены на баржах по реке Касаи в Порт-Франки, откуда своим ходом дошли до Лулуабурга, центра провинции Касаи. Силы ООН обнаружили переброску войск, когда их было уже достаточно для начала наступления. 24 августа части КНА двумя колоннами на грузовиках «ГАЗ-63» двинулись на Баквангу, которую Калонжи провозгласил столицей своей «Горнорудной Республики». Его наспех сколоченные формирования были рассеяны, сам он бежал в Элизабетвиль. 27 августа федеральные войска заняли Баквангу.

Начало операции было приурочено к открытию Всеафриканской конференции, проходившей в Леопольдвиле 25–31 августа. Там собрались министры иностранных дел 13 африканских стран и представители национально-освободительных движений. Конференция была организована по инициативе Лумумбы, он рассчитывал, что она поможет укрепить международный престиж Конго, продемонстрировать, что он лидер нации, которого поддерживает большинство конголезцев, и усилить свои позиции на переговорах с чиновниками ООН. В приветственном послании конференции Хрущев выразил уверенность, что «конференция примет действенные решения в целях срыва преступных планов империалистического заговора против независимой Республики Конго»²⁵⁵.

У входа в зал, где собрались участники форума, премьер-министра встретила толпа, которая скандировала «Долой Лумумбу». Режиссированный «гнев» массовки оплатил агент Девлина «Жак». Это была одна из первых антилумумбовских операций ЦРУ²⁵⁶. Лумумба не обратил внимания на манифестантов, прошел в зал и произнес вступительную речь. Он назвал конголезский кризис «продолжением борьбы между силами угнетения и освободительными силами», призвал африканцев объединиться для борьбы с колонизаторами и империалистами. «Наша общая судьба, – заявил он, – сейчас решается в Конго»²⁵⁷. Слова оратора тонули в антилумумбовских лозунгах, которые дружно скандировала толпа. Появилась большая группа сторонников премьера, они начали забрасывать его противников камнями. Те в долгу не остались. Толпа рассеялась только после того, как прибывшая на место полиция открыла огонь в воздух²⁵⁸.

Конференция не оправдала ожиданий Хрущева и Лумумбы. Ее участники осудили «сепаратистские и колониалистские движения, направленные на раздел Конго», но одобрили действия ООН в этой стране и призвали конголезское правительство сотрудничать с силами ООН. Только Гана, Гвинея и ОАР высказались за оказание прямой военной помощи прави-

²⁵⁵ Правда. 26.08.1961.

²⁵⁶ Devlin L. Op. cit. P. 66.

²⁵⁷ Lumumba R Speech at the opening of All-African Conference in Leopoldville. August 25, 1960. URL: <http://www.marxists.org/subject/africa/lumumba/1960/08/25.htm>.

²⁵⁸ Devlin L. Op. cit. P. 66; Kalb M. Op. cit. P. 67–68.

тельству Лумумбы в обход ООН²⁵⁹. В кулуарах представитель Туниса в Совете Безопасности Монжи Слим «долго и настойчиво пытался убедить премьер-министра Лумумбу не действовать вопреки позиции Хаммаршельда, потому что иначе его свергнут»²⁶⁰.

Слим был человеком осведомленным и наверняка знал об истинном отношении Хаммаршельда к конголезскому премьеру Глава миссии США в ООН К. Лодж сообщил в Госдепартамент 26 августа: «Генсек считает, что в Конго скоро должен наступить кризис и необходимо “сокрушить” Лумумбу»²⁶¹. 7 сентября в разговоре с сотрудником миссии Хаммаршельд признал, что он «пытается избавиться от Лумумбы, не скомпрометировав ООН и себя лично внеконституционными действиями»²⁶².

Предостережения Слима не выглядели конспирологическими фантазиями и в свете кадровых решений Хаммаршельда. Своим представителем в Конго он 1 сентября назначил Эндрю Кордые, который сменил Ральфа Банча. Лауреат Нобелевской премии мира, стихией которого была публичная политика, был не той фигурой, которая была нужна во время государственного переворота. Один из заместителей генсека, Кордые, ведавший в Секретариате ООН перепиской по Конго, был отлично осведомлен о положении дел и почти неизвестен в Леопольдвиле. На публике он появлялся редко, проводя время в длительных беседах с послом США, президентом Касаубу, офицерами контингента ООН.

30 августа 10 ИЛ-14 с конголезскими опознавательными знаками приземлились в столице Восточной провинции Стэнливиле. Каждый был укомплектован несколькими советскими экипажами, техниками, переводчиками²⁶³. 5 сентября советские самолеты начали переброску подкреплений в Баквангу. К тому времени стало очевидно, что быстрой победоносной войны в Касаи и Катанге не получилось. Прибывшие в район военных действий эмиссары ООН агитировали солдат отказаться от участия в боях, обещали выплатить задержанное жалование и дополнительное вознаграждение. В отличие от Лумумбы, они не только обещали, но и платили... из фонда помощи ООН конголезскому правительству. Разработчики операции федеральных войск не позаботились об обеспечении должной тыловой поддержки и снабжения. Испытывавшие острый недостаток продовольствия и бензина войска занялись реквизициями у населения, которые часто превращались в мародерство. Солдаты из народности бена-лулуа и примкнувшие к ним соплеменники из гражданских лиц не преминули воспользоваться случаем, чтобы отомстить балуба за погромы против бена-лулуа весной 1959 г. За балуба началась настоящая охота, специальные группы добивали раненых в больницах. Балуба были вынуждены защищаться, армия оказалась вовлеченной в многочисленные и жестокие межэтнические вооруженные столкновения²⁶⁴. Хаммаршельд оценил эти события как «начало геноцида»²⁶⁵. Когда федеральные войска вышли к границам Катанги, их боеспособность и моральный дух были подорваны.

Неблагополучно было и в тылу. После независимости Конго столкнулось с множеством труднейших проблем. Справиться с ними было под силу только опытному политику с командой сильных управленцев. Правительство же Лумумбы было фактически неработоспособным, расколото на враждующие группировки. Работа аппарата была организована из

²⁵⁹ Epstein H. (Ed). *Revolt In The Congo. A Facts on File Publication*. New York, 1965. P. 35.

²⁶⁰ Szabo L. *The Belgian Disengagement and the UN Activity in the Congo in the Eyes of the Hungarian Ministry of Foreign Affairs in 1960. Paper Proposed for the Panel 27 “Re-Visiting ‘The Winds of Change: The Role of Europe and the United Nations in the Decolonization of Africa Half a Century Ago’ of the ECAS4 in Uppsala 2011*. URL: <http://www.nai.uu.se/ecks-4/panels/21-40/panel27/Lorand-Szabo-full-paper.pdf>. P. 9.

²⁶¹ *FRUS*, 1958–1960. Vol. XIV. P. 444.

²⁶² *Ibid.* P. 465.

²⁶³ *Block Personnel in the Congo, September 9, 1960 // CWIHP Conference Reader...*

²⁶⁴ Colvin I. *Op. cit.* R 32–33; Hoskyns C. *Op. cit.* R 193–194.

²⁶⁵ Urquhart B. *Hammar skjold*. P. 438.

рук вон плохо. Это отмечали и явно симпатизировавшие Лумумбе люди. Маститый советский журналист и общественный деятель Ю. А. Жуков, в конце августа 1960 побывавший на аудиенции у Лумумбы в его резиденции, был обескуражен царящей там суетой и неразберихой. В приемной стояла толпа людей, ждавших приема. В ней были «и торговец, которому надо было получить патент на торговлю, и чиновник, хлопотавший о переводе в другой город, и учитель, добивавшийся повышения оклада». Советских гостей провели через черный ход в «скромный, по-спартански обставленный кабинет», где «стояла переносная радиостанция», и на «полке под рукой лежал автомат». Беседа «часто нарушалась телефонными звонками: премьеру звонили все, и звонили по любому поводу, он должен был ежеминутно рассматривать и решать немыслимое количество самых различных дел». Разговор еще не закончился, когда в кабинет быстрым шагом вошли военные и сообщили, что в аэропорту Нджили «высадилась группа переодетых бельгийских офицеров». Лумумба попросил советских собеседников передать «самый искренний привет и благодарность главе Советского правительства, тепло распрощался, быстрым шагом вышел на улицу, сел в “джип”, наполненный солдатами, и умчался к аэродрому». Поехал «ловить бельгийских негодяев». «Чувствовалось, – сделал вывод Жуков, – что государственный аппарат молодого государства еще не сколочен так, как это следовало бы сделать, – еще не хватает опыта, и уйма мелких забот отвлекает премьера от больших государственных дел»²⁶⁶.

Американский политолог Дэвид Эптер, несколько раз беседовавший с Лумумбой в 1960 г., назвал премьера «необработанным алмазом» и усомнился в его способности руководить такой сложной страной как Конго. Лумумба, вспоминая Эптера в 1991 г., отличался «взрывным характером», его речь «напоминала эмоциональные всплески», говорил он «лозунгами». Лумумба не вписывался в общепринятые представления о том, каким должен быть политик: был «нервозен», не мог «спокойно сидеть» и «слушать собеседника», не производил впечатления человека компетентного в стоящих перед Конго проблемах. У него, считал политолог, не было «четкого представления о том, какой должна быть его страна». Ясными и понятными были только лозунги, которые он произносил «как-то заученно, механически», так что складывалось впечатление, что перед тобой «идеолог без идеологии». Он мало задумывался над будущим, был поглощен борьбой с многочисленными врагами, в первую очередь с бельгийцами. Отдавая должное умению Лумумбы привлечь людей своим «нервическим обаянием», Эптер не мог представить его «спокойно сидящим и обдумывающим что-то другое, нежели проблемы, требующие немедленного политического реагирования»²⁶⁷.

А фундаментальных проблем было много, дела в государстве шли хуже некуда, страна быстро погружалась в хаос. Масштабы катастрофы передают первые впечатления Р. Дайяла, прибывшего в Леопольдвиль 5 сентября 1960 г.: «Управление страной было полностью парализовано, места уехавших бельгийцев оставались вакантными или были заняты их бывшими помощниками или мелкими клерками. Судебная система не работала, не было ни одного конголезца, который хотя бы приблизительно был знаком с юриспруденцией и мог работать в судах. Большинство бельгийских врачей бросило своих пациентов, и людей в больницах лечили, как могли, младший медицинский персонал и медсестры. Некоторые из них смело, но не квалифицированно проводили сложные операции. Школы, к счастью закрывшиеся на каникулы, не открылись из-за поспешного отъезда бельгийских учителей. Не работали таможни, замерли доки и верфи. Бельгийский персонал бросил на произвол судьбы контрольные башни в аэропортах, после чего воздушные перелеты стали чрезвычайно опасным

²⁶⁶ Жуков Ю. Жизнь и смерть Патриса Лумумбы // «Новый мир». 1962. № 11. URL: vivovoco.rsl.ru/VV/Papers/HISTORY/LUMUMBA.HTM.

²⁶⁷ David Apter. 27 February 1991 // United Nations Oral History Project. URL: www.s3.amazonaws.com/downloads2.unmultimedia.org/public/dhl_oral_history/transcripts/Apter27Feb91TRANS.pdf.

делом. Перевозки по рекам и железным дорогам осуществлялись от случая к случаю. Образовался серьезный дефицит товаров и услуг, поскольку многие торговые и коммунальные учреждения прекратили свою деятельность, в некоторых частях страны начался голод. <... > Электроэнергия и вода подавались с перебоями»²⁶⁸.

Для предотвращения экономического коллапса нужны были срочные жесткие меры. Лумумба осуществлять их не спешил, опасаясь за свою популярность. Вице-премьер Антуан Гизенга не скрывал недовольства популизмом главы кабинета. «Всякий раз, когда Совет министров склоняется к проведению реформ, – сетовал он в частных беседах в своем окружении, – Патрис отказывается проводить их в жизнь, потому что боится разозлить народ. Он говорит, что будет экономический саботаж. Он хочет угодить всем. С такими методами мы прямиком идем к катастрофе»²⁶⁹.

Ситуацию ловко использовали противники Лумумбы, против него велась информационная война. Леопольдвиль был наводнен антилумумбистскими листовками. Одна из них гласила: «Мясо стало дорогое. Жизнь стала дорогой».

Во всем виноват Лумумба. Он прогнал наших хозяев, финансировавших нас»²⁷⁰. На другой листовке толстый русский генерал предупреждал конголезцев: «Лумумба продаст ваших жен русским»²⁷¹. Выпуски новостей принадлежавшей АБАКО радиостанции «Голос правды», вещавшей из соседнего бывшего французского Конго, часто начинались словами: «Мы только что получили новые материалы о преступной деятельности коммунистического агента Лумумбы»²⁷².

Жуков наблюдал реакцию конголезцев на пропагандистскую печатную продукцию: «Я видел, как люди подбирали эти листовки и вертели их в руках, раздумывая, какое применение им найти: подавляющее большинство не умело читать. Иногда подзывали лавочника, или клерка, или школьника и просили прочесть. Слушали внимательно – неграмотным людям свойственно уважение к печатному слову. И сразу же разгорался жаркий спор. Чаще всего листовку рвали и начинали топтать. Но были и такие люди, которые противились этому»²⁷³.

У Лумумбы было немало противников. Он не только не наладил отношений с оппозицией, идя на разумные компромиссы, но и нажил новых влиятельных врагов в лице, например, католической церкви. Самая же большая опасность исходила от его министров. Влиятельные члены кабинета конспиративно создали т. н. группу Бинза для свержения Лумумбы. Она сформировалась в июле 1960, регулярно тайно собиралась сначала в бельгийском или тунисском посольстве, а впоследствии в военном лагере, расположенном в Бинзе, фешенебельном предместье Леопольдвилья, и стала теневым центром власти. В группу входили: Жюстен Бомбоко (министр иностранных дел), Дамьен Кондоло, глава канцелярии премьер-министра, через которого проходила вся правительственная документация, Жозеф Мобуту (начальник генерального штаба), Альберт Нделе (министр финансов), Виктор Нендака (шеф Службы безопасности), Марио Кардозо (заместитель министра образования, ушедший в отставку через неделю после назначения 30 июня 1960), сенатор и профсоюзный босс Сирилл Адула. Члены группы постоянно контактировали с Девлином,

²⁶⁸ Dayal R. Op. cit. P. 75.

²⁶⁹ Bloin A. My Country, Africa. Autobiography of the Black Pasionaria. New York, 1983. P. 263.

²⁷⁰ Володин Л. Д., Орестов О. Л. Трудные дни Конго. Политический репортаж. М., 1961. С. 114.

²⁷¹ UKNA. FO 371/146639. British Embassy in Leopoldville – Foreign Office. August 13, 1960.

²⁷² Хохлов Н. Патрис Лумумба. М., 1971. С. 211.

²⁷³ Жуков Ю. Указ. соч.

фактически он был их куратором. Костяк Бинзы составляла тройка – Бомбоко, Мобуту, Нендака²⁷⁴. Сложились все предпосылки для внутриконголезской гражданской войны.

Конго было обречено стать «горячей точкой» холодной войны в Африке южнее Сахары. С началом деколонизации эта огромная и сказочно богатая полезными ископаемыми территория в «сердце Африки» стала ареной соперничества Западного и Восточного блоков за влияние. СССР поддержал правительство левого националиста П. Лумумбы. После провозглашения независимости противоречия в конголезском обществе, сдерживаемые бельгийским колониальным режимом, вырвались наружу, и в стране воцарился хаос. Бельгия через своего ставленника Чомбе осуществила фактическое отделение от Конго наиболее богатой провинции Катанги. По просьбе Лумумбы и президента Касавубу в Конго вошли войска ООН, конголезский кризис приобрел международный характер. США были готовы к такому развитию событий и загодя приняли меры, чтобы администрация и войска ООН в Конго стали инструментом защиты интересов Запада и гарантом от «коммунистического проникновения».

В конце августа – начале сентября 1960 г. ситуация резко обострилась: Лумумба начал рискованную военную операцию против сепаратистов, его войска использовали транспортные средства, включая гражданские самолеты, поставленные Советским Союзом Конго в обход ООН. Ответный удар последовал быстро.

²⁷⁴ Devlin L. Op. cit. P. 97–99.

В поисках союзников

Лумумбе не суждено было одолеть катангских сепаратистов, стать объединителем Конго и непререкаемым лидером страны. Он был отстранен от власти политическими противниками внутри Конго при содействии западных держав, администрации и войск ООН. Чем мог ответить СССР? Прямое военное вмешательство в «сердце Африки» не имело даже теоретических шансов на успех. Советское руководство развернуло пропагандистскую кампанию против генсека ООН Хаммаршельда и за глобальную реформу этой организации. Хрущев надеялся добиться поддержки в ООН большинства афро-азиатских стран позиции СССР по Конго. Это могло стать основой для вывода контингентов афро-азиатских стран из подчинения командования войсками ООН, которое поддерживало прозападные силы в Конго, и передачу их в распоряжение правительства Лумумбы. Реальны ли были эти замыслы?

Касаубу смещает Лумумбу, Лумумба смещает Касаубу

Президент Касаубу в группу Бинза не входил, но тоже помышлял о свержении Лумумбы. Премьеру не хватило гибкости и расчетливости, чтобы сделать президента своим союзником. Хорошо знавший Лумумбу представитель Конго в ООН Т. Канза посетовал в беседе с советским дипломатом, что премьер стремился превратить Касаубу в «политическую фикцию». Лумумба, считал Канза, «несколько вырвался вперед и сделал несколько слишком резких поворотов, что обострило его разногласия с Касаубу и окончательно толкнуло последнего к Западу»²⁷⁵. Осторожный Касаубу, державшийся последние недели в тени, почувствовал, что наступило время реванша.

В начале сентября агент Жак сообщил Девлину, что Касаубу «рассматривает возможность отстранить Лумумбу от должности». ЦРУ разработало и передало президенту через посредника детальный план, описывающий «последовательные действия, которые он должен предпринять для смещения Лумумбы и после этого». Жак доложил, что Касаубу «просмотрел план, но не сказал, будет ли он им руководствоваться»²⁷⁶.

Касаубу 3 сентября проинформировал Кордые, что намерен сместить Лумумбу. Поскольку по конституции президент не имел на это права без согласия парламента, Кордые решил подстраховаться, поставив в известность Хаммаршельда. Тот дал добро. «В сложной ситуации, – говорилось в его ответной телеграмме, – ответственные лица на месте могут пойти на такие шаги, которые сам генеральный секретарь не смог бы одобрить, при этом они берут на себя риск быть дезавуированными, когда это уже не будет иметь никакого значения»²⁷⁷.

Вечером 5 сентября Касаубу выступил по радио. Часом раньше он направил к Кордые своего бельгийского советника Ж. Ван Бильсена. Тот доставил чиновнику ООН текст президентской речи и письмо, где Касаубу просил командование войск ООН обеспечить охрану его резиденции, не допустить использования радиостанции в Леопольдвиле Лумумбой и его сторонниками, закрыть столичный аэропорт для советских самолетов, которые могли бы доставить в город верные премьер-министру войска. Кордые, накануне согласовавший эти меры с американским послом Тимберлейком, дал соответствующие гарантии. «Официально, – сказал он Ван Бильсену, – я должен заявить, что вы вручили мне это послание на полчаса позже», т. е. после выступления Касаубу²⁷⁸.

Президент объявил, что в соответствии со своими конституционными полномочиями отправляет в отставку премьер-министра и назначает главой кабинета Жозефа Илео. Илео был посредственным журналистом и слабым политиком с большими личными амбициями. Он входил в руководство лумумбовской НДК и вместе с Калонжи способствовал ее расколу. Касаубу обвинил Лумумбу в разжигании «братоубийственной войны», призвал войска ООН взять на себя ответственность за поддержание «законности и порядка» в Конго. Накануне радиообращения он подписал декрет об отстранении Лумумбы и смещении с министерских постов нескольких его сторонников. Кроме президента под декретом поставили

²⁷⁵ АВП РФ. Ф. 0590. Оп. 3. П. 1. Д. 6. Л. 36. Советник Представительства СССР при ООН А. Нестеренко. Запись бесед с представителем правительства Республики Конго в ООН Канзой от 28 июля и 10 августа 1960 г.

²⁷⁶ Devlin L. Chief of Station, Congo. A Memoir of 1960-67. N.Y., 2007. P. 67.

²⁷⁷ Цит. по: Лесиовский В. М. Тайна гибели Хаммаршельда. М., 1985. С. 125–126.

²⁷⁸ Dayal R. Mission for Hammar skjold. The Congo Crisis. Princeton, 1976. P. 32–33; Kalb M. The Congo Cables: The Cold War in Africa from Eisenhower to Kennedy. New York, 1982. P. 74.

подписи от имени правительства члены АБАКО, министр иностранных дел Жюстен Бомбоко и министр-резидент в Бельгии Альбер Дельво²⁷⁹.

После речи Касавубу по радио два раза выступил Лумумба. Он «официально опроверг» заявление президента о своей отставке, назвал действия Касавубу «публичным предательством нашей нации», объявил, что тот «больше не является главой государства», и призвал «Объединенные Нации и свободный мир не вмешиваться во внутренние дела» Конго. В ночь с 5 на 6 сентября состоялось заседание Совета министров. В пять часов утра 6 сентября по радио вновь раздался голос Лумумбы. Он зачитал коммюнике правительства о решении отстранить Касавубу от должности президента, взять всю полноту власти в свои руки и срочно созвать парламент для обсуждения сложившегося положения²⁸⁰.

Кордые начал действовать по плану, согласованному с Хаммаршельдом, послом США в Конго К. Тимберлейком и Касавубу. Утром 6 сентября по его приказу силы ООН взяли под охрану резиденцию президента и заблокировали радиостанцию Леопольдвилья. В операции по захвату радиостанции был задействован ганский контингент, о чем Кордые заранее договорился с министром обороны Ганы британским генералом Александером. Это был сильный ход. Когда Лумумба в сопровождении отряда КНА прибыл к радиостанции и потребовал пропустить его, ганцы не подчинились и стали разоружать конголезских солдат. Дабы избежать кровопролития между солдатами двух дружественных африканских стран, Лумумба отдал приказ отступить. Он был лишен возможности обратиться к стране, а Касавубу имел в своем распоряжении мощную радиостанцию Браззавиля, о чем он условился с главой соседнего Конго, своим другом и единомышленником Фюльбером Юлу²⁸¹. Лумумба написал Нкруме: «Твои солдаты открыто встали на сторону врагов, которые ведут войну против нашей Республики», – и пригрозил разрывом отношений с Ганой, если ее войска не покинут радиостанцию²⁸².

Нкрума не дал внятного объяснения, почему ганские войска в Конго не поддержали его союзника и друга Лумумбу. «Действия войск в этом эпизоде, – заявил он с трибуны XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН 7 марта 1961 г., – полностью соответствовали ганской политике поддержки ООН, хотя в данном конкретном случае правительство Ганы рассматривало действия ООН как совершенно недопустимое вмешательство во внутренние дела Конго и злоупотребление полномочиями, которыми силы ООН наделил Совет Безопасности»²⁸³. Похоже на состояние когнитивного диссонанса. Ситуацию проясняет описанная выше роль генерала Александера в воздействии на Нкруму, дабы тот действовал в «рамках ООН».

«Голубые каски» заняли аэропорты, перегородив грузовиками и баррикадами взлетно-посадочные полосы. Полеты могли проходить только с санкции ООН. Подход, конечно, был избирательным. Советские «ИЛы» держали на приколе, что лишало Лумумбу возможности получить подкрепление из других провинций Конго или помощь извне. В аэропорту Леопольдвилья была запрещена посадка советского самолета из Стэнливиля, на борту которого находился сторонник Лумумбы командующий КНА Лундула. В случае неподчинения по самолету пригрозили открыть огонь. Вице-председатель сената Жозеф Окито не смог вылететь в Москву и проинформировать советское руководство о происходящих событиях. Однако из столичного аэропорта без помех отправился в турне по конголезским провинциям

²⁷⁹ Epstein H. (Ed). *Revolt In The Congo. A Facts on File Publication*. New York, 1965. P. 37.

²⁸⁰ Kama T. *The Rise and Fall of Patrice Lumumba. Conflict in the Congo*. L., 1978. P. 287–290.

²⁸¹ Dayal R. *Op. cit.* P. 38.

²⁸² Nkrumah K. *Challenge of the Congo. A Case Study of Foreign Pressures in an Independent State*. L., 1967. P. 39.

²⁸³ A/PV.961. United Nations. General Assembly. Fifteenth Session. Official Records. 961st Plenary Meeting. Tuesday, 7 March 1961. Para 68.

самолет с Илео, который пытался консолидировать противников Лумумбы вокруг фигуры Касаубу. ООН ограничилось формальным протестом по поводу доставки бельгийскими самолетами оружия и военного снаряжения войскам Чомбе в северные провинции Катанги, где, как и обещал Лумумбе Сендве, активизировались повстанцы балуба²⁸⁴.

Генсек ООН Хаммаршельд 5 сентября направил ноту представительству СССР при ООН, где подверг сомнению «правомочность» «операции советского правительства», предоставившего «непосредственно в распоряжение правительства Республики Конго» самолеты и грузовики, которые используются для переброски из Стэнливиля верных Лумумбе войск в район Бакванги²⁸⁵.

В Стэнливиле отправился высокопоставленный сотрудник ООН Брайен Уркварт с поручением остановить транспортировку войск в Касаи на советских самолетах. Прибыв в столицу Восточной провинции 5 сентября, Уркварт обнаружил, что охранявшие аэродром солдаты ООН из эфиопского контингента считают «неправильным» приказ воспрепятствовать взлету самолетов с верными Лумумбе войсками. Он объяснял это стараниями советских специалистов, которые помимо обслуживания транспортных самолетов усиленно занимались пропагандой в целях «укрепления престижа Советского Союза и подрыва престижа ООН». Большую часть следующего дня Уркварт уговаривал эфиопского командира заблокировать взлетно-посадочную полосу. Этому могли помешать ожидавшие отправки в Касаи три тысячи конголезских солдат, и ооновский чиновник не пожалел казенных средств, чтобы напоить их пивом. Пока ночью солдаты после возлияний крепко спали, полоса была перегорожена бочками с горючим²⁸⁶.

Утром 7 сентября открылось заседание Палаты представителей. На нем неожиданно появился арестованный по приказу премьера Дельво. Он объяснил, что подписал указ Касаубу об отстранении Лумумбы как гражданин и член правительства, который не мог спокойно наблюдать как «иностранные самолеты, с грузом оружия из России, садятся на нашу землю». Лумумбе пришлось посвятить значительную часть своей трехчасовой речи «вопросу о России». Он заявил, что «не является коммунистом и никогда им не будет». Его называют коммунистическим агентом, потому что он проводит самостоятельную политику и не хочет уступать империалистам. «В Африке, – сказал Лумумба, – любой, кто выступает на стороне народа и против империализма, объявляется коммунистом и агентом Москвы»²⁸⁷. 60 голосами против 19 Палата аннулировала указы об отставке премьер-министра и президента. На следующий день Лумумба выступил в Сенате и обратился за поддержкой в борьбе против попыток ООН и Бельгии «поработить» Конго. Сенаторы 41 голосом против 2 выразили доверие правительству Лумумбы²⁸⁸. Сохранение статус-кво было его победой.

Конголезский кризис вступил в опасную фазу. Президент Эйзенхауэр осудил «односторонние действия Советского Союза, который поставляет в Конго самолеты и другое оборудование для военных целей <...>, усугубляя тем самым и без того серьезное положение, когда африканцы убивают африканцев». Президент выразил озабоченность тем, что программа ООН по коллективной помощи Конго находится под угрозой срыва из-за действий Советского Союза, «похоже, продиктованных его политическими целями в Африке»²⁸⁹. Эти резкие заявления прозвучали на пресс-конференции Эйзенхауэра 7 сентября после вручения наград восьмерым американским летчикам, которые были «жестоко избиты» «никому не

²⁸⁴ Epstein H. Op. cit. P. 40; Weissman S. American Foreign Policy in the Congo, 1960–1964. Ithaca, 1974. P. 92.

²⁸⁵ СССР и страны Африки 1946–1962 гг. Документы и материалы. Том I (1946 г. – сентябрь 1960 г.). М., 1963. С. 276, 277.

²⁸⁶ Urquhart B. A Life in Peace and War. New York, 1987. P. 166–167.

²⁸⁷ Kama T. Op. cit. P. 292, 300.

²⁸⁸ Epstein H. Op. cit. P. 38.

²⁸⁹ Ibid. P. 41.

подчинявшимися» солдатами КНА в аэропорту Стэнливиля 27 августа, как раз в тот день, когда туда прилетел Лумумба, чтобы дать напутствие войскам, отправлявшимся на советских самолетах в Касаи²⁹⁰.

На следующий день в конголезскую столицу прибыл Аверелл Гарриман, опытный дипломат, личный представитель кандидата на пост президента от Демократической партии Джона Кеннеди. 9 сентября он встретился с Касавубу и Лумумбой. Гарриман вместе с послом Тимберлейком попытался подвигнуть президента на решительные действия. Касавубу был убежден в правильности смещения Лумумбы, которого «окружали коммунистические советники», но «не знал, что делать дальше». После разговора с Лумумбой у Гарримана сложилось впечатление, что он «не коммунист, но чересчур наивен, если думает, что сможет использовать русских в своих целях, а они не будут использовать его»²⁹¹.

Перед отъездом из Леопольдвилья Гарриман побеседовал с послом М. Д. Яковлевым. Переводивший переговоры Нажесткин вспоминает: «Американский дипломат пытался убедить Яковлева в том, что необходимо строить отношения с молодым конголезским правительством и оказывать ему помощь исключительно через ООН. “Почему вы действуете в обход ООН?” – спросил Гарриман. “Потому, что помощь ООН в настоящих условиях и под вашей командой – петля на шее конголезского народа!” – ответил Яковлев. Такова была в те годы риторика “холодной войны”, весьма далекая от дипломатического этикета»²⁹².

Гарриман в долгу не остался. Он предупредил посла, что вмешательство СССР во внутренние дела Конго может не только не пойти на пользу Лумумбе, но и привести к высылке советского посольства²⁹³. Покидая посольство, Гарриман «бросил поджидавшим его журналистам фразу, облетевшую весь мир и ставшую знаменитой: “Выхлопы советских военных самолетов отравили политическую атмосферу в Конго”»²⁹⁴.

Заявление советского правительства от 9 сентября было наиболее резким за время конголезского кризиса. Особенно убойные эпитеты достались командованию войск ООН. Оно было названо «распоясавшимся» «прислужником колонизаторов». Поддержка «голубыми касками» противников Лумумбы характеризовалась как поистине не имеющая пределов «наглость колонизаторских замашек представителей, направленных Хаммаршельдом в Конго». Впервые серьезные претензии выдвигались и к самому генсеку: «Генеральный секретарь ООН не проявил минимума объективности, который требовался от него в сложившейся обстановке. В общем механизме ООН его глава оказался именно той частью, которая наиболее откровенно работает в пользу колонизаторов, компрометируя этим в глазах народов организацию Объединенных Наций»²⁹⁵.

Для нормализации ситуации в заявлении предлагались решительные и радикальные меры, как то: отстранить командование, «которое использует не по назначению войска», предоставить «законному правительству» возможность «осуществлять свои суверенные права и власть на всей территории Конго без какого-либо вмешательства или препятствия со стороны представителей ООН». Поскольку добиться этого через Совет Безопасности было невозможно, СССР призвал «государства, уважающие уже принятые решения отно-

²⁹⁰ NA. Records of the US Joint Chiefs of Staff. Central Decimal File. From Palmer to Twining. 29 August, 1960.

²⁹¹ Kalb M. Op. cit. P. 79.

²⁹² Нажесткин О. И. Годы конголезского кризиса (1960–1963 гг.). Записки разведчика // Новая и новейшая история. 2003. № 6. С. 156–157.

²⁹³ Kalb M. Op. cit. P. 79–80.

²⁹⁴ Нажесткин О. И. Указ. соч. С. 157.

²⁹⁵ Заявление Советского правительства о положении в Конго, 9 сентября 1960 г. // СССР и страны Африки. Т. I. С. 632, 633, 634.

сительно помощи Конго», оказать законному правительству Республики Конго «всемерную поддержку»²⁹⁶.

Архивные материалы свидетельствуют, что само руководство СССР предоставлять Лумумбе военную помощь не собиралось ни при каких обстоятельствах, опасаясь перехода конфронтации с Западом в «горячую фазу». В проекте заявления от 9 сентября, подготовленного МИДом, говорилось о «прямом военном содействии» законному правительству Конго, но эта фраза была вычеркнута²⁹⁷.

А кто же должен был оказывать это содействие? 9 сентября Хрущев направил послание Нкруме. Советский лидер откровенно изложил свое видение коллизии, возникшей после событий 5 сентября и роли, которую сыграли в них войска ООН: «Разумеется, я ни на минуту не сомневаюсь, что государства Африки и Азии, предоставившие контингенты своих войск для посылки в Конго в соответствии с решением Совета Безопасности, сделали это, исходя из искреннего стремления помочь Республике Конго, ее народу и правительству отстоять независимость и целостность своей страны. Однако на деле получилось так, что командование, которому были доверены эти войска, превратились по существу в пособника враждебной делу свободы и независимости Конго коалиции колониальных держав, стремящихся сорвать проведение в жизнь решений Совета Безопасности. Становится все более очевидным, что враги конголезского народа пытаются осуществить коварный план: расправиться с независимым африканским государством руками африканцев и сынов других стран, недавно добившихся политической независимости»²⁹⁸.

Для Нкрумы этот пассаж был солью на раны. Весь мир знал, что именно ганские военнослужащие из контингента ООН не пустили Лумумбу на столичную радиостанцию и разоружили его охрану, когда он хотел призвать нацию сопротивляться перевороту. Хрущев предложил Нкруме способ восстановить испорченную репутацию: «Советское правительство глубоко убеждено, что при сложившихся обстоятельствах те государства, войска которых находятся в Конго по решению Совета Безопасности», должны передать их «непосредственно в распоряжение правительства Конго», т. е. Лумумбы²⁹⁹.

Как СССР намеревался поддержать эту акцию? Всего лишь «потребовать в Совете Безопасности отстранения дискредитировавшего себя командования ООН в Конго»³⁰⁰. С заведомо неудачным исходом голосования. Хрущев предложил Нкруме передать свои войска в распоряжение свергнутого с помощью Запада правительства без гарантий, что эта мера будет поддержана СССР военными средствами. Разве что политический камикадзе мог решиться на такой шаг.

Нкрума ответил 12 сентября. Он считал, что вопрос о Конго «должен решаться через Объединенные Нации», но политика ООН «должна быть определена в свете взглядов независимых африканских государств». Предложенный же Хрущевым план, «хотя при других обстоятельствах и подходил бы, окажется неосуществимым в применении к Республике Конго при нынешних обстоятельствах»³⁰¹.

12 сентября Нкрума отправил открытое послание генсеку ООН Хаммаршельду. Он напомнил: «Гана изначально пришла в Конго для оказания помощи законному правительству Лумумбы, которое его и пригласило с этой целью». И предъявил подобие ультиматума: «Если Лумумбе не будет позволено использовать его радиостанцию в Леопольдвиле для того

²⁹⁶ Там же. С. 634, 635.

²⁹⁷ АВП РФ. Ф. 0590. Он. 2. П. 1. Д. 8. Л. 56.

²⁹⁸ Россия и Африка. Документы и материалы. XVIII в. – 1960 г. Т. II. 1918–1960. Под редакцией А. Б. Давидсона и С. В. Мазова. М., 1999. С. 248.

²⁹⁹ Там же.

³⁰⁰ Там же.

³⁰¹ Там же. С. 249.

чтобы проинформировать конголезское население о критическом положении и тем самым мобилизовать его на поддержку законного правительства Республики Конго, главой которого он является, Гана выведет свои войска в Конго из подчинения командования Объединенных Наций и оставляет за собой право предоставить их в полное подчинение законному правительству Лумумбы»³⁰².

Свою истинную позицию относительно подчинения находившихся в Конго голубых касок Нкрума изложил в секретном послании Хрущеву. А псевдоультиматум Хаммаршельду был блефом, рассчитанным на внешний эффект. Нкрума пытался наладить испорченные отношения с Лумумбой. Он написал письмо Лумумбе. Выразил «понимание трудного положения», в котором тот оказался «из-за действий войск Ганы в Леопольдвиле». Заверил, что сам «смущен и оскорблен тем, как мои ганские войска используются в Конго». В качестве доказательства, что он «занимается решением проблемы», приложил текст «только что» отправленного письма генсеку ООН. Выразил надежду, что Лумумба «заявит, что Гана и Конго боролись вместе», когда «ганские войска окажутся в его полном распоряжении»³⁰³.

СССР наращивал пропагандистскую атаку против Хаммаршельда. В ответе на его ноту от 5 сентября подчеркивалось, что советская помощь «правительству Республики Конго в форме предоставления гражданских самолетов и автомашин не только не противоречит <...> резолюциям Совета Безопасности, но находится в полном соответствии с этими резолюциями»³⁰⁴. В интервью британской газете «Daily Express» 13 сентября Н. С. Хрущев заявил: «Действия г-на Хаммаршельда по существу смыкаются с политикой стран, которые стояли и стоят на позициях колониализма»³⁰⁵. В своем кругу советский лидер презрительно называл генсека ООН «Хамом»³⁰⁶.

Советские граждане, которые оказались в те дни в Леопольдвиле, не чувствовали себя в безопасности. Как сотрудник Института Африки В. А. Субботин, приехавший туда в составе экономической делегации: «Городские газеты, которыми, по-видимому, дирижируют бельгийцы, винят в экономической неразберихе и безработице крайних националистов и ставленников Москвы. В одной из газет дежурная карикатура: питон с надписью “СССР” душит несчастного африканца. <...> Сидим в каком-то баре. Слушаем приемник, который хозяин-бельгиец настроил по своему желанию. Радио-Браззавиль объясняет, что все беды – от России, кругом русские агенты, тайные и явные. Напротив нас за столиком две бельгийки понимающе кивают головами»³⁰⁷.

Лумумба действовал энергично и напористо, используя свое ораторское мастерство и дар убеждения. Для руководителя переворота Касавубу вел себя странно, вяло и безынициативно. После выступления по радио он отправился в свою резиденцию и лег спать, оставив на столе в радиостудии текст речи о смещении премьер-министра. Через час там оказался Лумумба, и у него появились неопровержимые доказательства, что текст не был завизирован ни одним из министров³⁰⁸.

Президент объявил решения палаты депутатов и сената от 7 сентября «недействительными», но парламент его не поддержал. 13 сентября на совместном заседании обеих палат за предложение о вотуме доверия правительству и предоставлении ему особых полномочий

³⁰² Nkrumah K. Op. cit. P. 42.

³⁰³ Ibid. P. 41–42.

³⁰⁴ Нота представительства СССР при ООН генеральному секретарю ООН, 10 сентября 1960 г. // СССР и страны Африки. Т. I. С. 636.

³⁰⁵ Там же. С. 637.

³⁰⁶ Гриневский О. Тысяча и один день Никиты Сергеевича. М., 1998. С. 336.

³⁰⁷ Субботин В. А. Конго – Леопольдвиль в 1960 г. // Африка в воспоминаниях ветеранов дипломатической службы. 5(12). М., 2004. С. 284.

³⁰⁸ UKNA. FO 371/146644. British Embassy in Leopoldville – Foreign Office. № 63. September 14, 1960.

проголосовало 88 парламентариев, 2 – против, 3 воздержались. Депутаты от партии АБАКО и сторонники Илео отсутствовали³⁰⁹. По приказу Касавубу Лумумба был арестован и помещен на гауптвахту военного лагеря Леопольдвиль. Лундула распорядился его отпустить, что было немедленно исполнено охраной. Лумумба ездил по городу в автофургоне с громкоговорителем в сопровождении двух джипов с вооруженными солдатами³¹⁰. Хотел показать, что он не арестован, и армия его поддерживает. Затем прибыл к радиостанции, чтобы «обратиться к нации». Его туда снова не пустила ганская охрана, позволившая себе «оскорбительные выражения» в адрес премьера³¹¹.

Парламентарии были на стороне премьера, армия расколота. У него были неплохие шансы одолеть Касавубу. Африканский отдел Форин офиса считал, что в Леопольдвиле «два правительства, но реальной власти, кроме ООН, нет», а «чаша весов склоняется в сторону Лумумбы»³¹².

И тут он нарвался на коварную «домашнюю заготовку» противника.

³⁰⁹ UKNA. FO 371/146644. British Embassy in Leopoldville – Foreign Office. № 672. September 13, 1960.

³¹⁰ UKNA. FO 371/146644. British Embassy in Leopoldville – Foreign Office. № 686. September 14, 1960.

³¹¹ *Nkrumah K.* Op. cit. P. 52.

³¹² UKNA. FO 371/146644. The Situation in the Congo. September 14, 1960.

Переворот Мобуту

Двоевластие после «смещения» премьер-министра президентом длилось недолго. На сцену вышла третья сила и радикальным образом изменила обстановку. Свержение Лумумбы планировалась как «двухходовка». «Американские должностные лица, – отмечает М. Калб, – понимали, что драматическое снятие Лумумбы было только первым шагом для ликвидации советского влияния в Конго и что Лумумбу еще рано было списывать со счетов»³¹³. Проходную фигуру Касавубу поспешили заменить «сильной личностью».

Выбор пал на начальника генерального штаба Жозефа Мобуту. Его фигура была подходящей во всех отношениях. Член группы Бинза. Военный, пользующийся авторитетом в армии. Человек, которому Лумумба безгранично доверял.

В ночь с 13 на 14 сентября по инициативе Мобуту состоялась его встреча с Девлиным. Полковник начал беседу с наиболее важной для офицера ЦРУ темы. «Советские наводняют нашу страну», а конголезцы «боролись за независимость не для того, чтобы другая держава превратила нас в свою колонию», заявил он. Дабы не быть голословным, Мобуту приказал внести в комнату, где шел разговор, советские пропагандистские брошюры на английском языке, якобы изъятые в военном лагере Леопольдвилья. На разведчика это не произвело впечатления, он прекрасно знал, что конголезские солдаты с трудом изъяснялись на ломаном французском, а английский был для них сродни китайскому. Он молчал. Тогда Мобуту перешел к делу: «Ситуация такова: армия готова свергнуть Лумумбу, но только при условии, что Соединенные Штаты признают правительство, которое придет на смену лумумбовскому». Тут появился Бомбоко и протянул Девлину записку: «Помогите ему». Девлин оказался перед выбором. План Мобуту ему понравился, но у него не было санкции руководства на поддержку военного переворота. Сובлазн нанести русским сокрушительный удар перевесил сомнения: «Я не считал его [Лумумбу] коммунистом или советским агентом, но был уверен, что Советы им манипулируют, и рано или поздно он окажется под их контролем». Девлин заверил полковника, что США признают «временное правительство, состоящее из гражданских технократов», и пообещал, что каждый старший офицер, которому доверяет Мобуту, получит 5 тыс. долларов наличными³¹⁴.

Утром 14 сентября леопольдвильское радио передало обращение Мобуту к народу. Он заявил, что «армия решила нейтрализовать главу государства, два соперничающих правительства и обе палаты парламента до 31 декабря 1960 г., чтобы вывести страну из тупика»³¹⁵.

Мобуту действовал быстро и решительно. Он распустил обе палаты парламента, помещения которых занял батальон его личной охраны, и изолировал Лумумбу. Для премьера акция Мобуту стала полной неожиданностью, он не верил в предательство человека, который неизменно подчеркивал свою лояльность премьер-министру и даже называл его своим «духовным наставником»³¹⁶. Лумумба надеялся, что он сможет повернуть ситуацию в свою пользу, стоит ему только поговорить с начальником генштаба. Их встреча состоялась 15 сентября на территории военного лагеря Леопольдвилья, но закончилась она совсем не так, как предполагал Лумумба. Договориться ни о чем не удалось, и как только Мобуту покинул лагерь, Лумумба был атакован толпой разъяренных солдат балуба из провинции Касаи, готовых его растерзать, чтобы отомстить за погибших соплеменников. Находившимся в лагере ганцам из войск ООН с большим трудом удалось защитить Лумумбу и доставить его в

³¹³ Kalb M. Op. cit. P. 77.

³¹⁴ Devlin L. Op. cit. P. 76–80.

³¹⁵ Kama T. Op. cit. P. 304.

³¹⁶ Володин Л. Д., Орестов О. Л. Трудные дни Конго. Политический репортаж. М., 1961. С. 142.

штаб-квартиру ООН в гостинице «Ле Рояль». Там они в течение нескольких часов сдерживали толпу, жаждавшую расправы над Лумумбой, пока его не вывели через черный ход и доставили домой, в бывшую резиденцию бельгийского генерал-губернатора, под усиленную охрану войск ООН. Вторым кольцом резиденцию окружили части Мобуту. В столице прошли массовые аресты сторонников Лумумбы, были брошены за решетку 20 человек из его окружения, в том числе нескольких членов кабинета³¹⁷.

Лумумба оказался в полной изоляции. Касавубу тоже пребывал в своей резиденции под охраной войск ООН, но ему ничто не угрожало. Он принимал многочисленных посетителей, проводил встречи с политиками, где обсуждались кадровые вопросы³¹⁸. Мобуту заявил, что президент остается главой государства. Позже Касавубу признался, что полковник накануне переворота поставил его в известность о своих планах³¹⁹.

В Касаи тем временем верные Лумумбе войска продолжали вести наступление на позиции сторонников Чомбе и Калонжи. Лидеры сепаратистов приветствовали свержение Лумумбы, Мобуту назвал их «дружественными политиками». 18 сентября Мобуту приказал остановить наступление, Касавубу приказ утвердил. В войска были посланы агитаторы, которые обещали выплату всех долгов по жалованию после прекращения боевых действий. Хаммаршельд без промедления выделил на это 1 млн. долларов, а Бельгия – 500 млн. бельгийских франков³²⁰. Уставшие от боев и плохого снабжения солдаты согласились. В конце сентября они получили деньги и были доставлены самолетами ООН в родные гарнизоны. В оставленные армией районы вошли отряды касайских балуба под командованием бельгийских офицеров. Режим Калонжи был восстановлен.

³¹⁷ UKNA. FO 371/146646. British Embassy in Leopoldville – Foreign Office. No. 64. September 29, 1960.

³¹⁸ Ibid.

³¹⁹ Володин 77. Д., Орестов О. 77. Указ. соч. С. 149.

³²⁰ Namikas L. Battleground Africa: the Cold War and the Congo Crisis, 1960–1965. A Dissertation Presented to the Faculty of the Graduate School University of Southern California, 2002. P. 202. Далее: Dissertation; De Witte L. The Assassination of Lumumba. L., New York, 2001. P. 27–28.

Выдворение советского посольства

На своей первой пресс-конференции после захвата власти 14 сентября Мобуту объявил о закрытии советского и чехословацкого посольств и потребовал, чтобы все граждане стран Восточного блока покинули Конго в течение 48 часов. В качестве доказательства «коммунистической экспансии» он продемонстрировал изданную АПН брошюру на французском языке, на обложке которой красовалась фотография Хрущева с угрожающе поднятым кулаком и надписью «Руки прочь от Конго». Брошюра содержала только официальные материалы – заявления советского правительства и выступления постоянного представителя СССР в ООН В. А. Зорина³²¹.

15 сентября советский посол получил подписанную Касавубу ноту, где сообщалось, о разрыве дипломатических отношений между Конго и СССР. Персоналу посольства предписывалось покинуть Конго в течение 24 часов, по истечении которых он лишался дипломатической неприкосновенности. Посол М. Д. Яковлев обратился к главе администрации ООН в Конго Раджешвару Дайялу с требованием защитить посольство от «неконтролируемой солдатни». ООН взяло посольство под охрану до истечения срока ультиматума. «Голубые каски» оцепили здание посольства, а за ними заняли позиции мобутовские войска с пулеметами. Яковлев пытался дозвониться до Касавубу, но получал отказ в грубой форме на свои неоднократные просьбы соединить его с президентом³²².

Вечером того же дня Яковлев нанес визит Дайялу. Чиновник ООН «выразил негодование по поводу столь невежливого обращения с представителем великой страны» и предложил похлопотать, хотя бы о том, чтобы посольству дали «немного больше времени на сборы». Решение об эвакуации было принято, и посол попросил, чтобы ООН помогла получить разрешение на посадку в аэропорту Нджили этой ночью двух советских самолетов, которые должны были доставить на родину советских и чехословацких граждан. Дайял отдал соответствующие распоряжения и разрешил использовать один из Илов для эвакуации советского персонала из Стэнливиля. Он в свою очередь попросил оставить «медикаменты и другие запасы посольства» в качестве «гуманитарной помощи, поскольку находящиеся в Конго сотрудники и войска ООН испытывали острый недостаток в самом необходимом». Яковлев согласился. Советская «гуманитарная помощь» ООН «пришлась как нельзя кстати». Во многих упаковках «хранилось изрядное количество водки, которая стала даром Божиим для контингента из Эфиопии, попавшего в трудное положение в Стэнливиле»³²³.

17 сентября послы СССР и Чехословакии и около 100 сотрудников посольств обеих стран вылетели из Леопольдвилья. Британское посольство сообщало в Форин офис, что среди русских «царили страх и паника», и посольство они покидали в спешке, забыв спустить государственный флаг³²⁴. По свидетельству О. И. Нажесткина, очевидца сборов и отъезда, все было не так: «Всю ночь в осажденном здании [посольства] упаковывали и уничтожали документы. Яковлев был спокоен, деловит и не проявлял ни малейших признаков растерянности. Собранность посла передалась нам: все сотрудники организованно занимались подготовкой к эвакуации. Точно в назначенный час был спущен советский флаг, и мы заняли

³²¹ UKNA. FO 371/146644. British Embassy in Leopoldville – Foreign Office. No. 693. September 15, 1960; *Нажесткин О. И.* Указ. Соч. С. 157.

³²² Dayal R. Op. cit. P. 75; *Нажесткин О. И.* Указ. Соч. С. 157.

³²³ Dayal R. Op. cit. P. 75–76.

³²⁴ UKNA. FO 371/146644. British Embassy in Leopoldville – Foreign Office. No. 706. September 18, 1960.

места в автомашинах. Ворота распахнулись – солдаты расступились, и кортеж направился в аэропорт»³²⁵.

Конго оказалось для советских людей чужой и часто негостеприимной страной. Они нередко попадали в затруднительные ситуации, которые возникали по непонятным им причинам, и сталкивались с непредвиденными трудностями. Яковлев, похоже, выразил общее настроение оказавшихся в Конго соотечественников, спросив Дайяла, «что происходит в стране?». Вопрос был не из простых, и индеец переадресовал его советскому дипломату. Тот ответил, что «чрезвычайно озадачен»³²⁶.

С Яковлевым в Конго случались конфузы. Однажды конголезские солдаты, вооруженные винтовками с примкнутыми штыками, ворвались в отель «Нью Стэнли» и задержали его как «коммунистического шпиона». Он оказался в компании еще двух «коммунистов» – Ральфа Банча и посла Израиля в Конго. Девлин, видевший, как пленных выводили из отеля, описывал сцену с иронией: «Банч и израильтянин знали, что благоразумие – мать доблести и быстро повиновались команде сесть в кузов армейского грузовика. Советский посол, который еще не оценил значимость этой стратагемы, громко протестовал по-английски. Он объявил, что является послом СССР, с миссией помогать бедным, униженным и угнетенным конголезским массам. К сожалению, он не говорил по-французски или на одном из африканских языков, а конголезские солдаты не понимали английского. Он отказался лезть в грузовик. Без лишней суеты солдаты схватили его и швырнули в кузов, словно мешок советской пшеницы»³²⁷.

Советские медики и другие специалисты, работавшие в Восточной провинции, были немало озадачены оказанным им приемом. Некоторых из них без всяких видимых причин избили первые встречные конголезцы, для которых все белые в шортах были «ненавистными фламандцами»³²⁸.

20 сентября советские самолеты, сданные в аренду правительству Лумумбы, приземлились в Каире на пути в СССР³²⁹. В отличие от самолетов советские грузовики остались в Конго и попали в руки мбутовской армии и полиции. Там машины подчас использовались так, как, наверное, не снилось даже в кошмарных снах тем, кто принимал решение об их отправке, – для репрессий против сторонников Лумумбы. Об одном таком эпизоде рассказал генеральный секретарь Союза трудящихся Конго Эдуард Мутомбо, который участвовал в работе V Всемирного конгресса профсоюзов в Москве в декабре 1961. «Убежденный сторонник Лумумбы» с горечью сообщил в беседе с советским профсоюзным функционером, что на автомобилях, переданных СССР правительству Лумумбы, «увозили на расстрел революционеров». Самого Мутомбо приезжали арестовывать на советском грузовике³³⁰.

³²⁵ *Нажесткин О. И.* Указ. соч. С. 157.

³²⁶ *Dayal R.* Op. cit. P. 75.

³²⁷ *Devlin L.* Op. cit. P. 118.

³²⁸ *Dayal R.* Op. cit. P. 75.

³²⁹ *Epstein H.* Op. cit. P. 48.

³³⁰ АВП РФ. Ф. 590. Оп. 4. П. 6. Д. 19. Л. 94. Зав. Отделом международных связей ЦК профсоюза рабочих строительства и промстройматериалов Тимохин. Информация о работе с делегацией Конго (со столицей в Леопольдвиле) и Мадагаскара, присутствовавшей на V Всемирном конгрессе профсоюзов, 14 января 1962 г.

Хрущев против Хаммаршельда

Хрущев узнал о перевороте Мобуту, находясь на борту теплохода «Балтика», отплывшего 9 сентября из военно-морской базы Балтийск около Калининграда в Нью-Йорк, где советский лидер намеревался принять участие в работе XV сессии ГА ООН. Он внимательно следил за событиями в Конго и вместе с помощниками разрабатывал линию действий в ООН. Никита Сергеевич был очень расстроен плохими новостями из Леопольдвилья. Особое раздражение у него вызывали действия Хаммаршельда: «Пользуясь слабостью Хама, американцам удалось использовать в своих целях командование войск ООН, а теперь генсек уходит в кусты и с умилением смотрит, как разыгрывается последний акт конголезской трагедии. Конго ускользает из наших рук, но мы не должны мириться с этим. <...> Плевал я на ООН. Это не наша организация. А никудышный Хам сует свой нос в важнейшие дела, которые его не касаются. Он присвоил власть, которая ему не принадлежит. За это ему придется поплатиться. Мы еще устроим ему жаркую баню...»³³¹.

Тогда же, вспоминает Гринеvский, у Хрущева «родилась идея, как избавиться от Хаммаршельда и парализовать любую негодную Советскому Союзу деятельность генсека ООН». Генсека, считал Никита Сергеевич, следовало заменить на тройку: «Нужно предложить вместо одного генсека трех: одного от социалистических стран, другого – от западных и третьего – от нейтральных. И пусть эта тройка решает вопросы по согласованию между собой». «Осторожно» возразил только Громыко: «Она [идея о тройке] противоречит нашей линии препятствовать ревизии Устава ООН. Если только начать процесс изменения этого Устава, то неизвестно, что от него останется». Резонные доводы министра иностранных дел не произвели впечатления на Хрущева³³².

12 сентября постоянный представитель СССР в ООН В. А. Зорин в письме на имя председателя Совета Безопасности обвинил командование войск ООН и Хаммаршельда в «явном нарушении» решения Совета от 9 августа о том, что войска ООН не будут участвовать в любом внутреннем конфликте в Конго. Зорин привел факты такого вмешательства: «Как известно, командование «войск ООН», вопреки решительным протестам правительства Конго, издало приказ о прекращении доступа на центральную радиостанцию Леопольдвилья представителям этого правительства, о запрещении использования им аэродромов Республики, а также предприняло ряд действий, ставящих под угрозу безопасность ее премьер-министра. В настоящее время оккупация важнейшей провинции Конго Катанги бельгийскими войсками заменена, по сути дела, оккупацией «войсками ООН», под защитой которых бельгийские власти продолжают вести подрывную деятельность, направленную на отторжение этой провинции от Республики. Командование «войск ООН» осуществляет также незаконные меры по разоружению частей конголезской армии». Он потребовал срочного созыва Совбеза для рассмотрения положения в Конго, которое «ухудшается от часа к часу» и «создает реальную угрозу политической независимости и территориальной целостности Республики Конго, представляя одновременно угрозу международному миру и безопасности»³³³.

³³¹ Гринеvский О. Ук. соч. С. 336–337.

³³² Там же. С. 337.

³³³ S/4506.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.